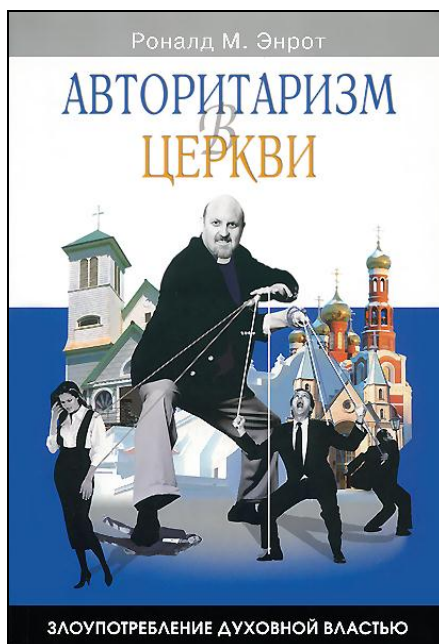

Рональд М. Энрот

«АВТОРИТАРИЗМ В ЦЕРКВИ»

Злоупотребление духовной властью

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие

Благодарность

Предисловие к русскому изданию П. Н. Столяров

1. ВВЕДЕНИЕ

Авторитарные церкви: взгляд изнутри

2. КРАЙНОСТИ И ФАНАТИЗМ

Авторитарные церкви преступают запретную черту

3. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Авторитарные церкви — явление не новое

4. АВТОРИТЕТ И ВЛАСТЬ

Авторитарные церкви злоупотребляют духовной властью

5. МАНИПУЛИРОВАНИЕ И КОНТРОЛЬ

Авторитарные церкви используют чувство вины и страха

6. ГОНЕНИЯ И ВЕРА В СОБСТВЕННУЮ УНИКАЛЬНОСТЬ

Авторитарные церкви убеждены в собственной исключительности

7. ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЛИЧНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Авторитарные церкви диктуют своим приверженцам строгие правила жизни

8. ИНАКОМЫСЛИЕ И ДИСЦИПЛИНА

Авторитарные церкви не поощряют лишних вопросов

9. ВЫХОД ИЗ ЦЕРКВИ И АДАПТАЦИЯ

Авторитарные церкви делают процесс выхода из них болезненным

10. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Авторитарные церкви — это предостережение нам

11. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРЕМЕНЫ

Авторитарные церкви будут всегда

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне было трудно писать эту книгу, потому что в ней я критикую других христиан. Когда ты выносишь оценочные суждения об отдельных христианах и христианских организациях, не принадлежащих к твоему непосредственному окружению, всегда есть опасность, что тебя не поймут и назовут твои оценки поверхностными и высокомерными. Эта книга — о церквах и других христианских организациях, которые совершают духовное насилие над своими членами, возбуждая в них чувства вины и страха.

Тем не менее, отказываясь выразить свое отношение к тому или иному явлению религиозной жизни из опасения отойти от общепринятого в нашей культуре стандарта веротерпимости, мы снимаем с себя ответственность перед Телом Христовым за других людей, которых необходимо предупредить об опасности. Пора открыть глаза на некоторые процессы, происходящие в христианском мире. В моем офисе висит плакат: «Быть христианином в этом мире труднее всего из-за других христиан». Многолетние исследования, легшие в основу моей книги, убеждают меня в справедливости этих слов.

Я могу с уверенностью предсказать, что ни одна группа, о которой идет речь на страницах этой книги, не признает справедливости моего отзыва о ней. Мне возразят, что я представил их деятельность в искаженном свете и что на основании разговора с «несколькими раздраженными бывшими членами группы» нельзя судить об остальных ее членах.

Позвольте мне заверить читателя, что все представленные в этой книге сведения основаны не на моих причудливых фантазиях, но на подлинных переживаниях реально существующих людей, которые, насколько я могу судить, говорили правду о своем опыте общения с «ранившими» их церквами и свидетельства которых можно проверить по независимым источникам. Авторитарные лидеры, защищаясь, будут утверждать, что бывшие члены их церкви искажают факты и «судятся с братьями», однако есть множество доказательств того, что в христианском сообществе существует серьезная проблема — злоупотребление властью.

Собирать материал для этой книги и работать над ней зачастую было для меня тяжелым испытанием. Я беседовал с очевидцами, которые, вспоминая пережитое, выплескивали наружу свою растерянность, боль и даже злость. Иногда мои собеседники стыдились признаться, что они сами допустили, чтобы с ними случилось то, что с ними случилось. Им не хватало понимающего человека, который помог бы им «склеить разбитое».

Надеюсь, что, читая эту книгу, вы сумеете понять этих людей. Иногда, располагая знаниями о чем-то, мы можем заранее принять меры предосторожности. К сожалению, «достучаться» до людей, которые уже попали под влияние авторитарных церквей, удается далеко не всегда. Они не считают, что ими кто-то манипулирует или что им угрожает духовное насилие. У родителей, близких и друзей, которые пытаются их спасти, просто опускаются руки. Здесь невозможно простое решение.

В конечном счете эта книга предлагает оптимистичный взгляд на проблему. И дело не только в том, что отдельные люди способны уйти из авторитарных церквей и вернуться к нормальной жизни, — обнадеживает то, что некоторые подобные группы и сами видят необходимость в переменах, отказываются от крайностей и принимают более здравую точку зрения. Побольше бы таких!

*Роналд Энрот
Санта-Барбара (Калифорния)
Июль 1991 года*

БЛАГОДАРНОСТЬ

Писатели всегда говорят, что их книги не были бы написаны без помощи других людей. В отношении моей книги это особенно верно, потому что большая ее часть состоит из личных свидетельств. Таким образом, более всего я обязан тем десяткам людей, которые бескорыстно делились со мной своими личными, часто болезненными, воспоминаниями о пережитом ими в авторитарных церквях. На страницах этой книги я могу пересказать лишь немногие из услышанных историй, но каждый собеседник помог мне лучше разобраться в предмете исследования, и все они, я надеюсь, понимают, что внесли важный вклад в этот проект. Я пытался воспроизвести их рассказы как можно точнее, однако ответственность за любые возможные ошибки лежит на мне.

Я признателен людям, которые так или иначе способствовали успеху моего начинания: это Джеми Робертсон, Кара Беттенкорт, Ребекка Кунс, Хьюберт Мёрчант, Бетти Флеминг, Джон Родки и Энн Андерсон.

Особую благодарность я хочу выразить Кевину Лью, чья помощь была неоценима и для которого эта книга имеет особое значение. Я благодарен Герберту и Луизе Мёллер, Дэвиду и Дори Шарбонно за их многолетнюю поддержку, а также Уоррену и Барбаре Лэндон, которые были воплощением верности и участия, когда я чувствовал себя одиноким. Спасибо вам, друзья.

Я всегда с благодарностью вспоминаю Дж. Уитни Ши, который много лет назад познакомил меня с социологией и стал для меня образцом не только учености, но и христианского сострадания и непоколебимой веры.

Наконец, я благодарю всех сотрудников издательства «Зондерван», в особенности моего редактора Лена Госса и издателя Стэна Гандри. Спасибо вам обоим за поддержку, ободрение и желание взяться за эту тему.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Еккл. 9:16–18, 1Ин. 5:20–21

Перед вами книга, вокруг которой до сих пор не утихают споры. Ее главная тема — злоупотребление церковной властью. Где граница между библейским руководством и господством над душами? Все ли позволено ради привлечения людей в церковь? Как «не господствовать над наследием Божиим, но подавать пример стаду...» (1 Пет. 5:3)? Вероятно, вы согласитесь не со всеми ответами, которые дает на эти вопросы автор, но если описанные в книге ситуации заставят вас задуматься, есть надежда, что вы сможете избежать многих ошибок.

Профессор Роналд М. Энрот, известный христианский социолог, много лет изучал последствия злоупотреблений властью в различных христианских общинах. Он одним из первых попытался оценить эту проблему с научной точки зрения. Его книга основана на свидетельствах многих верующих, чьи судьбы искалечены в результате самоуправства авторитарных пастырей, и она заслуживает особого внимания благодаря своей правдивости и скрупулезному рассмотрению темы.

В каждой главе проф. Энрот рассматривает особенности какой-то одной религиозной группы, но в конечном итоге ее отдельные характерные черты складываются в общую картину явления, которое он называет «духовным насилием». Эта картина помогает увидеть проблему в целом и красноречиво свидетельствует о том, что она обусловлена не какими-то внешними факторами или нерадивостью верующих, но небиблейским руководством. Автор убедительно показывает, что систематические духовные злоупотребления могут иметь место в любой церкви, если ее руководство никому не подотчетно.

Означает ли сказанное, что нам необходимо выискивать подобные проблемы в каждой церкви? Конечно, нет, хотя, как нам кажется, это исследование особенно важно для нашей страны, где так много молодых церквей — им в первую очередь грозят проблемы и искушения, описанные в этой книге. Однако издатели книги на русском языке хотели бы предостеречь читателей от одной крайности — видеть авторитаризм в любом проявлении библейской власти пастора. Библия говорит о том, что пастор должен иметь реальную власть в церкви (см.: 2 Тим. 4:2) и что все христиане должны повиноваться пастырям, как, впрочем, и все христиане должны подчиняться друг другу (см.: 1 Пет. 5:1–5).

Желание господствовать над людьми, а не служить им, знакомо верующим с евангельских времен (см.: Мк. 10:42–44, 2 Кор. 13:5). Если мы забудем об этой опасности, это приведет к усыплению совести руководителей, и уже не где-то далеко, а рядом с нами, в современных церквях, духовное насилие предстанет как Божья воля, а авторитет пастора — как откровение свыше. Нельзя забывать, что апостол Петр говорил обо всех верующих: **«Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет...»** (1 Пет. 2:9).

У вас может вызвать недоумение тот факт, что в число авторитарных Энрот включает известные в России церкви «Маранафа» и «Виноградник». Но пусть вас не сбивают с толку знакомые названия. Поскольку автор проводил исследование североамериканских церквей, мы надеемся, что приведенные в книге факты вовсе не обязательно имеют отношение к дочерним российским церквям. С другой стороны, с момента публикации книги прошло уже более десяти лет, и за это время некоторые церкви изменились. Например, в Международной (Бостонской) Церкви Христа происходят серьезные перемены, которые, хочется верить, приведут к оздоровлению ее внутренней жизни. Целью автора было не очернить действительность, но постараться честно оценить ситуацию, и если во время чтения у вас возникнут сомнения относительно иных названий и имен, многократно проверьте свои сомнения, прежде чем делать какие-либо выводы.

Издавая эту книгу, мы понимаем, что могут найтись горе-критики, готовые без разбора использовать приведенные в ней факты против любых протестантских церквей — дескать, посмотрите, какие это страшные секты. На это мы хотим привести слова Христа: **«И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?»** (Мф. 7:3) и особо подчеркнуть, что мы видим проблемы в церковной среде, желаем измениться и уподобиться образу Церкви как Невесте Христовой. Книгу следует воспринимать как попытку честно оценить ситуацию и найти пути исправления ошибок в настоящем и предотвращения их в будущем. Мы верим, что христианские церкви представляют Господа и Евангелие в глазах всего мира и что, даже согрешив, они ищут раскаяния и желают вернуться к своему Истоку.

Какое же решение предлагает автор? Он призывает следовать старым добрым принципам, основанным на Библии и многовековом опыте Церкви: это доброта, терпение, сочувствие, любовь и... подотчетная Богу и пастве церковная власть. Не так уж много, но именно это предотвращает ошибки и трагедии, если мы верим, что Господь помогает нам справляться с жаждой власти и гордыней.

Христиане не могут позволить себе закрывать глаза на проблемы, способные обернуться настоящей трагедией, но должны учиться различать истину и ложь, со смирением и любовью указывая друг другу на ошибки. Молодые пасторы и умудренные опытом служители найдут для себя в этой книге много полезного. Она послужит прекрасным пособием и в нелегком труде душепопечителей.

Если у вас возникнут вопросы, направляйте их по адресу Центра апологетических исследований: Россия, 194044, Санкт-Петербург, а/я 954. Это христианское служение уже более десяти лет занимается проблемой культиков в бывшем СССР. Мы обещаем ответить на ваши письма.

*П. Н. Столяров,
руководитель Центра апологетических
исследований (С.-Петербург)*

ВВЕДЕНИЕ

Авторитарные церкви: взгляд изнутри

Пастор Фил стоял на трибуне, наблюдая за тем, как его команда принимает участие в матче по софтболу среди церковных команд. Игра шла замечательно, но пастор Фил почему-то велел тренеру в следующем иннинге заменить некоторых игроков. Тренер послушался, но оставил на поле помощника пастора. Это явно привело пастора Филадельфия в ярость. Тренер (теперь уже бывший) рассказывал: «Он свистком приказал мне немедленно подняться на зрительскую трибуну. Он был очень зол и спросил, почему я не выполнил его команду заменить игроков, показывая на остающегося на поле помощника пастора. Без какого-либо повода с моей стороны Фил пытался публично угрожать мне в присутствии многих людей. Я был ошеломлен! Его возмущение не утихло и вечером, когда он набросился на меня и членов команды».

На следующей неделе пастор Фил распорядился, чтобы команда играла «наоборот». Это означало, что игроки-правши должны были бить с левой руки, а левши — с правой. Всех полевых игроков поменяли местами, так что каждый играл в незнакомой позиции. Поскольку пастор не мог присутствовать на матче, он прислал кого-то с видеокамерой заснять всю игру целиком, чтобы убедиться, что его распоряжения выполняются. По его словам, все это делалось с одной целью: «смирить» команду, поскольку игроки слишком возгордились из-за многочисленных побед. На самом же деле все игроки были оскорблены.

Впоследствии тренер встретился с пастором Филом наедине и сказал ему, что был потрясен и унижен его поведением. «Я напомнил, что всегда выполнял его просьбы при тренировке той или иной команды и что у него не было повода для внезапной вспышки ярости в мой адрес. Он ответил лишь, что я не повиновался ему и, следовательно, не был послушен». Как впоследствии узнал тренер, все или почти все члены команды ходили к пастору Филу и просили у него прощения, хотя извиняться было, по сути, не за что.

Картина была совершенно иной несколько недель спустя, когда телепроповедник Пол Крауч и его жена Джен приехали посмотреть, как играет их сын Мэтт, и сделать программу для собственной телекомпании Ти-Би-Эн. Перед объективами камер пастор Фил был само обаяние: он приветствовал всех игроков, вдохновлял их на победу, по ходу дела комментировал события на поле и все внимание уделял супругам Крауч. По окончании игры он собрал вокруг себя всю команду и, ни на миг не забывая о камерах, молился и благодарил Иисуса. По его щекам текли слезы.

Пастор Фил — бесспорный лидер Христианского братства «Set Free» в городе Анахайме (Калифорния). Он любит производить впечатление «крутого» пастора. Пиджак и галстук не для него. В неизменных черных очках, с серьгой в ухе, с темными волосами, собранными на затылке в хвост, он поднимается на платформу и хватается микрофон: «Я хочу поприветствовать вас в Христианском братстве «Set Free» — там, куда приходят люди, которые любят Христа, там, куда приходят люди, которые не любят Христа, там, куда приходят люди, которые хотят узнать о Христе. Это также место, куда приходят нарушители порядка — просто для того, чтобы попытаться вызвать скандал. Я мог бы назвать некоторых прямо сейчас, но не стану. Пусть Господь Сам с ними разберется, аминь?»

Затем пастор Фил приглашает свою паству «забалдеть в Иисусе». «Благословение Иисуса Христа может просто взорвать ваш разум, — сообщает он. — Иисус Христос может научить вас летать! Иисус Христос может полностью освободить вас уже сегодня утром!»

Окинув взглядом большой старый склад, на котором в 10 часов утра начинается это воскресное богослужение, я вспоминаю непринужденную атмосферу, отличавшую собрания так называемого «Народа Иисуса» (Jesus People), которые я посещал и о которых писал в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Тем октябрьским утром 1990 года, когда я влился в толпу, по большей части состоявшую из молодых людей, отовсюду стекавшихся к зданию склада, стену которого украшали слова «SET FREE», мне казалось, что я вновь попал в те давние времена. Члены церкви указывали путь потокам машин и пешеходов. Когда я приблизился ко входу, несколько человек тепло поприветствовали меня.

Еще до начала службы музыка, которую играет христианская рок-группа, подсказывает посетителю, что это не обычная церковь. Люди шумно бродят по залу, пытаются отыскать свободные складные стулья. Скамейки, расположенные вдоль задней и боковых стен помещения, тоже стремительно заполняются.

В толпе из нескольких тысяч человек большинство составляет молодежь, есть и люди среднего возраста, но тех, кому за шестьдесят, очень мало. Почти все собравшиеся — белые или латиноамериканцы, афроамериканцев единицы. Довольно много детей, зачастую без родителей. Большинство людей, пришедших сегодня утром в «Set Free», одеты просто — в шорты или джинсы, некоторые женщины демонстрируют обнаженные талии. Особенно бросается в глаза многочисленная группа мужчин, одетых по-байкерски — в черные мотоциклетные куртки и джинсовые жилеты. На куртках одних на спине красуется надпись «Иисус», на куртках других — «Научен служить Иисусу в «Set Free»». Большинство мужчин бородаты, а женщины густо накрашены. Если забыть о компании байкеров, общая атмосфера вновь очень напоминает первые слеты «Народа Иисуса» — даже поднятые вверх указательные пальцы (знак «единственный путь») то тут то там мелькают среди зрителей.

Хрипло звучит музыка, и собравшиеся с энтузиазмом на нее откликаются. Им нравится христианский «рок-н-рэп». Когда пастор Фил объявляет: «Здесь вам не нужно делать святое лицо», в ответ раздаются крики, свист и топот. В Калифорнии это обычное дело! Пастор Фил призывает своих слушателей, в большинстве своем выросших на улице, чувствовать себя как дома и забыть о церковных гимнах. Он обещает, что мы не услышим привычных проповедей. И духовных стихов тоже. «Садитесь поудобнее, расслабьтесь и наслаждайтесь музыкой, которую играет для вас самая рискованная группа Господа». «Мы семья!» — напоминает нам пастор Фил.

Громкая энергичная музыка звучит всю первую половину службы. Затем пастор Фил представляет евангельский хор «Set Free» и начинает поддразнивать слушателей: «Я собираюсь в молитве посвятить Мика Джаггера Господу, чтобы он обрел спасение. Может быть, он как-нибудь на днях споет для нас здесь, в «Set Free»». Музыканты на сцене «прыгают» для Иисуса. Одна из вокалисток щеголяет широкополой шляпой, способной поспорить даже с неподражаемым головным убором Минни Перл из американского шоу «Grand Ole' Opry». На других музыкантах футболки с надписью «Иисус».

Прежде чем перейти к благовествованию, пастор Фил приглашает на сцену популярную рэп-группу «Set Free Posse». Он призывает присутствующих внимательно слушать «насыщенную» доктрину, изложенную в тексте песни. Для тех, кому незнакомо слово «доктрина», пастор Фил поясняет, что в «обычных» церквях это называют «учением». Потом он объявляет название песни: «Не будь слюнтяем!» «Слюнтяй» — одно из любимых словечек пастора Фила. Судя по реакции зала, большинство присутствующих в курсе, что пастор нередко издевается над традиционными церквями и их отношением к богословию. Вскоре становится ясно, насколько примитивны слова песни. Слушатели одобрительно хлопают в такт. Всем весело.

Перед началом утренней проповеди пастор Фил представляет двух молодых женщин с их волнующими свидетельствами об обращении в христианство. Одна из них признается, что в недавнем прошлом увлекалась наркотиками и сатанизмом. Она говорит, что была «племенной» сатанисткой и одного из рожденных ею детей принесли в жертву.

Проповедь пастора Фила кратка и бесцветна. Он старается проповедовать простое Евангелие, близкое тем, кого не способны заинтересовать или попросту не замечают евангельские церкви. Он стоит перед толпой с раскрытой Библией в руке и непринужденно разбирает несколько стихов — это выглядит эффектно. В завершение проповеди он призывает желающих подойти к алтарю для покаяния. Выстраивается довольно большая очередь. С каждым желающим беседуют, потом за него молятся и объявляют, что он стал членом Божьей семьи.

Сорокатрехлетний Фил Агилар не соответствует образу типичного евангельского пастора. Он отбыл тюремный срок, был наркоманом — этакий «мачо», раскатывающий на «Харлее» с номерным знаком «BIKER PAS», что означает «пастор-байкер». Его темные очки и кожаная куртка стали чуть ли не символом служения, обращенного к байкерам и уличным бандам, а

также к бродягам и бездомным. Наркотики постепенно завоевывают средний класс, и «Set Free» пытается помогать молодым людям из более богатых районов города. Каждое воскресное утро у здания «Set Free» стоят всевозможные автомобили и десятки мотоциклов.

«Set Free» содержит множество домов и ранчо для проведения реабилитационных программ. Несколько сот членов церкви проживают в дюжине общежитий, расположенных близ здания церкви. Кроме того, «Set Free» использует еще почти два десятка домов неподалеку — два из них принадлежат телекомпании Ти-Би-Эн. Большинство домов задешево взяты в аренду у Агентства по реконструкции города Анахайма. Мэр города Фред Хантер, горячий сторонник «Set Free», сдает пастору Филу и его служению два своих дома.

Реабилитационная программа «Set Free» использует также несколько небольших ранчо в Перрисе (Калифорния), одно возле Далласа (Техас) и еще одно близ Чикаго (Иллинойс). Всего в программе задействованы около пятисот человек. Именно эта сторона служения «Set Free» — реабилитация и общинная жизнь — стала причиной разногласий среди критиков миссии. Некоторые из них высказывали сомнения по поводу методов реабилитации, материального обеспечения программы и недостаточного профессионализма сотрудников. Но больше всего вопросов всегда вызывали стиль руководства и неограниченная власть человека в черном — Фила Агилара. Вот что произошло с одной супружеской парой.

Впервые Тина и Арт пришли в Христианское братство «Set Free» в апреле 1987 года — у них были проблемы с наркотиками и не ладилась семейная жизнь. Они надеялись восстановить семейные отношения и вместе начать все заново. Пастор Фил регулярно выступал в передачах телевизионной сети Ти-Би-Эн с объявлением, что любой человек, у которого есть проблемы, будь то наркотическая зависимость, алкоголизм или неблагополучие в личной жизни, может обратиться в «Set Free» за советом и помощью и никому не будет отказано.

Тина и Арт обратились в «Set Free», и им не отказали. Но к тому моменту, когда их пребывание в «Set Free» подошло к концу, они уже развелись. Арт полностью утратил веру и ушел из служения, а Тина вновь вышла замуж за человека из «внутреннего круга» руководителей «Set Free», который пустил на наркотики все ее накопления и деньги от продажи имущества, а саму Тину бросил беременной и с четырьмя детьми от первого брака. Все это происходило с ведома и благословения пастора Фила.

Первое время, перебравшись в одно из общежитий «Set Free», Тина и Арт жили вместе и даже не думали о том, чтобы разъехаться или развестись. Но вскоре, когда между ними начались ссоры, пастор Фил расселил их по разным домам. Супруги не были согласны с таким насильственным разделением, но положились на мнимую мудрость и проницательность пастора Фила. Арт вспоминает: «Вместо того чтобы нам с Тиной встретиться и попытаться решить наши проблемы, мы оказались разлученными».

Кроме того, Арту не позволяли видеться с детьми без письменного разрешения пастора. Встречаясь с детьми в церкви, он мог смотреть на них с расстояния в пятнадцать метров, но не имел права подойти к ним и заговорить с ними. Разочарованный и страдающий от собственного бессилия, Арт наблюдал за тем, как его жена попадает под влияние пастора Фила. Тина была еще совсем неопытной христианкой и не могла отличить библейские истины от учений «Set Free». Она все больше и больше отдалялась от мужа. В конце концов пастор Фил объявил, что Тина и Арт «не ладят друг с другом», и посоветовал Тине получить «мирской развод», поскольку «духовный развод» невозможен, если не было прелюбодеяния. Свою жизнь в «Set Free» Тина описывает так: «Когда ты впервые туда попадаешь, ты еще очень наивен и легко можешь стать частью «клики» пастора Фила — особенно если все еще избавляешься от наркотической зависимости и у тебя куча проблем». Арт добавляет: «В то время мы с Тиной были новообращенными христианами, мы не слишком много знали о Боге и могли бы примкнуть к любой секте, даже не зная об этом. Вокруг много людей, искажающих Слово Божье, и много лжепророков».

Пастор Фил ни разу не беседовал с Артом и Тиной вместе, не молился с ними и не делился словами Писания. Арт много раз просил разрешения встретиться с женой и обсудить с ней проблемы их семьи. Всякий раз пастор Фил говорил, что они еще не готовы к такому разговору.

Потом он посоветовал им развестись, хотя ни Арт, ни Тина этого не хотели. Тина приняла совет пастора как Божью волю. Если пастор Фил благословил развод, то все в порядке.

По словам сотрудников «Set Free», они помогают многим людям, страдающим от алкоголизма, наркомании и семейных неурядиц. Мало кто из этих людей имеет какое-либо образование, помимо среднего. Лишь немногие до прихода в «Set Free» были христианами. Со слов бывших членов братства и из других источников известно, что сам пастор Фил проучился всего два семестра в библейской школе и отрицательно относится к формальному образованию. Степень магистра богословия, которая, по словам официального представителя «Set Free» была присвоена Агилару, на деле оказалась свидетельством, выданным заочной школой из штата Флорида с громким названием «Международная семинария». С учетом этих обстоятельств нетрудно понять, каким образом люди вроде Арта и Тины попадают под власть «учения» и привычек пастора Филадельфия Агилара. Тина рассказывает: «Фил многого мне не позволял, и тогда мне казалось, что это нормально, но я не могла понять смысл его запретов. Я считала, что запреты идут мне на пользу, и не представляла себе, насколько это плохо — отрывать человека от семьи и не давать внукам видиться с дедушками и бабушками». Несколько раз Тина порывалась уйти из «Set Free». Всякий раз ей говорили, что она еще слаба и непременно вернется к наркотикам. Несмотря на внутреннее сопротивление, она оставалась в организации, боясь вернуться к наркомании и безбожию.

Когда Тина разводилась с мужем, пастор Фил пришел к ней и сказал, что он беспокоится о ней, что он на ее стороне и полностью поддерживает ее в решении получить развод. Он также выказал желание, чтобы Тина навсегда осталась в «Set Free» и обрела там новую жизнь для себя и своих детей. Он посоветовал ей хотя бы два года повременить с новым замужеством, чтобы провести это время рядом с пастором и сблизиться с Господом. Тина поселилась по соседству с пастором Филом и его семьей. Когда она плохо себя чувствовала, Агилар часто заходил к ней в комнату, чтобы поболтать и сказать ей, что у нее «прекрасные дети и все такое прочее». По совету Филадельфия Тина сказала детям, что их отец «отпал от веры и не поступает по воле Господа».

В конце концов Тина вновь вышла замуж за члена «Set Free» Питера, в то время одного из помощников пастора Филадельфия. Она решила, что все проблемы остались позади, однако в глубине ее души появилось какое-то беспокойство. Она не позволяла себе «лишних вопросов», веря всему тому, что говорил Фил Агилар, ведь он был ее пастором. «Я никогда не сомневалась в необходимости развестись и снова выйти замуж, поскольку думала: пастор Фил знает, что делает, и все в порядке».

Однако Питер и Тина также ушли из «Set Free», потому что собирались — без разрешения пастора Филадельфия — провести свой медовый месяц на Гавайях. Фил заставил их отказаться от большинства планов, связанных со свадьбой и свадебным путешествием, и сказал, что поваляться на солнце или поглазеть на пальмы они могут и на заднем дворе одного из домов «Set Free». В итоге молодожены оказались с четырьмя детьми в однокомнатной квартире. Вскоре после свадьбы Питер и Тина переехали в другой город, где Питер снова начал употреблять наркотики. За одиннадцать месяцев их совместной жизни Питер четырежды уходил в наркотический «запой». В последний раз он украл у Тины все ее деньги и личные вещи. Придя в себя, он заявил, что возвращается в «Set Free», чтобы служить Господу. Он уехал в среду, а в пятницу уже давал телефонные консультации звонившим на «горячую линию» Ти-Би-Эн — добровольцы из «Set Free» часто вызываются делать это. После этого Тина начала сомневаться в Боге, но лишь потому, что, как она сама объясняет, «сделала Филадельфия своим Богом. Я не понимала, как пастор мог позволить всему этому случиться. Я не понимала, как Фил мог вновь обласкать моего мужа сразу же после того, как тот обворовал собственную жену и два дня подряд колол наркотики. В то время я уже была беременна, но мне пришлось отказаться от всех коммунальных услуг, потому что Питер оставил меня без денег и мне нечем было заплатить по счетам». Беременность была незапланированной, потому что пастор Фил не позволял Тине пользоваться контрацептивами.

Вернувшегося в «Set Free» Питера приняли с распростертыми объятиями. Никто ему не напомнил об ответственности за беременную жену и детей. Когда же он попытался вернуться в

семью, его подняли на смех за сентиментальность. Фил сказал: «Питер, ты опять показал себя полным слюнтяем».

Тина и дети по-прежнему живут одни.

Вместе с Тиной и Артом в «Set Free» пришли брат и мать Тины. Все они чего-то лишились. Луизу, мать Тины, привело туда беспокойство за детей и внуков. Теперь она лишилась невестки и внуков. Роберт, брат Тины, обратился в «Set Free» за помощью в избавлении от наркотиков. На момент написания этой книги жена и дети Роберта все еще довольно активно участвовали в жизни «Set Free». Самому Роберту было позволено видеться с семьей всего один час в неделю по воскресеньям, но только на территории Христианского братства «Set Free», возглавляемого Филом Агиларом.

Одного из членов «Set Free», пришедшего в организацию с иллюзиями по поводу перспектив служения, постигло скорое разочарование:

Принципы «Set Free» сводятся к тому, что все должны жить одной общиной. Мы с женой только что продали свой дом и вселились в квартиру. Пастор Фил постоянно давил на нас, уговаривая отказаться от аренды и перебраться в один из домов, принадлежащих «Set Free». В то время у братства было двенадцать домов, в которых жило около двухсот человек. Как говорил мне пастор Фил, переехав, я избавлюсь от необходимости искать финансовую поддержку или где-то подрабатывать, чтобы оплачивать счета, и смогу посвящать двадцать четыре часа в сутки служению и тому, к чему призвал меня Бог. Он также обратил мое внимание на то, что, если мне придется по какой-либо причине уехать из города, моей жене будет с кем пообщаться. Мы с женой пришли к выводу, что переезд будет правильным шагом. Мы приняли это как слово мудрости от Господа и нашего пастора, так что расторгли договор аренды и переселились в один из домов «Set Free». Думая, что проживем в новом доме всю оставшуюся жизнь, мы на свой вкус обустроили жилье. Мы подарили братству всю свою мебель, холодильник и множество домашней утвари. Кроме того, часть имущества мы продали.

Пэт и Керри встретили суровые испытания на посту молодежных пасторов в Христианском братстве «Set Free» Фила Агилара. Их попросту использовали, чтобы придать служению «Set Free» более уважаемый вид: их семья была разрушена; их неоднократно отстраняли от служения, когда они добивались слишком больших успехов в работе с молодежью; они пережили разрыв с сестрой Керри, Стэйси, которая полностью подчинила свою волю организации и вышла замуж за сына Агилара Джеронимо.

К моменту знакомства с Филом Агиларом Пэт был молодежным пастором в Анахайме. Он горел желанием служить Богу и подумывал о посвящении своей жизни служению. У него было множество нетрадиционных идей, с помощью которых, как он полагал, можно затронуть сердца современной молодежи. Ему никак не удавалось найти общину, которая захотела бы воплотить в жизнь идеи, способные сделать церковь интересным местом, куда молодые люди могли бы прийти и чувствовать себя как дома сутки напролет.

Тесть познакомил Пэта с Филом Агиларом. В то время они знали о «Set Free» лишь то, что это городское служение, которое помогает бедным и нуждающимся и служит страждущим и заключенным. Пэт вспоминает: «Со стороны все выглядело в точности так, как мне хотелось». При первой встрече пастор Фил поразил Пэта своей сильной харизмой: «Он был очень энергичен и полон энтузиазма. Он выглядел очень нетрадиционно: бывший гангстер, бывший наркоман, бывший зэк, байкер на «Харлей-Дэвидсоне», мексиканец по происхождению, одетый во все черное, не снимающий солнцезащитных очков «Ray-Ban» и с головы до ног покрытый татуировкой». Пэт поделился с Филом своим видением проблем молодежи и желанием открыть в Анахайме молодежный центр. Он также сказал, что ожидает приглашения на постоянное служение от одной церкви из Северной Калифорнии. Агилар провозгласил, что Пэт не поедет в Северную Калифорнию, поскольку Бог призывает его остаться в Анахайме и Пэт станет сотрудником «Set Free».

Поначалу Пэт и Керри не обратили внимания на предсказания пастора Филадельфии, но затем начали посещать собрания «Set Free», и эта церковь оказалась им «настоящей христианской утопией». Фил приглашал Пэта с семьей на сцену и представлял их как «славное семейство». Это происходило на глазах у паствы, состоящей из бывших гангстеров, наркоманов и алкоголиков. В те первые недели семье Пэта оказывали исключительный прием, и молодые люди постепенно стали привязываться к Филу Агилару и «Set Free». Затем Фил предложил сделать Пэта первым в истории «Set Free» молодежным пастором, но предупредил, что Пэту придется жить верой и самому собирать для себя пожертвования.

Сразу после этого разговора Пэта и Керри «случайно» навесил один из членов «Set Free» с Божьей вестью относительно их дальнейшей жизни в Анахайме и с предложением финансовой поддержки. Они поняли, что должны остаться в «Set Free».

Первые три месяца их жизнь и служение шли замечательно. Пэт достиг огромных успехов в работе с двумя сотнями старшеклассников, его приглашали для консультаций в государственные учреждения. Он рассказывает: «Все было прекрасно, и мы думали, что наконец-то нашли место, куда Господь привел нас и где мы должны провести остаток своей жизни». Все изменилось, как только они решили переехать в один из домов «Set Free».

Пэта назначили старшим над тремя основными домами братства, где проживали около восьмидесяти человек, и вскоре он и Керри начали замечать некоторые несообразности как в жизни общины, так и в частной жизни Филадельфии Агилар. Супруги впервые почувствовали тревогу. Фил окружил себя необразованными людьми, состоящими под надзором суда и нуждающимися в постоянном присмотре. Многие не умели читать и знали христианское учение и Писание только со слов Филадельфии. В «Set Free» им не давали никакого образования, и они, как говорит Пэт, «в буквальном смысле слова боялись Филадельфии и служили Филу». Новообращенных христиан посылали в офис Ти-Би-Эн отвечать на телефонные звонки, поступающие по «горячей линии», — это «благословение» было обязательным для членов «Set Free», даже если они еще не совсем избавились от собственных греховных пристрастий. Любые сомнения относительно решений Филадельфии и любые признаки «безответственности» наказывались пребыванием на «франчо» — грязном участке земли площадью в два гектара близ городка Перрис, жилые помещения которого состояли из нескольких одинаковых комнатух размерами три на три метра и уличного душа, отапливаемого дровами.

Обычно прихожане «Set Free» уезжали на ранчо, чтобы духовно возрастить, — туда удалялись, чтобы «приблизиться к Господу». Но иногда ранчо служило просто местом наказания. Фил разлучал детей и родителей, он разлучал мужей и жен, братьев и сестер, кого-то одного из них отправляя на ранчо. Люди терпели такое обращение и оставались в «Set Free», потому что многие из них знали: если они уйдут, им некуда будет податься.

Как вскоре убедился Пэт, частная жизнь Агилар также не соответствовала Писанию. Фил утверждал, что принял обет бедности и что за время служения ему пришлось сорок два раза переехать с места на место. Однако он часто обедал и ужинал в ресторанах, носил рубашки за пятьдесят долларов, его дорогой обуви и одежде могли бы позавидовать его собственные дети, а для своих мотоциклов он покупал различные «навороты» — Пэт и Керри должны были кормить двадцать пять человек, проживавших в их общежитии, на двести долларов в неделю. Вдобавок Фил мог пользоваться множеством разных мотоциклов и автомобилей. Он возглавлял автомобильное и мотоциклетное «служения» и выделял своим верным последователям мотоциклы, чтобы те могли принимать участие в «выездных проектах», оплачиваемых церковью. Чтобы скрыть свои дорогостоящие привычки, Агилар, по словам Пэта, носил футболки, шорты и армейские ботинки.

Иногда пастор Фил говорил, что «хуже старого христианина может быть только образованный христианин», и причиной тому, вероятно, были скудость его собственного богословского образования и ощущение своей «адекватности». Тем не менее, ругая своих подопечных, он называл их «бесхребетными слюнтяями», «молокососами» или «неучами». Иногда он высмеивал и унижал кого-нибудь прилюдно.

Причуды пастора Филадельфии проявлялись и в непоследовательности, которой отличались его учения и поступки. К тем, кто обращался за помощью в «Set Free», относились по-разному — в

зависимости от того, имели ли они связи с влиятельными людьми и насколько полезными они могли оказаться для пастора Филадельфии. Когда влиятельная и щедрая на пожертвования женщина, некогда возглавлявшая молодежное служение в «Set Free», вернулась в организацию и захотела занять в ней свою прежнюю должность, Пэт почти лишили возможности работать с молодежью. Пэт и Керри считали, что их семью просто использовали для формирования общественного мнения, чтобы поддержать служение пастора Филадельфии и уравновесить его байкерский имидж.

Отношения супругов с родителями Керри были натянутыми настолько, что в последние месяцы пребывания Керри в «Set Free» ее фактически поставили перед выбором: либо родители, либо служение. Родители Керри виделись с внуками только по воскресеньям, когда помогали присматривать за детьми. Их обвиняли в том, что они «мешают» Божьему делу.

Сестра Керри Стэйси по-прежнему остается членом «Set Free», она замужем за Джеронимо, сыном Филадельфии Агилара. Ее настроили против родственников, и когда Пэт и Керри несколько раз зашли к ней в гости, их обвинили в том, что они «провоцируют ссору» и «разрушают единство». Похоже, Стэйси смирилась с образом «христианского мачо», который проповедуют Агилар-старший и Агилар-младший. Как рассказывает Пэт, «от Стэйси требуют относиться к мужу так, словно он — Господь». Всего через несколько часов после первых родов она уже была на ногах и готовила мужу еду. Ее муж никак не участвует в воспитании ребенка, предпочитая подождать до тех пор, когда с ним можно будет поговорить. Керри отзывается о Джеронимо так: «Его никогда нет дома, он делает что ему вздумается, но к Стэйси это обычно не имеет никакого отношения». Стэйси продолжает выгораживать мужа, поддерживая его репутацию. Бывшие члены «Set Free» в один голос свидетельствуют о том, что в братстве многие мужчины относятся к женщинам как к прислуге.

Фил не хочет видеть в церкви никаких пресвитеров — он утверждает, что на нем лежит единоличная ответственность перед Богом за всю паству. Таким образом, внутренняя подотчетность отсутствует. Кроме того, по праву пастыря стада, живущего общинной жизнью, Фил требует от своих прихожан получать письменные разрешения на любой серьезный шаг. Пэт, будучи мужем и отцом, не имел права самостоятельно управлять собственной семьей — по всем вопросам он должен был советоваться с Филом.

Как рассказывает Пэт, из-за этого и других спорных установлений Филадельфии он «в конце концов дошел до того, что едва не остался без жены и ребенка. Керри испытывала сильные душевные муки, и служение все больше и больше сказывалось на ее самочувствии». Однажды Пэт вызвали на тренировку футбольной команды и сказали, что он — типичный «слонтяй», потому что не сумел справиться с женой и держать ее в отдалении от матери. Его поставили перед выбором: взять семью в руки и «показать себя мужиком» или оставить служение. Когда Пэт спросил совета у двух других руководителей «Set Free», которые тоже подумывали уйти из служения, те посоветовали ему в случае ухода сделать все тихо, не нарываясь ни на какие неприятности.

Однажды вечером Пэт и его жена тихо ушли из общежития братства, однако спустя некоторое время они вернулись за своей мебелью и обнаружили, что все вещи вынесены из комнаты и спрятаны под замок. Когда они принялись собирать немногие оставшиеся пожитки, к ним зашел пастор Фил, чтобы помочь. Вот как Пэт описывает то, что происходило дальше:

Я сказал, что нам не нужна его помощь. Он ответил, что чем скорее он от нас отделается, тем лучше. Когда мы все собрали, он принялся оскорблять меня, рассчитывая, что я его ударю. Он пытался унижить меня, называя «бесхребетным слонтяем» и «молокососом». Он сказал, что в его служении я сею раздор и что из-за меня уходят другие люди. Когда в ответ я сослался на Писание, он ничего не ответил, но продолжал унижать меня в присутствии жены и всех соседей по общежитию. Я уверен, что он пытался разозлить меня, чтобы я его ударил. Это доказало бы всем присутствующим, что на самом деле я «беззаконник» — именно так в «Set Free» обычно называют вероотступников и непокорных.

Пэт и Керри присоединились к другому христианскому служению и через полгода вернулись в «Set Free», чтобы навестить Стэйси, которая к тому времени уже ждала своего первого ребенка. Появился пастор Фил, и его первыми словами были: «Привет, el wimpro! Wimpro вернулся!» Фил подошел к Пэту, обнял его и спросил, что он тут делает. «Я ответил, что просто заехал в гости, и тогда он сказал, что мне лучше сразу же убраться восвояси. Он снова заявил, что я пытался посеять в церкви раздор. Он назвал меня неудачником и безвольным слюнтяем. Затем он сообщил, что Бог ничего не станет делать в жизни такого ничтожества, как я. Он говорил, что моя семейная жизнь пошла прахом и что именно поэтому я вернулся в город. Несколько минут спустя к оскорбляющему меня Филу присоединилась его секретарь Лоис — она начала говорить, что я ступил на скользкую дорожку и что если я и впредь буду вести себя по отношению к Филу таким образом, Бог может лишиться меня жизни, потому что я выступаю против человека, которого помазал Бог».

Как рассказывает Пэт, пастор Фил распался все больше. «Он начал хлопать меня по голове и несколько раз делал вид, что целует меня, а потом приблизился, поцеловал меня прямо в губы и спросил: «Ну и что ты будешь с этим делать?»» Пэт ответил, что будет молиться за Фила, потому что тот вконец запутался и Бог накажет его, если он не свернет со своего нынешнего пути. Это была последняя встреча Пэта и Керри с пастором Филом Агиларом.

По мнению Пэта, «Фил Агилар — сбившийся с истинного пути человек, одержимый самолюбием и шовинизмом, гордый, завистливый, высокомерный и чрезвычайно авторитарный. Ради успеха своего служения или своего бизнеса он пойдет на все». До обращения в христианство пастор Фил носил кличку Королевская Кобра. В тот день, когда пастор поцеловал Пэта в губы, Пэт сказал ему, что Кобра так и не умерла, она жива до сих пор. Пастор Фил обернулся, взглянул на Пэта и удалился.

* * *

Эта книга — о людях, которым был нанесен психологический и духовный ущерб в церквях и других христианских организациях. В отличие от физического насилия, которое зачастую оставляет на теле шрамы, духовное насилие оставляет шрамы в душе и психике человека. Эти раны наносят те, кто благодаря своему положению носителей духовной власти пользуется в нашем обществе почетом и уважением. Эти люди основывают свою власть на Библии, на Слове Божьем, и считают себя пастырями, облеченными доверием свыше. Но когда они попирают это доверие, злоупотребляя властью и своим положением в церкви, чтобы господствовать над людьми и манипулировать ими, последствия могут быть катастрофическими. Извращенное понимание власти, которое мы наблюдаем в авторитарных церквях, порождает у их членов нездоровую зависимость от лидеров и в конечном итоге вносит в их жизнь духовную смуту.

Эти люди — настоящие жертвы. На страницах моей книги вы познакомитесь с теми, кто на себе испытал духовное насилие. Они сами поведают вам, что привлекло их к авторитарным религиозным группам и как пребывание в этих группах повлияло на их жизнь. Они расскажут, с какой болью они уходили из церкви и с каким трудом вновь привыкали к жизни во «внешнем мире». Многие из них жизнь в подобном окружении настолько опустошила, что подчас им трудно читать Библию, ходить в церковь и даже верить в Бога.

Об избиении жен и жестоком обращении с детьми написано много. В этой книге вы прочтете о насилии над христианами и жестоком обращении с ними. Большинство героев моей книги называют себя рожденными свыше христианами. Церкви и служители, искалечившие их жизнь, исповедуют евангельское или фундаменталистское богословие. Тем не менее авторитарные церкви находятся на обочине или вообще за пределами традиционной для Северной Америки евангельской субкультуры. Иными словами, подобные группы редко состоят в таких организациях, как Национальная ассоциация евангельских христиан (National Association of Evangelicals), и не оказывают финансовой помощи миссионерским и гуманитарным организациям типа World Vision International. Их дети не участвуют в молодежных движениях «Young Life» и «Youth for Christ» («Молодежь для Христа») и не учатся в таких традиционных евангельских колледжах, как Westmont (Уэстмонт) и Wheaton (Уитон), или даже в библейских учебных заведениях вроде Moody Bible Institute (Библейского

института Мооди). Пасторы этих церквей не читают журнал «Christianity Today» («Христианство сегодня»).

Я собирал материал для этой книги несколько лет, и за это время опросил сотни людей, пострадавших от духовного насилия, чтобы узнать о том, что им довелось пережить. Кроме того, я говорил со многими, кто так или иначе повлиял на бывших или действительных членов авторитарных церквей. Я старался записывать наши беседы на пленку, но не во всех случаях это мне удалось. Я хотел бы, насколько это возможно, донести до читателя чувства и переживания этих людей, изложенные их собственными словами, — своего рода взгляд изнутри. Анализ и комментарии сведены мной до минимума. В методологии своих исследований я придерживался наставлений Роберта Коулса, специалиста по социальной психологии из Гарварда, автора знаменитой серии книг «Дети кризиса». Как и он, я ставил перед собой цель «изучать жизнь конкретного человека, не ловить его на слове, не навешивать на него ярлыков, не сводить беседу к заумным рассуждениям, но... изучать, описывать и передавать увиденное, услышанное, понятое и прочувствованное как можно более откровенно и благоразумно...»

В каждой главе описывается один или несколько конкретных случаев и приводятся эпизодические сведения, полученные из личных бесед и других источников. В некоторых случаях я объединял разные истории в одну, то есть соединял двух-трех людей в один персонаж. Надежность и достоверность полученных данных важны для социолога. Я считаю, что все описанные в книге случаи достаточно хорошо отражают общее положение вещей. Я верю, что люди, которые делились со мной своими переживаниями, говорили правду, и точно так же я уверен в том, что руководство церквей, к которым эти люди в прошлом принадлежали, назовут рассказы своих бывших членов преувеличением или искажением действительности. Хотя я не прибегал к помощи формальных анкет и мои исследования вовсе не претендуют на «статистическую значимость», я считаю, что мне удалось выявить поведенческие стереотипы, которые поддаются независимой проверке при помощи стандартных методик бихевиоризма.

Помимо неформальных всесторонних бесед с бывшими членами авторитарных церквей, я посещал некоторые из упомянутых ими церквей, слушал в записи и вживую бесчисленные проповеди пасторов, о которых мне рассказывали бывшие прихожане и родственники и друзья нынешних прихожан. При любой возможности я старался побеседовать с руководителями церквей. Все названия церквей, о которых идет речь в этой книге (за исключением нескольких), приведены без изменений. Имена всех бывших членов церквей изменены.

Социологи ищут стереотипы в поведении человека и функционировании институтов общества. Ознакомившись с этой книгой, вы увидите контур того, что называется пасторским духовным насилием. Прежние и нынешние церкви, которым присущ этот феномен, отличается, в первую очередь, наличие сильных авторитарных руководителей. Эти руководители провоцируют у своей паствы чувство вины и страха, чтобы манипулировать ею и удерживать ее в установленных рамках. Прихожанам внушают мысль, что другой такой церкви не найти, что Бог выделил их для какой-то особой цели. Другие, более традиционные евангельские церкви подвергаются осуждению. Основное внимание уделяется субъективному опыту, никакие разногласия не поощряются. Многие стороны жизни членов церкви находятся под постоянным надзором. На паству налагается множество правил и требований. С теми, кто не выполняет эти предписания и угрожает публичным разоблачением, подчас поступают очень жестко. Отлучения от церкви — обычное дело. Покинувшим организацию людям трудно вернуться к нормальной жизни.

Пытаясь понять феномен авторитарных церквей, я все отчетливее понимал, как происходит насилие, как откликаются на него разные люди и насколько похожи результаты, к которым это насилие приводит. Подчас, когда я слушаю рассказ о чьих-то переживаниях, мне хочется воскликнуть: «Постой, дай-ка я сам тебе расскажу, что было дальше». Я вспоминаю, что говорил о своих собственных исследованиях Роберт Коулс: «Некоторые наблюдения и суждения всплывают на поверхность снова и снова — до тех пор, пока... не приобретают правдоподобного звучания. Не знаю, как они воспринимаются другими, но для меня это звучание через некоторое время становится отчетливым и незабываемым».

КРАЙНОСТИ И ФАНАТИЗМ

Авторитарные церкви преступают запретную черту

20 марта 1986 года Дженет Коул на машине приехала из Сизтла в Портленд и в ванной мотеля утопила свою пятилетнюю дочь Бриттани. Привлекательная женщина тридцати семи лет от роду, которую друзья называли идеальной христианкой, была убеждена, что одержима бесом и что подобная судьба, вероятно, уготована и ее дочери. Она хотела, чтобы девочка попала прямо на небеса, и из любви убила ее.

Дженет Коул к тому же была членом большой пятидесятнической церкви «Community Chapel» в южной части Сизтла, которая, как говорят ее бывшие члены и прочие критики, «зациклена» на бесах и «служении освобождения». Трагедия девочки привела к тому, что в прессе стали появляться сообщения, привлекая излишнее внимание к этой церкви и ее бывшему пастору Доналду Ли Барнетту. Горячие споры шли не только вокруг экзорцизма, но и вокруг учения пастора Барнетта о «танцах в Духе» и «духовных связях» с лицами противоположного пола.

Барнетт утверждает, что начало этому «действию Бога» положили некоторые его мистические переживания, в том числе явление «танцующего ангела». Свое «данное свыше учение» Барнетт получил отчасти через небесное видение, в котором Бог обещал одарить его истиной, дотоле неоткрытой ни одному человеку. «Бог сообщил мне, что ни один человек еще не входил в увиденные мной высшие сферы. Он позволил мне ощутить то, чего никогда не видел ни один человек. Я соединился с Богом, я получил откровение, я был един с Иисусом Христом».

Робин и Мэтт оказались в числе тех, кого увлекло «данное свыше учение» пастора Барнетта. С тех пор их жизнь так до конца и не вошла в прежнее русло. Я обстоятельно расспросил их, как и десятки других людей, о тех почти невероятных событиях, которые превратили «Community Chapel» из никому неизвестной церкви на обочине фундаменталистского движения в фанатичную, склонную к духовному насилию организацию. Вы не поверите, но пережитые Робин и Мэттом потрясения довольно типичны для сотен других людей, попавших под влияние этого «действия Бога».

Я звонила Джен (подруге из той же церкви), я кричала и плакала, зная, что мои страдания имеют духовную природу. Я чувствовала, что в этом есть какой-то обман, но не понимала, в чем и каким образом меня обманывают. Церковь тянула меня в одну сторону, Мэтт — в другую, мое собственное сердце подсказывало что-то третье, мой муж был увлечен моей лучшей подругой и жил с ней в нашем доме. Незадолго до того я перенесла хирургическую операцию и просто обезумела. Я поселилась в подвале, где тихо сходила с ума, а они наверху играли в дочки-матери и занимались воспитанием детей. Время от времени Мэтт приходил домой и заглядывал ко мне, чтобы чем-то помочь. В конце концов ему пришлось каждую ночь оставаться со мной, потому что я не могла заснуть. От меня остались кожа да кости. Я не могла есть, не могла спать, у меня начались проблемы с кожей, стали выпадать волосы. Я мучалась, у меня родился замысел убить детей и покончить с собой, чтобы положить конец этому безумию, потому что я любила женатого человека, отца двоих детей, и только от него зависело, сохраню ли я рассудок.

Таков был итог многих лет, проведенных Робин и Мэттом в «Community Chapel» Дональда Ли Барнетта.

История этой церкви началась с того, что в 1966 году Барнетт, которому тогда было 62 года, организовал небольшую группу по изучению Библии. К середине 80-х на воскресные службы собиралось уже более двух тысяч человек, не считая прихожан еще двенадцати дочерних общин, в то время поддерживавших тесное общение с «Community Chapel». Сегодня «Chapel» представляет собой лишь тень той церкви, какой она была в 70-х и 80-х годах. Количество членов сократилось до двухсот человек, судебные тяжбы раздробили приход, пастор оставил служение, часть церковного имущества была распродана, чтобы оплатить счета. Здесь же речь

пойдет об этой церкви периода ее расцвета. Это невероятная история о том, что может произойти, когда в церкви появляется авторитаризм и она начинает скатываться к духовному и нравственному хаосу, когда церковь, и без того находившаяся на самой обочине традиционного евангельского движения, преступает запретную черту.

Организация владела комплексом зданий стоимостью в 10 млн. долларов, где члены церкви, в том числе и Робин с Мэттом, не только получали знания о Боге и Библии, но и проводили целые часы в «танцах в Духе» с «духовными родственниками». Под влиянием церкви и пастора Робин и Мэтт развелись со своими супругами, оставили детей и поженились.

Барнетт наставлял членов «Community Chapel» относительно каждой стороны их жизни — как духовной, так и земной. В церковных информационных бюллетенях часто появлялись необычные «пасторские увещания». К примеру, один из выпусков предупреждал мужчин, что не следует пользоваться услугами парикмахерских, где делают прически в стиле «унисекс». «Наша церковь выступает против любых сколько-нибудь ультрасовременных, вызывающих или женоподобных причесок у мужчин! Меня как пастора возмущает, что все больше мужчин завивают волосы в парикмахерских. Пожалуйста, не следуйте женоподобным, бесполом, гомосексуальным веяниям моды. Матери, как бы это ни было удобно, не стоит стричь мальчиков в салонах красоты. Там они увидят «больших мальчиков», которым делают модные, «голубые», женоподобные прически. Наблюдая это, они тоже могут поддаться искушению. Такие места не обходятся без присутствия бесов гомосексуализма, которые только и ждут, как бы подловить легковверных». Руководство церкви проводило семинары на такие темы, как «Уход за своим двором», «Мастурбация», «Воспитание детей», «Как правильно одеваться», «Как быть хорошей женой», «Как быть хорошим работником», «Как быть женой служителя», «Как выбирать косметику».

Если есть какое-то слово, которым можно охарактеризовать Дона Барнетта и его церковь, это слово «надзор» — деспотический надзор за жизнью каждого прихожанина. Пасторская «забота» Барнетта затрагивала даже такие вопросы, как минимальное расстояние между сидящими на церковных скамьях. В церковном бюллетене он выражал обеспокоенность «жалобами некоторых людей на то, что из ночи в ночь они без всяких видимых причин не могут заснуть». Помимо прочего, он рекомендовал прихожанам перед самым сном принимать горячую ванну и выпивать немного теплого молока. «С верой попросите Господа послать вам крепкий сон, освободитесь от любых физических, эмоциональных и бесовских помех. Затем позвольте своему телу расслабиться». Под этими советами стояла подпись: «Ваш пастор, который заботится о вас».

Эта «забота» также простиралась на разведенных и встречающихся. «Поскольку возможности для греха, злоупотреблений и бесовских нападков в этой области неисчерпаемы, мы должны твердо удерживать свои позиции, чтобы хранить благочестие и гарантировать, насколько это возможно, что никто из нас не пострадает слишком сильно». Таким образом, чтобы принадлежать к «Community Chapel», следовало соблюдать два правила: «1) Разведенный не может встречаться или начинать строить отношения с кем-либо без предварительного на то разрешения пастора. За соответствующим разрешением обращайтесь к жене пастора, которой он поручил надзор за этими вопросами; 2) Никто не может встречаться и строить отношения с лицами противоположного пола, если процесс развода еще не завершен».

Большинство членов церкви сталкивались с системой тотального надзора, в рамках которого все свободное от работы время следовало отдавать на благо церкви. Наивысшим проявлением духовности, по сути, было работать в структуре самой «Community Chapel». Вечернее время чаще всего было занято церковными мероприятиями. Обычным делом считалось проводить в церкви по пять-шесть вечеров в неделю. На вопрос о том, каким образом прихожане развлекались, Робин ответила: «Это и было нашим развлечением, мы ходили в церковь».

«Community Chapel» не всегда была столь авторитарной церковной организацией, хотя ее пастор с самого начала придерживался ряда неортодоксальных убеждений. В молодости Барнетт и его семья принадлежали к Объединенной пятидесятнической церкви – деноминации,

которая отрицает традиционные представления о Троице и, следовательно, отделяет себя от исторического христианства. Барнетт по-прежнему проповедует искаженное учение о Троице.

Никто никогда не рукополагал Барнетта на пасторское служение, но он окончил не аккредитованную библейскую семинарию в штате Айдахо, затем преподавал в воскресной школе и вел группы по изучению Библии в нескольких общинах «Assemblies of God» («Ассамблей Божьих») в штате Вашингтон. Из всех этих церквей он ушел из-за разногласий по вопросам учения и какое-то время работал чертежником.

В 1967 году Барнетт и его жена Барбара организовали домашнюю группу по изучению Библии, которой заинтересовались новообращенные христиане, жаждавшие общения. Группа стремительно росла — богослужение под музыку, а также манеры и взгляды Барнетта нравились молодым верующим. Один бывший прихожанин говорит: «Первое время в учении Барнетта не было заметно ничего плохого. Он проповедовал Евангелие, и церковь росла. Однако все вновь пришедшие были новообращенными христианами, и они не знали Слова Божьего. Все, что им становилось известно, они узнавали от Барнетта, и им приходилось полностью ему подчиняться».

Группа по изучению Библии постепенно выросла в церковь со своей Библейской школой, которая существовала, главным образом, на пожертвования прихожан. Первые собрания проходили в Довольно обычном для пятидесятнических церквей стиле, с говорением на «иных» (неземных) языках и «словом знания» от Бога. Бывший член церкви говорит, что по мере роста общины и числа церковных работников Барнетт все отчетливее осознавал свою власть и его потребность держать все под своим контролем возрастала.

Барнетт объявил о начале операции «Спасение», в рамках которой прихожане должны были сообщать пастору обо всех недостатках других членов церкви. Для мужчин и женщин были введены особые правила ношения одежды. На основании ветхозаветных законов, как их понимал Барнетт, был наложен запрет на некоторые продукты и напитки — свинину, моллюсков и алкоголь. В черный список попало и печенье «Орео», поскольку оно содержит свиной жир. Свидания между людьми разных рас были недопустимы. На некоторые христианские книги был наложен запрет, поскольку они распространяли «ложные» учения. Между тем Барнетт хорошо отзывался о еженедельной неонацистской газете и даже цитировал ее.

Празднование Рождества и Пасхи не приветствовалось, поскольку Барнетт считал эти праздники светскими. Прежде чем объявить о помолвке, следовало поставить об этом в известность Барбару, жену пастора. Всякое несогласие с пастором или не одобренное им мнение приписывали бесовскому влиянию.

К 1972 году, когда в церковь пришли Робин и Мэтт, Барнетт уже объявил о первом из нескольких так называемых всеобщих действий Бога. Первым из них было пребывание в «белой комнате», о которой Барбара Барнетт узнала из видения, якобы ниспосланного ей Богом. Это мистическое место давало человеку возможность достичь особенной близости с Господом, однако попасть туда можно было лишь последовательно поднимаясь от одного уровня духовной зрелости к другому. Как вспоминает Робин, люди, имевшие доступ в «белую комнату», много говорили об этом и других «сверхдуховных» переживаниях.

Это было лишь одним из духовных поветрий, которые проносились по «Community Chapel», многих приводя в восторг и некоторых оставляя в недоумении. Было, например, движение «столпа святости», но «если ты не попал в белую комнату, ты не войдешь и в столп святости». Они перемежались менее значимыми волнами эмоциональных переживаний, например «пения в Духе», когда весь приход одновременно пел на «иных» языках. Потом заговорили о так называемой духовной хирургии — человека призывали «полностью предать себя в руки Божьи», чтобы в результате произошло внутреннее исцеление. Это сопровождалось «падениями в Духе» - распространенным в определенных кругах пятидесятников явлением, когда человек настолько переполняется Богом, что теряет сознание и впадает в состояние, напоминающее транс.

Наконец в 1983 году появились «танцы пред Господом», прообраз «танцев в Духе» и «духовных связей». Бывший старейшина «Community Chapel» и преподаватель церковного

Библейского колледжа так объясняет произошедшее: «Мы готовы были отдать все ради духовных переживаний. Мне становится жутко при мысли о том, к чему это привело. Оказавшись в мире субъективных переживаний, ты уже не можешь опираться на Писание, потому что в Писании нет ни одного стиха, говорящего о столь диких и ненормальных вещах».

Робин сравнивает эти так называемые действия Бога со сказкой «Новое платье короля»: «...Никто не хочет признаться, что он один во всей группе остался без одежды, так что все просто присоединяются к общему хору. Они идут на это, даже если не уверены в правильности своего поступка, потому что не хотят упустить то, что им приготовил Бог. Они не хотят оказаться вне «Невесты», остаться без «восхищения на Небо». Робин полагает, что все члены церкви боятся потерпеть неудачу и что Барнетт пользуется их страхом и чувством вины, а также манипулирует их эмоциями, чтобы держать приход в повиновении. «Каждый был готов сделать все, лишь бы только его поступок казался «духовным»».

Мэтт убежден, что в последние годы единство церкви основывалось, главным образом, на этих духовных и эмоциональных переживаниях. Общие переживания сплачивали людей, но они же вносили во многие души полную неразбериху, а в семьи – непоправимый разлад. Практика «духовных связей» оказывала особенно бесовское воздействие. Известно множество историй о супружеских изменах, сексуальном насилии, жестоком обращении с детьми, удавшихся и неудавшихся самоубийствах, разрушенных семьях, лишении родительских прав, судебных процессах по обвинению в преступлениях на сексуальной почве, в том числе и против пастора Барнетта. Инакомыслящие подвергались суровому остракизму (*изгнанию*).

Как рассказывает Робин, женщины из «Chapel» пользовались в Сиэтле и его окрестностях дурной репутацией — про них говорили, что они пребывают в непрерывном трансе. Некоторые прихожанки работали на кухне одной большой гостиницы, и другие работницы отзывались о них нелестным образом. Одна официантка рассказывала: «Работать с ними просто невыносимо, потому что у них не все дома. Они какие-то тронутые и никогда не выполняют свою часть работы. Они живут в каком-то потустороннем мире».

«Действия Бога» в «Community Chapel» действительно служили пропуском в такой потусторонний мир. Постоянно усиливающийся поток эмоциональных и духовных переживаний приводил к тому, что многие настолько утратили способность критически мыслить, что уже ничему не удивлялись. Как выразился один бывший член церкви, «если не считать жуткого, извращенного секса или случаев, когда кто-то домогался ребенка, меня уже ничто не шокировало». Постоянные столкновения с крайностями человеческого поведения и вера в «Community Chapel» до такой степени подавляли нравственную чувствительность членов церкви, что совесть переставала их тревожить.

В силу того, что члены «Community Chapel» оторваны от действительности, им также присущ вид психического расстройства, который психологи называют «путаницей в понятиях». «Нам говорили одно, а делали прямо противоположное, поэтому приходилось переосмысливать понятия, пытаюсь применить их к тому, чего в реальности не существовало». Робин приводит в пример Барбару, жену Дона Барнетта. В «Community Chapel» всем женщинам ее ставили в пример. Дон Барнетт учил: «Не стоит привлекать к себе чрезмерного внимания... вам следует выглядеть женственно, и ваша одежда не должна искушать...», однако его жена воплощала собой прямо противоположный образ. Робин говорит: «Она носила парики и накладные ресницы, она носила туфли на шпильках... Увидев ее на улице, люди оборачивались и застывали с разинутым ртом». По мнению некоторых прихожан «Community Chapel», супруга пастора была больше похожа на проститутку Иезавель, чем на благочестивую жену из 31-й главы Притчей.

Прихожанки «Community Chapel» должны были носить очень женственную одежду, а не «джинсы и неряшливые рубахи», в которых ходят «мирские женщины». Говорят, однажды Барнетт сказал прихожанам: «Может случиться так, что единственными в этом мире, кто одевается женственно, будут проститутки». По словам Мэтта, из-за этих и многих других непримиримых противоречий «наши друзья сходили с ума».

«Духовные связи» и «танцы в Духе» едва не закончились для Робин психическим расстройством. Начавшиеся в период между 1983 и 1985 годами «танцы пред Господом»

постепенно превратились в самостоятельное учение с четкими правилами, в соответствии с которыми участники должны были найти себе партнеров по танцам. Вскоре танцующим было сказано, что они должны пристально смотреть друг другу в глаза, — впоследствии это стали называть «установлением связи». Партнерам говорили, что в глазах друг друга они увидят Иисуса и что они должны выразить Его любовь в любви друг к другу. Прихожан призывали в течение недели проводить время со своими духовными партнерами как в церкви, так и за ее пределами, устраивая что-то вроде свиданий. Нетрудно догадаться, что эти «духовные связи» зачастую сопровождалась физической близостью. Считалось, что любовь к духовному партнеру более желательна и даже глубока, чем супружеская.

Робин красочно описывает, что представляли собой эти «танцы пред Господом»: «Представьте себе типичную сорокалетнюю замужнюю женщину в далеко не лучшей своей форме, родившую шестерых детей. Она смотрит, как ее муж танцует и обнимается с миниатюрной двадцатилетней красоткой — длинные светлые волосы, большой бюст, осиная талия — и часами пялится на нее. А жена тем временем сходит с ума». Мужчинам и женщинам внушали, что, почувствовав ревность, они должны «освободить своих супругов для Господа». Одновременно пастор Барнетт объяснял с кафедры, что к этим «связям» не следует относиться «плотски». На все, что делали партнеры — объятия, прикосновения, ласки, поцелуи, не следовало смотреть «плотскими глазами». «На самом деле между ними возникает духовное единение, — утверждал пастор. — Это лишь внешне выглядит так, в действительности же все происходящее носит духовный характер, так что не осуждайте ни их самих, ни их мотивы».

Считалось, что Бог использует эти связи, чтобы разрушить существующие у прихожан комплексы и тем самым достичь большего «единства в Телe». Лозунг был такой: «Мы влюбимся в каждого!» Все это неизбежно вело к супружеским размолвкам, однако прихожанам внушали, что близкое духовное общение с лицами противоположного пола вне семьи помогает победить бесов ревности и подготавливает человека к более глубокому восприятию Христовой любви. Участников призывали разнообразить духовные связи: «Не связывайте себя отношениями с каким-то одним человеком». Для членов церкви, в том числе для самого пастора и его жены, обычным делом была связь с несколькими людьми одновременно.

Тех, кто пользовался репутацией самых духовных, приглашали танцевать с Барнеттом перед всем приходом. Все его партнерши были «прекрасны, материально обеспечены и молоды» Робин и Мэтт убеждены, что у Барнетта, «очевидно, есть какие-то сексуальные проблемы... Он слишком заиклен на женском теле». На занятиях воскресной школы Барнетт говорил об оральном сексе, а в проповедях был «неуместно откровенен» в вопросах сексуальной жизни.

По некоторым сведениям, «Community Chapel» оплачивала своим прихожанкам аборт, в том числе и девочкам-подросткам, а Барнетт в своей проповеди заявил: «Бог никогда не говорил: «Не делай аборта»». Тех, кто называл аборт убийством, обвиняли в «законничестве» - этим словом обычно называют неправильное или слишком буквальное понимание библейских, гражданских и нравственных законов. Барнетт рассуждал так: если «прелюбодейки» будут рожать по принуждению, то их дети, которых они будут растить сами или отдадут на воспитание другим, станут грешниками и в конце концов окажутся в аду. После же аборта эти дети вернутся к Богу.

Робин и Мэтт говорят, что чрезмерное внимание, которое в «Community Chapel» уделяли вопросам секса, не оставляло равнодушными ни детей, ни взрослых: «Либо они действительно увлекались этими разговорами, либо считали их бредом сумасшедшего». Восьмой класс существовавшей при церкви христианской школы в полном составе отказался ходить на танцы, считая это «постыдным занятием». Мэтт опасается, что по вине сбившегося с пути пастора Барнетта гибель угрожает целому поколению людей.

Что же случилось с «Community Chapel» дальше? Как объяснить странную цепь событий, которая в конце концов привела Барнетта к падению? Бывшие прихожане Робин и Мэтт говорят: «Дон Барнетт выпустил из рук Библию. Именно эта Книга на протяжении многих лет поддерживала в церкви относительную трезвость мысли. Постепенно Барнетт принизил

значение Библии как источника, на котором следует основывать проповеди и которого следует придерживаться в жизни. Он должен был избавиться от Книги».

Значительная часть проблем этой церкви объясняется обманчивостью сластолюбивого богословия Барнетта. За несколько лет он и его жена сумели заманить своих прихожан в ловушку, убедив их в том, что переплетение сексуальной и духовной сфер совершенно безобидно. Барнетт все чаще ссылаясь на мистический религиозный опыт, убеждая своих последователей в том, что он действительно накоротке с Богом. Постепенно, умно и ловко он подготовил своих слушателей к восприятию заявлений, которые в более консервативных евангельских церквях сочли бы оскорбительными.

Одно из таких странных событий произошло в 1983 году, когда Барбара Барнетт поделилась с церковью видением, которое якобы ниспослал ей Бог. Робин лично присутствовала при этом, и вот как она пересказывает услышанное:

Барбаре было дано видение, в котором она стояла пред Господом, и все мы, ее духовные дети, тоже были там. Когда она стояла пред Господом, Он велел ей раздеться и подойти к Нему. Она была очень смущена и не хотела этого делать, но сказала: «Я никогда не говорю Иисусу «нет». Я всегда повинуюсь Ему, так что я просто смотрела на Него, не отрываясь, и знала, что выполню любую Его просьбу». Она начала раздеваться. Затем Он попросил ее приблизиться к Нему, танцуя. И она начала танцевать. Он увел ее в комнату, и она сказала: «О, я так рада побыть с Тобой наедине, Господи». Но Он сказал: «Нет, Я хочу, чтобы и они вошли». Она сказала: «О, я даже не знаю, смогу ли я это сделать, — это слишком трудно». Но она знала, что Иисус хотел этого от нее. Затем Он уложил ее на прекрасную постель, усыпанную лепестками роз. Лежа на этой постели, она посмотрела на стены и потолок — они были покрыты цветами. Он уже начал заниматься с ней любовью, когда она увидела, что у каждого цветка есть лицо — лицо кого-то из прихожан. Сначала она почувствовала себя униженной, но Он сказал: «Я хочу, чтобы ты позволила им наблюдать, как ты отдаешься Мне, чтобы они научились это делать». Затем Барбара сказала: «В этом нет ровным счетом ничего сексуального, нет ничего романтического. Это всего лишь иллюстрация того, что происходит в духовной сфере, когда вы отдаете свое сердце Господу».

Большинство евангельских церквей, вероятно, пришло бы к выводу, что опыт Барбары Барнетт имеет оккультную природу и никакой встречи с библейским Иисусом у нее не было. Именно такие мистические переживания, подробно рассмотренные в бесчисленных проповедях пастора Барнетта, подготовили почву для учения о том, что с Иисусом можно соприкоснуться через другого человека. Мужская половина церкви олицетворяла Иисуса, женская — Невесту.

Когда учение о «духовных связях» только зарождалось, людям говорили, что они могут испытать некое мистическое единство со своим духовным партнером, занимаясь любовью с супругом. Один из старейшин «Community Chapel» сказал: «Это настолько выходит за рамки нашего сексуального опыта, что мы поняли — это духовная истина». Говорят, что некоторые члены церкви общались с духами своих отсутствующих партнеров, а другие занимались любовью с партнерами, которые «олицетворяли» их супругов. Третьи танцевали с духами умерших членов церкви. Барбара свидетельствовала о своих связях с Давидом, Авраамом и Моисеем.

Мэтт и Робин говорят, что они на себе ощутили «бесовскую, оккультную власть» «духовных связей». По их мнению, этот феномен невозможно объяснить лишь тем, что люди «сходят с ума, становятся шизофрениками или просто все выдумывают». Люди, вступавшие в так называемую полную связь или сверхсвязь, якобы испытывали наибольшее психическое воздействие. Мэтт говорит: «Они не были одержимы страстью или влюблены. Это было сильнейшее психическое и духовное потрясение. Я не мог жить без Робин, я не мог работать, я не мог есть, я в буквальном смысле слова был не в своем уме».

Мэтт описывает, как все это начиналось:

Я уже ходил в ту церковь около восьми лет, но не был знаком с Робин. Я сразу же включился в это новое «действие Бога», что обычно мне несвойственно. Я много танцевал с разными людьми, и Робин первая подошла ко мне и сказала, что хотела бы со мной потанцевать. Так все и произошло. Я танцевал с Робин минут двадцать, не больше, и мне настолько понравилось то, что я при этом почувствовал... В то время я был женат, а она была замужем. Очень трудно описать эти сильные чувства, эту страсть, это желание. Я считаю, что это явление имеет демоническую природу. Мы с самого начала знали, что нас окружают бесовские силы, мы чувствовали это, но не могли это выразить словами.

Из-за «духовных связей» Робин страдали и ее дети. Она говорит: «Детям пришлось пройти через ад». Она считает, что в то время она буквально сходила с ума и ей не помешало бы «принудительное заключение», если бы при этом у нее оставалась возможность материально обеспечивать детей. Ее бывший муж и его «партнерша» взяли на себя заботу о детях.

Любопытным постскриптумом к этой истории является факт, подмеченный Робин: те члены «Community Chapel», которых считали самыми духовными и которые якобы чаще всего общались с Богом, пришли в церковь из глубоко оккультной среды. Тем же, кто не хотел принимать участия в танцах, говорили, что отказ танцевать — это следствие «бесовского влияния».

О самой себе Робин сказала: «В моей жизни было множество сверхъестественных событий, и я предполагала, а порой была вполне уверена, что все они от Бога». Ей понадобился целый год, чтобы заставить себя танцевать перед всем собранием, но в конце концов она смогла это сделать, когда увидела танец одного девятнадцатилетнего юноши. «Я чувствовала себя так, словно была Иисусом, и смотрела на него как на невесту. Я думала: «Я должна сблизиться с ним, я должна танцевать с ним». Она танцевала четыре часа без перерыва и всякий раз, глядя на юношу, чувствовала, что смотрит в глаза Самого Иисуса. «Я чувствовала, что без всяких препятствий могу через этого парня раскрыться для Иисуса, и, танцуя с ним, испытывала острейшее чувство близости к Господу». Сегодня Робин уже не уверена, что видела в глазах своего партнера именно Иисуса из Назарета, что именно Его голос звучал из уст этого человека, когда она с ним танцевала, а он говорил ей то, о чем никто не мог знать. «Всякий раз, когда я поднимала глаза на этого парня, особенно если я смотрела на его правую бровь... я видела Иисуса, Который смотрел на меня его глазами. Мы не вступили ни в какие физические отношения, но это было мощное эмоциональное слияние». Как уверяет Робин, ощущение связи было столь сильным, что она так же, как и другие женщины, могла испытать оргазм без какого-либо физического контакта со своим партнером.

Поначалу связь между Робин и Мэттом представляла собой «Тесное духовное единство»:

В нем не было даже намек на какие-то плотские чувства, но мы накрепко привязались друг к другу, и с тех пор я виделась с ним каждый день. Мы просто не могли расстаться. Между нами возникла сильнейшая эмоциональная связь: я имею в виду не просто желание быть вместе — я хочу сказать, что мы не могли жить друг без друга. Когда он уходил на работу и сразу же звонил мне оттуда, я еще была в порядке, но когда через десять-пятнадцать минут он отрывался от работы, чтобы снова мне позвонить, я уже была на грани истерики, я рыдала, не зная, что мне делать, и просто сходила с ума. Он разговаривал со мной десять-пятнадцать минут, иногда полчаса, и ко мне возвращался рассудок.

В конце концов Робин и Мэтт сбежали из «Community Chapel» и от Дона Барнетта. Они поженились, и сейчас Робин пишет докторскую диссертацию по психологическому консультированию.

Что же заставило «Community Chapel» опуститься до того, что сторонние наблюдатели единодушно характеризуют как лжеучение и обман? Практически все бывшие прихожане согласны с мнением одного из основателей церкви, что церковь отошла от Писания в результате чрезмерного внимания к субъективным переживаниям: «Повышенное внимание к субъективным переживаниям более чем что-либо иное увело нас с правильного пути». Другой

бывший прихожанин сказал: «Людам нужно напоминать, что они не должны полагаться на критерии, предложенные человеком, который просто рассказывает о своих наблюдениях, но всегда безоговорочно должны полагаться на Библию — единственно непогрешимый эталон истины».

Трагедия «Community Chapel» объясняется тем, что свою преданность эта церковь посвятила не тому, кому следовало. Люди думали, что хранят верность Слову Божьему, но в действительности шли за одним-единственным человеком и его пониманием Слова Божьего. Не зная этого, понять, почему люди так легко поддались на обман, невозможно. Они думали, что на самом деле слушают Божье Слово.

Бывший старейшина, который отдал этой церкви восемнадцать лет жизни, поделился со мной очень тонким наблюдением:

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что поначалу у людей появилось едва различимое ощущение своего превосходства и исключительности. В одних оно было более заметно, чем в других, но я думаю, что никто из нас этого не избежал. Появилось ощущение, что наша церковь уникальна и, хотя мы любим всех братьев во Христе, уйти из нее — значит сделать шаг назад в духовном плане. <...> Пастор редко приглашал к нам других проповедников, поскольку был уверен, что они не могут дать нам ничего нового и только усугубят наши разногласия и проблемы. Я полагаю, что это сыграло важную роль в тех печальных событиях, которые впоследствии произошли: у нас не было никаких взаимоотношений с другими представителями Божьего народа, мы не были подотчетны никому из мужей Божьих, которые не принадлежали к нашему узкому кругу.

Перегибы, имевшие место в «Community Chapel», со всей очевидностью продемонстрировали, что может произойти, когда духовные переживания влияют на религиозные убеждения и заставляют по-новому толковать Священное Писание. Субъективные переживания заполняют пробелы в богословии, которые якобы не нашли отражения в Библии. Руководители «Community Chapel» утверждали, что человек вправе принимать те или иные учения и обычаи, если их нельзя опровергнуть Писанием. Но на самом деле новые учения следует принимать лишь в том случае, если мы на основании Писания твердо убеждены в их правильности. Говорят, что безрассудная преданность — это фанатизм, и в случае с «Community Chapel» это совершенно справедливо.

Еще одна проблема заключалась в том, что церковь отрицала личную ответственность человека за свои грехи и всю вину перекладывала на бесов. Любые проблемы, в том числе межличностные, объяснялись бесовским влиянием. Члены церкви занимались друг с другом духовным психоанализом, чтобы определить, какие конкретно бесы их беспокоят, а затем указывали друг другу на необходимость «освобождения». Особенно часто этим занимались супруги. Обычные, естественные чувства в большинстве случаев считались бесовскими. Членам церкви говорили, что они не должны испытывать ревность, возмущение или обиду при виде того, как их супруг «танцует в Духе» с кем-то другим. Совершенно нормально, если в подобной ситуации человек проявляет собственнические чувства по отношению к своему супругу. Но когда это происходило с прихожанами «Community Chapel», их обвиняли в том, что они одержимы бесом ревности.

Очевидно, что учение о «духовных связях» или «духовных союзах» не было основано на Писании. Оно нарушало библейское Учение о святости брачных уз и путало человеческую сексуальность с духовностью. Это была попытка оправдать плотское богословие пастора неким «откровением свыше». Пастор давал «духовное» объяснение любым проблемам, возникавшим между людьми вследствие его собственных авторитарных действий, — социолог назвал бы это классическим примером нейтрализации или рационализации девиантного поведения.

В Писании сказано: **«По плодам их узнаете их»** (Мф. 7:16). Плоды «Community Chapel» были плохи с любой точки зрения. Семейные узы приверженцев церкви были разрушены, привычное понимание Библии перевернуто с ног на голову, что привело к нравственному хаосу, а психике сотен людей был нанесен огромный ущерб. Это пример того, что происходит, когда церковь преступает запретную черту.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Авторитарные церкви — явление не новое

Напрашивается мысль, что авторитарные церкви — это симптом интеллектуальных и религиозных болезней нашего времени. Мы живем в сложном мире, в котором мало кому гарантирована личная безопасность. Возьмите любую газету или журнал, и вы найдете статьи о стрессе, супружеских изменах, алкоголизме, наркомании и росте насилия. Современные проповедники предупреждают нас о том, что материализм и потребительская культура отдаляют нас от Бога. Наше общество стало эгоцентричным, мы чужаемся простых ценностей и простой веры, которыми жили люди сто лет назад. Неудивительно, что живущие в постоянной тревоге и запутавшиеся в грехах люди ищут убежища в более упорядоченном мире авторитарных церквей.

В истории Америки, ставшей пристанищем для множества мелких сект, уже были прецеденты возникновения таких авторитарных церквей. Большинству из них были свойственны скорее отличия, нежели отклонения от исторического христианства, но некоторые группы действительно переступали всякие границы. Подобно своим нынешним двойникам, сначала они были исполнены благородных стремлений и уважения к Библии, но затем человеческая слабость позволила им сбиться с пути. По сути, вся история Церкви — это история конфликтов и реформ. Может быть, Тело Христово одно, но церквей Христовых существует множество.

Люди всегда испытывали одни и те же потребности: завоевать уважение друзей и покой в семье, найти путь к Богу и оставить какой-то след в этом мире. Страх перед одиночеством и надежда на спасение были присущи человечеству сто лет назад не меньше, чем сегодня. К сожалению, всегда находились харизматические личности, готовые использовать в своих интересах страхи и надежды самых слабых.

Одна религиозная община, которая существовала в XIX столетии, была особенно похожа на современные авторитарные церкви. Можно вспомнить и другие примеры, но ни один из них так не бросается в глаза. Эту группу нельзя назвать типичным образчиком протестантских сект, существовавших на рубеже XIX и XX веков, но она являет собой яркий пример авторитарной общины, основанной на поклонении одному-единственному человеку. Со времени своего возникновения в конце XIX века и до самого «рассеяния» в 1920 году община Фрэнка Сэндфорда в Шайло была типичной авторитарной церковью.

Эта община возникла не на пустом месте. Многие принципы, легшие в ее основу, уходят корнями в более заметные общественные и религиозные движения того времени. XIX столетие было временем духовных метаний, в которых нашли отражение тревоги и волнения того бурного периода человеческой истории. В ту пору необратимо изменились представления американцев о самих себе и об окружающем мире. В начале века Америка была еще совсем молодой, преимущественно сельскохозяйственной страной, и перед ее жителями расстилался целый континент, который предстояло исследовать и освоить. К концу столетия Америка превратилась в мировую державу, мощь которой обеспечивали новые города и промышленные предприятия. Стремительная урбанизация породила множество новых социальных и экономических проблем, которые постепенно вытеснили ностальгический образ суровой, крепкой семьи первопоселенцев, при помощи плуга и ружья строящей новую жизнь. К этому моменту Церковь уже была не единым Телом, а непрерывно растущим множеством конфессий и сект. Как тогда, так и сейчас актуален вопрос: в какую церковь идти? Как сказал Мартин Марти, «нигде в мире и никогда в истории христиане не разделялись на столько враждующих между собой групп, как в Америке. Ни в одной другой стране идущему к Богу человеку не приходилось разрываться между столькими соперничающими организациями».

Разногласия среди протестантов зачастую связаны с представлениями о Царстве Божьем и втором пришествии Христа. Церкви, отличавшиеся крайними взглядами, с легкостью пользовались этим обстоятельством. В XIX веке Царство Божье представлялось утопической мечтой, в которую нетрудно было поверить. На протяжении ста лет перед Первой мировой войной в обществе преобладала вера в способность человека достичь совершенства.

Популярные проповедники говорили о Царстве Божьем, изображая его вполне достижимой для Божьего народа целью, идеальным обществом преданных христиан, объединяющим весь мир под знаменами Бога, тогда как для большинства людей Царство Божье было богословским понятием, а не перспективой общественного развития. Эту идею быстро подхватили те, кто ожидал второго пришествия в ближайшем будущем, — таких людей становилось все больше. Идея Царства Божьего вышла из стен традиционных церквей и превратила человечество в организованное сообщество, покорное Божьей воле. Некоторые верующие, решившие в ожидании второго пришествия вести аскетичную общинную жизнь, считали, что необходимо вернуться к простоте веры и жизни, которая была свойственна ранней Церкви. Для последователей Фрэнка Сэндфорда Царством Божьим стала община в Шайло (Shiloh) на берегу реки Андроскоггин в южной части штата Мэн.

Посетив Шайло на рубеже веков, вы увидели бы большую общину мужчин и женщин, посвятивших себя тому, чтобы готовить мир к пришествию Христа. Почти все члены так называемого движения Шайло раньше принадлежали к традиционным христианским конфессиям. Они отказались от своей независимости и бросили работу, чтобы стать учениками Фрэнка Сэндфорда. Если судить исключительно по внешним признакам, община добилась впечатляющих результатов. Харизматические способности Сэндфорда обеспечили ему неизменное уважение и послушание последователей. На деньги членов общины и их руками был построен целый комплекс сооружений. Главное здание называлось, как и само движение, — Шайло. Это было трехэтажное сооружение, похожее на замок с башенками и увенчанное огромным золотым куполом, который сверкал на солнце, словно маяк.

Община Шайло была не просто комплексом зданий или группой единомышленников. Это был символ веры в авторитет одного-единственного человека. Члены Шайло принесли клятву верности человеку, с которым лично говорил Бог, хотя представления этого человека о действительности очень сильно отличались от представлений остального человечества. Именно это, вероятно, более всего привлекало людей во вселенную Сэндфорда. Его реальность была совершенно иной. Призывая людей стать его учениками, он бросал вызов их вере, и они обретали спасение через великие страдания. Люди добровольно приносили в жертву собственные жизни и жизни своих детей, поскольку считалось, что без этих жертв Богу угодить нельзя. Христианская Церковь никогда не считала, что правильно понимаемые страдания мешают вере. Зачастую страдания считались свидетельством веры. Ошибка Шайло заключалась не в том, что люди отрекались от плоти, а в том, что они делали это ради исполнения прихотей человека, который любил власть больше, чем Бога.

Фрэнк Сэндфорд, осужденный за убийство преступник, ставший известным на волне так называемого религиозного пробуждения, имел весьма скромное происхождение. Он родился 2 октября 1862 года в большой семье. Ферма семьи Сэндфорд находилась в той самой части штата Мэн, куда он впоследствии привел своих последователей. В 1886 году Фрэнк закончил колледж и поступил в богословскую семинарию, которую он бросил, так и не получив диплома. Он искал непосредственного, не столько теоретического, сколько мистического знания Бога, и Бог лично обратился к нему, повелев уйти из семинарии. С тех пор Сэндфорд был убежден, что Бог говорил с ним ясно слышимым, спокойным голосом. Это событие сыграло в жизни юноши важную роль. Во-первых, оно убедило Сэндфорда в том, что Бог избрал его Своим пророком. Во-вторых, придало божественный авторитет всем его важным решениям.

Несколько лет спустя Сэндфорд женился на Хелен Кинни. Он уже успел побыть пастором в двух баптистских церквях Новой Англии, когда Бог велел ему покинуть приход и конфессию. Еще будучи пастором, он заинтересовался вопросами божественного исцеления и второго пришествия. Сэндфорду стало ясно, что в число последнего остатка верных войдут не все христиане. В конце времен человечество разделится на слуг Господа и слуг антихриста. Ни одна церковь или конфессия того времени не соответствует жестким духовным требованиям, которые предъявляются к последнему остатку, и нужно собрать новое Божье воинство, где с радостью примут выходцев из любых конфессий. Имена тех, кто не примкнет к новому движению, будут внесены в список антихриста. Это апокалиптическое, пророческое высокомерие, которым отличалось новое движение, впоследствии ставшее общиной Шайло,

отделяло его участников от остального мира, давало им ощущение своей вселенской значимости и уверенность в спасении. У того, кто хотел попасть в число последнего остатка, иного пути, нежели примкнуть к общине Шайло, не было.

Покинув церковь, Фрэнк и Хелен вели жизнь странствующих проповедников. Ища знамений и чудес, которые должны были сопровождать пришествие Христа, Сэндфорд просил Бога исполнить его Святым Духом. Когда это произошло, Сэндфорд получил от Бога очередное послание: «Он сказал, что я не должен ни за что отвечать, но должен откликаться на Его побуждения». Бог вновь подтвердил полномочия Своего пророка, одновременно дав ему право совершать эксцентричные и безнравственные поступки. Вопрос об ответственности Сэндфорда играл ключевую роль во всех судебных разбирательствах, связанных с Шайло, благодаря чему его признали виновным в похищении и убийстве детей. Сэндфорд не отрицал, что все это имело место, но оправдывал свои поступки тем, что «всего лишь следовал Божьим указаниям». Ради этого человека, которому были неведомы раскаяние, чувство вины и даже сострадание, сотни родителей избивали своих детей, морили их голодом и сами были готовы умереть. До самой смерти Сэндфорд отказывался признать себя виновным и не выказал ни малейшего сожаления по поводу участи тех, кто вверил себя его попечению.

Энтузиазм и страстные проповеди Сэндфорда привлекали к нему все больше последователей. Так возникло новое движение. Чем большей популярностью пользовался Сэндфорд среди людей, тем большую неприязнь к нему испытывали местные церкви. Возмущение последних деятельностью нового проповедника было отчасти оправдано — Сэндфорд сманивал людей из их приходов и призывал своих последователей порвать всякие отношения с традиционными церквями.

Следующим пунктом в плане Сэндфорда был поиск места, где он мог бы готовить своих последователей к миссионерской работе. Все библейские школы были отвергнуты, поскольку они либо «не изучали Библию целиком», либо «не обладали полнотой истины». Истина была только в учении Фрэнка Сэндфорда. В октябре 1895 года открылась библейская школа «Мы и Дух Святой» (Holy Ghost and Us Bible School), и с этого момента началась история самостоятельного движения, впоследствии названного Шайло. Первый набор студентов насчитывал не более десяти человек. Все они раньше принадлежали к каким-то христианским церквям, но по настоянию Сэндфорда вновь приняли крещение, отреклись от всех традиционных конфессий и получили подлинную печать Святого Духа. Они пришли в церковь и остались там под влиянием личного обаяния Сэндфорда. Один из этих студентов, Дейвид Уайли, рассказывал: «Величие этого человека произвело на меня огромное впечатление. Его присутствие наполняло комнату силой, похожей на электрический ток».

Библейская школа была стержнем движения Шайло. Верных учеников учили свидетельствовать об истине. Их жизнь была целиком посвящена этой единственной цели. Никто из студентов или постоянных сотрудников Шайло не работал и не получал зарплату. Все — пищу, учебные пособия, деньги, землю, здания — обеспечивали пожертвования людей, найденных Фрэнком. Сэндфорд был в этой школе единственным преподавателем, и его толкование Писания было единственно правильным. Первых студентов и сотрудников Шайло называли «воинством Давида» по аналогии с отрядом, который сопровождал царя Давида, пока тот скрывался от Саула. Учеников библейской школы готовили отстаивать и распространять по всему свету учение Сэндфорда о Царстве Божьем. Их также готовили к гонениям и трудностям. Библейская школа «Мы и Дух Святой» закладывала важные духовные основания движения Шайло: мистические откровения, ниспосылаемые Сэндфорду Богом; уверенность в том, что Бог избрал Шайло ради какой-то эсхатологической цели; отсутствие индивидуального мышления; беспрекословное повиновение Сэндфорду всегда и во всем. Приняв эти положения, сторонники Сэндфорда были готовы на все.

История Шайло как самостоятельного движения начинается в конце 1890-х годов и заканчивается в 1920 году, что составляет почти двадцать пять лет. За четверть века движение пережило немало взлетов и падений. Когда все шло хорошо, казалось, что Бог действительно избрал этих людей для какой-то особой цели. Они получали пожертвования деньгами и продуктами, строили новые здания с дорогой внутренней отделкой и обстановкой. Студенты и

сотрудники плотно питались три раза в день, их лица светились целеустремленностью. Но столь здоровая и богатая жизнь была непостоянной и наблюдалась лишь в самом начале истории Шайло. Пока ртов было немного, финансовые потребности можно было удовлетворять за счет сторонних жертвователей. Но постепенно все больше последователей Сэндфорда осознавало, что спасение гарантировано лишь тем, кто посвящает движению все время и живет в домах на холме. Тогда в общежития для членов движения стали вселяться целые семьи, не имеющие никаких средств к существованию, и это оказалось для движения непосильной ношей. Даже просто прокормить такую ораву было весьма нелегкой задачей, решить которую так и не удалось. Осенью 1919 года детей уже посылали в лес собирать все, что выглядело съедобным. Члены движения переносили голод со стоическим терпением — они голодали потому, что такова была Божья воля. Они ничего не предпринимали, чтобы спастись, ведь Бог недвусмысленно запретил им это — они должны были жить верой.

Денег, как правило, не было. Движение Шайло не занимало денег и не покупало в кредит даже необходимые продукты. Зачастую кастрюли на кухне пустовали по несколько дней, пока не поступало очередное пожертвование в виде крупы. Уезжающие за границу обычно отправлялись в путь с четырьмя-пятью долларами в кармане. Все делалось с верой. Каким-то образом они справлялись. Фрэнку всегда удавалось непонятно откуда, словно из воздуха, добывать большие суммы наличных денег.

В начале XX века, когда были созданы миссии общины за пределами США — в Англии, Александрии и Иерусалиме, движение Шайло какое-то время процветало. Но эти миссии просуществовали недолго и не достигли никаких успехов, хотя миссионеры еще многие годы продолжали усердно трудиться, прежде чем их отозвали домой. Испытывая все большее разочарование от борьбы с повседневными проблемами Шайло, Сэндфорд сосредоточил свои усилия на Иерусалиме, где ожидалось скорое второе пришествие Христа. С несколькими самыми преданными сторонниками Сэндфорд покинул Шайло. Он совершал дорогостоящие морские круизы на собственных яхтах «Венец» и «Царство», в то время как община страдала от нищеты и гонений.

Между тем над последователями Сэндфорда повисла вполне реальная угроза голодной смерти, а полиция и социальные службы обнаружили серьезные злоупотребления, которые совершались с его ведома и даже одобрения. Все основные беды Шайло проистекали из недостатка финансов и строгих правил поведения, установленных Сэндфордом.

Испытывая большие трудности и лишения, обитатели Шайло хранили непоколебимую верность своему вождю. В общине в среднем проживало около четырехсот человек, и все стороны их личной и семейной жизни были подвластны Сэндфорду. В Шайло жили семьями, но полноценной семейной жизни на самом деле не было. Авторитет родителей был сильно принижен, поскольку окончательное решение во всех случаях принимали Сэндфорд и его помощники. Ели все вместе, в одной огромной столовой — никаких уютных семейных обедов не было. Впоследствии одно из зданий превратили в общежитие для детей. Даже заключение и расторжение брака находились в компетенции Сэндфорда. Он устраивал свадьбы и осуществлял «разделение». Иногда он разлучал семьи, посылая одного из супругов на несколько лет в другую страну.

Отношения между мужчинами и женщинами были строго регламентированы, чтобы не допустить безнравственности. Лицам разного пола запрещалось прикасаться друг к другу во избежание греха. Под запретом были тесные дружеские отношения. Если у ребенка был близкий друг, он никогда в этом не сознавался. Руководители призывали всех, в том числе и детей, рассказывать им о недостатках других членов общины. Поскольку все практически были лишены личного имущества, чувство вины и отвращение к себе вызывали даже малейшие «проступки», как-то связанные с ним. Одна девочка призналась в грехе тщеславия, потому что случайно заглянула в зеркало. Ей предписали поститься три дня, чтобы искупить этот «грех». Все были просто одержимы стремлением искоренить из своей жизни даже малейшие проявления греха и делали это с беспощадностью, обычно присущей лишь строгим монашеским орденам. «Значение имело все: как ты себя вел, как говорил, даже как ты думал и смотрел».

Казалось бы, сам Сэндфорд должен был вести примерную жизнь. В действительности обитатели Шайло вовсе не ожидали, что их лидер обязан испытывать те же лишения, что и обычный член общины. Он редко шел на самоотречение или разделял страдания, которые с готовностью принимали на себя рядовые последователи. Фрэнк, Хелен и пятеро их детей жили в уютной отдельной квартире. У них была собственная кухня и свой повар. Члены Шайло, получавшие по тарелке кукурузной каши на день, знали, что семья Сэндфорда никогда не голодает. Когда на холм пришли трудные времена, Сэндфорд нашел время, чтобы отправиться в Иерусалим на двух яхтах с полным запасом провизии. В общине существовали двойные стандарты, и до самого конца никто не сомневался в справедливости такого подхода.

Источником безраздельной власти Сэндфорда был Бог. Толкование Божьей воли перестало для него быть делом случая, с тех пор как Бог начал общаться с ним напрямую. Бог часто говорил цитатами из Писания, и это придавало посланию Сэндфорда достоверность. Вскоре Фрэнк стал помазанным вестником Божьим и объявил, что имеет власть отпускать грехи именем Бога. «Бог здесь, и представитель Божий, которому от Бога дана власть отпускать ваши грехи, тоже здесь... Я объявляю, что каждый ваш грех будет сегодня отпущен, если вы крещены... Если вы принимаете это, вы принимаете «волю Божью»... Если вы отвергаете это, вы отвергаете «волю Божью»». Сэндфорд совершенно недвусмысленно утверждал, что его слова вдохновлены свыше, и члены общины сомневались в его словах не больше, чем они могли бы сомневаться в Писании. Его слова и решения стали синонимами Божьей воли.

В 1904 году обитатели Шайло изготовили большой транспарант с текстом символа веры, клятвой верности, подписанным всеми членами движения. Первые положения звучали вполне привычно для любого современного евангельского христианина, но последние пункты в списке были несомненно еретическими. Все подписавшие клятву, каждый взрослый и ребенок, согласились с тем, что Фрэнк Сэндфорд — пророк (Илия), священник (Мелхиседек) и царь (Давид).

Подчинение воле Сэндфорда считалось абсолютно необходимым и не подлежало обсуждению. Страдания не пугали его последователей, которым Сэндфорд напоминал, что «самая сильная личность — та, что может перенести наибольшие страдания». Подавлялся любой намек на своеволие или независимость. Одержимость идеей создания армии для Армагеддона требовала почти армейской дисциплины: «Следуйте правилам и тактике, изложенным в Великой Военной Книге [Библии], или убирайтесь прочь и не будьте камнем преткновения для тех, кто принял решение следовать и подчиняться».

Не подчиниться руководителю общины было все равно что не подчиниться Самому Богу. Окружающие часто задавались вопросом, почему последователи Сэндфорда так легко соглашались с его планами. Они не понимали, насколько сильна была власть Сэндфорда над людьми: он держал в своих руках их души, и подчинялись они ему добровольно. «Как искренне полагал Сэндфорд, если каждый член Шайло надлежащим образом настроится на волю Бога... ему ничто не помешает согласиться с существованием командной цепочки».

Одним из способов усиления власти для Сэндфорда служил гнев. Горячность сочеталась в нем с мягким юмором, но когда ему перечили, он становился страшен. Он неоднократно при всех бил жену по лицу, швырял с кафедры стулья и превращал общение в неистовую молитву, которую называл «атакой». Даже собственного сына Джона он использовал как пример для других. Когда Джону было семь лет, он послушался отца и узнал (и на его примере узнала вся община), каково наказание за непокорность. Сэндфорд объявил, что его сына оставят одного в комнате, лишат пищи и воды, а затем высекут. Хитрость была в том, что Джон сам должен был очень захотеть, чтобы его выпороли. Мальчик провел в комнате три дня, учась получать радость от страданий, — на высокой полке, куда он не мог дотянуться, стоял стакан воды. Каждый день Джон поднимался по лестнице в молитвенную комнату своего отца и просил его выпороть, но только на третий день Фрэнк решил, что его сын радуется по-настоящему.

Согласно учению Шайло, слабое здоровье членов общины — это признак их непокорности. Сэндфорд решил, что дети играют важную роль в развитии болезней своих родителей, и пользовался этим, как оружием. «Если ребенок нашалил, это то же самое, как если бы родители

откровенно ослушались Бога, и Бог может наказать родителей, наказав или даже умертвив их ребенка».

Очищение детей от грехов и греховных наклонностей стало рассматриваться как дело первостепенной важности. Их болезни расценивались как признак душевного нездоровья, и если дети болели, то причина была не в недостатке питания, а в их греховности. Больным детям велели «исправлять отношения с Богом» посредством поста и длительной коленопреклоненной молитвы. Их грехи в каком-то смысле причиняли страдания всей общине. Поскольку дети были своенравны и непослушны, их наказывали постом и поркой. Телесные наказания продолжались днем и ночью. Один папаша порол сына весь вечер, пока, наконец, кто-то не остановил его в час ночи. Ходили слухи о том, что старших мальчиков отводили в лес и там пороли хлыстами. Одна мать слышала от Сэндфорда, что порка — это «детоводитель ко Христу».

Сэндфорд вновь и вновь призывал свою паству верить ему как вождю. Усомниться в его авторитете значило внести в общину разлад. Последователи воспринимали мировоззрение Фрэнка Сэндфорда как свое собственное. Если бы он назвал Теодора Рузвельта антихристом, они бы ему поверили. Фрэнк пользовался своим авторитетом, чтобы подавлять волю и индивидуальность членов движения. Время от времени он возлагал руки на головы тех, кто проявлял излишнюю самостоятельность, и изгонял бесов независимого мышления. Значение имела только вера. Размышления были бесплодны. Умерщвление собственного «я» стало духовной целью жителей Шайло. Если Сэндфорд просил их пострадать ради этого, они еще больше восхищались тем, что он укрепляет святость в их сердцах.

В Шайло почти не существовало уединения, и Сэндфорд не упускал случая вмешаться в отношения между людьми. Он посоветовал Элайзе Легер бросить мужа, который незадолго перед тем покинул движение. Она буквально разрывалась между необходимостью повиноваться помазанному лидеру и своими супружескими обязанностями. В письме к Элайзе Сэндфорд писал: «Поступок Вашего мужа столь низок... и столь противоречит Писанию, что нет ни малейшей причины оказывать ему хоть малейшее уважение». Помолвленные и вступившие в брак люди, которые начали встречаться без разрешения Сэндфорда, пока он странствовал или находился в тюрьме, должны были «жить раздельно», пока он не даст им своего благословения. Нередко можно было видеть, как «разделенные» супруги идут по одной дороге к холму и молчат.

Чем шире становилось движение, тем заметнее было присущее ему духовное высокомерие. Физическая уединенность поселения на холме была лишь частью отделения этих людей от остального мира. Посетив Шайло, вы сразу заметили бы, что члены общины не похожи на других людей. Они иначе говорили. Они носили старую, простую, хорошо заштопанную одежду. Их образ жизни, конечно, тоже был необычен. С момента основания библейской школы «Мы и Дух Святой» «воинство Давида» считалось духовной элитой. В него входили лишь самые подготовленные воины. Суровые условия жизни в общине отталкивали всех, кроме самых достойных. Фрэнку не нужны были обычные христиане. Община Шайло должна была стать эпицентром Божьего Царства.

Когда движение Шайло столкнулось с критикой, а затем и гонениями, именно элитарность стала для него защитой от дьявольских стрел. С 1901 года Сэндфорд допускал на таинство причастия и богослужения лишь тех, кто всецело посвятил себя движению. Если семья кого-нибудь из его последователей возражала против того, чтобы он отдал все свое имущество общине Шайло, этот человек «должен был оборвать все кровные узы — повернуться спиной к своей семье, если она и впредь будет противиться покорности Богу». Сэндфорд писал: «Вы должны в полном смысле слова ненавидеть НАСТОЯЩЕЙ НЕНАВИСТЬЮ своего отца, мать, брата, сестру, ребенка и даже свою собственную жизнь, если они не согласуются со словом Божиим».

Так распались многие семьи, расстраивались браки, а когда дети уходили из Шайло, родители от них отрекались. Верность Сэндфорду была превыше всего, потому что быть верным ему значило быть верным Богу. Фрэнк предостерегал своих последователей: «Сначала вы потеряете связь с миром, затем потеряете связь с так называемым христианским миром, затем потеряете связь с посвященными людьми, затем с освященными людьми, затем с теми,

кто верит в божественное исцеление, затем с людьми Святого Духа, и тогда вы найдете немногих других, кто остался один на один с Богом».

Одной из самых больших слабостей Сэндфорда как руководителя было отсутствие жалости. Он наслаждался уже одним только проявлением силы и власти. Обитателей Шайло редко кормили мясом. В основном они питались кукурузной кашей. Когда во время одной из поездок Сэндфорда в Палестину некоторые его спутники стали молиться о мясе, Сэндфорд заказал половину коровьей туши. Он заставил всех питаться одной говядиной, пока все 650 килограммов не были съедены. После вегетарианской диеты от такого количества мяса всем стало плохо, и молитвы о мясе прекратились. Похоже, Сэндфорд сознательно не обращал внимания на мучения, которые ради него терпели его последователи, сам же при этом жил припеваючи.

Большую часть своей истории община Шайло насчитывала около четырехсот членов, однако не все ее обитатели были счастливы и единомысленны. Некоторые пытались протестовать. Некоторые даже подали на Сэндфорда в суд. Бывшие члены общины рассказывали, что они подвергались физическому и психологическому давлению.

Они вспоминали о том, каким образом происходила постепенная дезориентация людей. Например, в Шайло не существовало никакого расписания. В любое время дня или ночи громкий звонок мог призвать всех на молитву или какую-то работу. Члены общины усердно трудились, поддерживая порядок в своих домах и строя новые здания. Они голодали, часто работали сверхурочно и испытывали постоянный страх. Элайза Легер говорит, что ее «метафорически побил камнями». Много часов она лежала на полу, в то время как единоверцы ходили вокруг с криками, обвиняя ее в «духовном падении». Потом ее заперли в комнате, приговорив к двум неделям поста.

В любом инакомыслии Сэндфорд видел действие сатаны. Джон Дуглас был одним из самых первых последователей Фрэнка — он и его семья пожертвовали Шайло большую часть земли, на которой располагалась община. Джон покинул общину сразу после того, как на этой земле было построено первое здание, поссорившись с Фрэнком из-за прав собственности на небольшой катер. Местные репортеры, критически настроенные по отношению к Шайло и пристально следившие за этим движением, подхватили историю об уходе Дугласа и выдали первую порцию публичной критики в адрес Сэндфорда. Фрэнк ответил газетчикам на страницах собственного журнала: «[Сатана] воспользовался нечестивыми репортерами и редакторами, чтобы поместить в печати самые сенсационные и откровенно ложные заявления о нашей работе... тем самым по всей стране отравляя умы людей и настраивая их против Божьего движения».

Покинувших общину Сэндфорд называл трусами, перебежчиками и предателями. Поначалу они просто лишались места на «Божьей перекличке», но мало-помалу их уход стали расценивать как измену. Говорить с бывшими членами или упоминать о них запрещалось. Джорджии Шеллер запретили поддерживать какое-либо общение с покинувшими Шайло родителями. Она написала им: «Я иду за Илией, и, поскольку вы оставили его, у меня нет и не может быть с вами ничего общего». С таким же отношением столкнулись и члены семьи самого Фрэнка. Две его дочери, Маргерит и Дебора, ушли из общины, когда еще были подростками. Сэндфорд не хотел их больше знать и запретил Хелен отвечать на их письма. Все должны были оставаться в общине, даже если это значило полностью порвать с семьей.

Покинуть движение Шайло было гораздо труднее, чем вступить в него. Уйдя из общины, Элайза Легер рассказывала: «Гипнотические чары стали рассеиваться, как только я осмелилась сказать себе, что с этим человеком не все в порядке... Я знаю, что это часть той ужасной, невидимой западни, из которой некоторые сумели вырваться, но очень многие по-прежнему остаются в ней». Оставаться было мучительно, но еще больнее было уходить. Членам общины говорили, что ушедшие навлекают на себя божественное возмездие. Альберт Филд, покинув Шайло, сфотографировался со всей семьей на тот случай, если все они погибнут от Божьего гнева. Уход был сопряжен и с реальной опасностью. Все пожитки оставались в Шайло. Люди уходили в том, во что они были одеты, и с пустыми руками. Чтобы заслужить право стать

членом движения, каждый из них отдал движению свое дело, семейную ферму и все остальное имущество. Уходя, они теряли все.

Некоторым не удавалось снова приспособиться к жизни в реальном мире, и они возвращались в Шайло. Годы, прожитые в полной зависимости от чужой воли, отучали людей самостоятельно принимать решения и заботиться о себе. Вернувшихся сторонились, их выселяли в дальние дома до тех пор, пока они не заслужат полного прощения. Мерлин Бартлетт уходила дважды. Вернувшись, она не смогла вынести осуждения. Когда она ушла во второй раз, один из служителей Шайло отправился вслед за ней, сел в тот же поезд и объявил пассажирам, что она «шлюха».

Гнев Божий обрушивался не только на тех, кто осмеливался покинуть общину. Наказанию подвергались и родители сбежавших детей, равно как и всякий, кто не сумел удержать детей в послушании. Суровое обличение и наказание ждало также и тех, кто сомневался в каком-либо аспекте служения. Инакомыслие считалось синонимом одержимости. Так было удобнее возвращать инакомыслящих в общину — ведь проще свалить всю вину на бесов, чем признать свою ошибку. Полное прощение получали только те, из кого изгоняли бесов. Чаще всего признаком одержимости считалась склонность человека думать своей головой. Сэндфорд говорил: «Каким бы ясным ни было его мышление... ни до чего правильного он не додумается... есть только один выход: человек должен покориться, или его с позором выгонят».

За периодами ропота и смуты всегда следовали чистки. Под угрозой отлучения и изгнания из Шайло люди вновь становились послушными. Эти чистки называли «просеиванием» или «временем очищения». Сэндфорду были нужны лишь «чистые, простодушные и «внушающие страх»». Первая чистка произошла в 1890 году, она была призвана оздоровить ряды движения и представляла собой беспощадное изучение личности и души человека. Сдавшим этот экзамен позволялось прийти на особое богослужение, куда впускали только по специальным билетам, которые члены общины считали бесценными. На билетах были напечатаны слова: «чистый» (т. е. ничем себя не запятнавший), «простодушный» (т. е. неспособный на вероломство) и «внушающий страх» (речь шла о страхе, который испытывает сатана при встрече с чадом Божиим). Эта чистка, как и все последующие, представляла собой не столько духовное очищение, сколько идеологическую обработку, способ укрепления авторитета Сэндфорда. Чистки длились неделями, изнурительные многочасовые молитвы и посты сменялись безжалостными допросами. Годными признавали только покорных и беззащитных.

Всякую критику Сэндфорд считал попыткой бесов разрушить Царство Божие. «Враждебность наших очернителей лишь доказывает, что дьявол боится работы, которую мы делаем, и использует любые средства, чтобы помешать нам». Его, похоже, не беспокоили судебные преследования — он был уверен, что Бог оградит его от врагов и клеветников. Самого себя он считал пророком Илией и полагал, что его как Илию неизбежно ждут гонения и насмешки, но победа все равно будет за ним. Насмешникам-репортерам Сэндфорд грозил тем, что «вскоре [они] познакомятся с Богом-Судьей».

В январе 1904 года Сэндфорда арестовали по обвинению в убийстве (дело Линдера Бартлетта) и насилии над детьми (дело Джона Сэндфорда). Процесс по делу Джона Сэндфорда занял всего один день. Фрэнк признали виновным в насилии над ребенком и пренебрежении родительскими обязанностями, поскольку он принуждал сына поститься, воздерживаясь от пищи и воды в течение трех дней. Процесс по делу об убийстве начался на следующий день.

Линдер Бартлетт скончался от дифтерии 25 января того же года в «Вифезде», лазарете общины Шайло. Он пришел в общину с матерью и сестрой и был добродушным и очень живым мальчиком. Умер он в возрасте четырнадцати лет. В середине января Линдер неожиданно заболел. Он ослабел настолько, что не мог стоять, и его пришлось среди ночи нести в «Вифезду». На суде выяснилось, что в течение следующей недели, последней недели своей жизни, мальчик не получал никакой медицинской или духовной помощи. Через неделю после госпитализации Линдера в лазарет поместили Джозефа Сазерленда с диагнозом «оспа» (Джозеф не подчинился распоряжению Сэндфорда закрывать лицо при посещении больных оспой). Сэндфорд получил от Бога послание: «Мертвец. Он говорил, что будет слушаться тебя, но не послушался». В воскресенье 25 января выяснилось, что Линдер и Джозеф одновременно

скончались. Хелен писала миссионерам в других странах: «Бог явил Свою ревность о Давиде-Истине (Сэндфорде)... проклятие обрушилось на тех, кто хоть немного отступил от истины».

Смерть Линдера сочли небесной карой еще и потому, что перед смертью он признался, что заболел как раз тогда, когда захотел сбежать из Шайло. Мальчика похоронили на кладбище Шайло. На всех могилах были пространные эпитафии, на его же надгробии были выбиты только имя и годы жизни.

Преступники были наказаны. Оплакивать Сазерленда было запрещено. Пока он лежал в лазарете, Сэндфорд «разлучил» его с женой. Ей Фрэнк сказал, что, хотя он сам их поженил, ему не нравились их взаимоотношения. Пока муж умирал, жена сидела в часовне и слушала слова Сэндфорда о том, что отныне она замужем за Христом, потому что ее супруга постигло наказание за духовную гордыню и стремление к популярности. Миссис Сазерленд так и не оправилась от этого удара.

Обвинение в убийстве было построено на определении преступной небрежности. Обвинителю предстояло доказать, что Линдеру было отказано в лечении и уходе. О действительности исцеления верой речь не шла. Сэндфорда осудили за то, что он отказал мальчику не только в медицинской помощи, но и в духовном исцелении. К Линдеру, который хотел сбежать, не допустили ни врача, ни пастора. Дифтерия в то время уже поддавалась успешному лечению почти в 100 процентах случаев, если вакцину применяли в самом начале болезни. В конце концов перед присяжными остался один вопрос: действительно ли Сэндфорд отказал мальчику в исцелении из неприязни или по злему умыслу, чтобы показать, что ожидает непокорных. Действительные и бывшие члены общины подтвердили, что Линдер был болен целую неделю и что ему не оказывали никакой существенной помощи. Более того, во время семидесятидвухчасового поста ему не давали ни пищи, ни воды. Некоторые свидетельские показания просто ужасали: «Сэндфорд распростер перед ним руки и сказал, что он хотел бы видеть... перед собой его мертвое тело... Он сказал, что не может за него молиться».

Появляясь в суде, Сэндфорд оставался безучастным к происходящему, он не советовался с адвокатом и не выступил в свою защиту. Казалось, что он совершенно спокоен и перспектива приговора его ничуть не пугает. Обитатели Шайло толпились во дворе суда, тихо наблюдая за ходом слушаний и стараясь избегать репортеров, окружавших здание. Менее чем через два часа присяжные признали подсудимого виновным.

Потребовалось два года и множество апелляций, чтобы приговор был отменен (обвинитель не сумел доказать, что имела место «преступная небрежность»). Между тем Сэндфорд пришел к убеждению, что началась Великая скорбь и что община должна стать самодостаточной на случай, если придется бежать в пустыню. Движение Шайло реорганизовалось и зарегистрировалось как «Царство Давида» (Kingdom of David). Была приобретена новая недвижимость, в том числе маслобойни и фермы. Пережить Великую скорбь могла только самодостаточная община. Со всех концов США желающие стать членами истинной церкви продавали фермы и отдавали свои сбережения «Царству». Им были обещаны новые фермы, купленные Царством на их имя. Но из двадцати двух жертвователей только семеро по приезду получили собственные земельные участки.

Второй раз Сэндфорд предстал перед судом после трагического плавания 1911 года. Почувствовав, что ему трудно справляться с проблемами Шайло, он удалился на «Венец», одну из своих яхт. Команду он набрал из числа самых лучших и преданных членов общины. После долгого и утомительного кругосветного плавания на переполненном людьми судне Сэндфорд в конце концов вернулся к Атлантическому побережью США. Полиция разыскивала его в связи с обвинением в похищении человека, предьявленным Флоренс Уиттакер, которую насильно удерживали на борту одной из яхт «Царства», пока ее не освободил местный шериф. Большинство пассажиров «Венца» даже не подозревали, что Сэндфорд скрывается от правосудия. Яхта крейсировала вдоль побережья США и через Атлантику до берегов Африки, стараясь не выходить из нейтральных вод. Когда запасы пищи и воды подошли к концу, Фрэнк по-прежнему отказывался пристать к берегу, даже в иностранном порту. На борту яхты, рассчитанной не более чем на тридцать человек, находилось более пятидесяти. Некоторые члены экипажа и пассажиры были больны, некоторые умерли. Последние несколько месяцев

пассажиры жили только на печенье и дождевой воде. Воду из трюмов приходилось откачивать двадцать четыре часа в сутки. Люди настолько ослабели, что не могли даже подняться на палубу. Находившиеся на борту мужчины, женщины и дети утратили волю к жизни. Постоянные штормы сломали мачты, на яхте не осталось ни одного теплого и сухого помещения. У пассажиров и экипажа начали выпадать зубы, они страдали от жестокого поноса. Когда стало ясно, что это цинга, было уже поздно. Годы спустя Роланд Уиттом заметит: «Непонятно, как мы могли позволить человеку так подчинить нас себе». Только увидев, что назревает бунт, Сэндфорд согласился вернуться в общину.

К тому моменту, когда 21 октября «Венец» вошел в гавань Мэн, шестеро уже умерли от цинги, многие были в критическом состоянии. Сэндфорда немедленно арестовали за похищение человека, но когда полицейские увидели, в каком состоянии находятся яхта и экипаж, Фрэнку предъявили еще более тяжелое обвинение — в том, что он «в нарушение закона сознательно и без принуждения позволил судну отправиться в морское путешествие без достаточного запаса провизии». На суде он признал перед присяжными свою вину, но заявил, что всего лишь выполнял волю Бога. Сэндфорда приговорили к десяти годам заключения в федеральной тюрьме штата Атланта. За хорошее поведение его выпустили из тюрьмы на три года раньше.

Окончательный крах движение потерпело после того, как Сэндфорд вышел из тюрьмы. Нищета и апатия, царившие в Шайло, были ему неприятны, и в 1919 году он переехал в Бостон. Его мучил навязчивый страх, он ездил в машинах с затемненными стеклами, а шторы на окнах его дома всегда были плотно задернуты. Община Шайло, которую он покинул, по-прежнему насчитывала около четырехсот членов.

В феврале 1920 года против члена общины Уильяма Хастингса было возбуждено гражданское дело по поводу опеки над шестью из восьми его детей, все еще живших в общине. Жена Хастингса умерла, и ее родители и двое старших детей подали на Уильяма в суд за уклонение от обязанностей по материальному содержанию детей. Хотя ответчиком на этом процессе был не Сэндфорд, именно это дело окончательно развалило его церковь.

В своих свидетельских показаниях дети Хастингса рассказали о нищете, в которой им пришлось жить. Десятилетний Дейвид не помнил, чтобы ему когда-нибудь доводилось завтракать перед тем, как идти в школу, хотя однажды на Рождество он получил в подарок кусок хлеба с салом. Его старшая сестра Мэри рассказала, что перед приездом в Шайло комиссии из социальной службы ее спрятали в лесу, потому что она была слишком истощена. Соседи засвидетельствовали, что им приходилось подкармливать голодных детей. Уильям признал, что им не хватает еды, но отказывался работать за деньги, поскольку это противоречит Божьему закону. Он жил верой, даже если его детям приходилось голодать, что, впрочем, можно было сказать о большей части членов Шайло. Хастингс проиграл дело, и у него отняли детей.

Для Шайло наступил переломный момент. Адвокат предупредил Сэндфорда, что остальные семьи воспользуются делом Хастингса как прецедентом и заберут из общины всех детей. Тогда Бог сообщил Сэндфорду в Бостон, что полноправным членам общины разрешается зарабатывать на жизнь. Этот очень простой шаг уничтожил движение. Когда мужчины пошли работать на мельницы и фермы в окрестностях Шайло, атмосфера святости и отделенности от мира развеялась. Библейская школа закрылась, и уже через месяц число приверженцев Шайло сократилось до сотни человек. Те, кто слышал пророчество Сэндфорда, наконец начали спрашивать себя, с чего бы это Бог изменил Свое мнение по столь принципиальному вопросу. Если люди вправе зарабатывать себе на жизнь, они могут ожидать пришествия Господа в более комфортных условиях. Больше не нужно было страдать, чтобы оставаться христианином. Цель самого существования Шайло исчезла. Некоторое время спустя Сэндфорд приказал всем покинуть общину.

Для горстки самых преданных сторонников, переживших многие тяготы и трагедии, Сэндфорд по-прежнему оставался вождем. Небольшая группа его последователей и учеников до сих пор именуется «Царством». Здания Шайло уже давно распроданы, но в некоторых домах Сэндфорда все еще почитают как пророка и мужа Божьего. Ширли Нельсон, чья

семейная история оказалась вписанной в историю движения, говорит о том, почему нужно помнить о Шайло: «Я рассказываю об этом ради всех невинных, ради тех... кому еще суждено стать жертвами, обреченными упасть с высоты чьего-то стремления к высочайшему и лучшему».

* * *

В истории Шайло есть много общего с другими религиозными экспериментами, которые проводили в Америке XIX века авторитарные лидеры. Один из способов понять современные авторитарные движения — вернуться назад и взглянуть на них в более широком, историческом контексте. Изучая движение Шайло Фрэнка Сэндфорда, мы находим поразительные параллели с современными группами, склонными к подчинению духовному насилию со стороны их руководителей.

История Фрэнка Сэндфорда свидетельствует о том, что в новых христианских движениях на самом деле нет ничего нового. Как и в прошлом, облеченные духовной властью люди твердой рукой правят своими последователями и оказывают беспредельное влияние на их повседневную жизнь. Как и прежде, группы христиан слышат новые откровения из уст пророков и проповедников, которые регулярно «получают весточки от Бога». Подобно Сэндфорду и его предшественникам, современные авторитарные лидеры убеждены, что они одни обладают всей «полнотой истины» и что именно через них Бог намерен возродить утраченную духовность. Как прежние, так и нынешние лидеры подобного склада считают себя гонимыми, негативно относятся к традиционным церквам, ценят свою «духовную семью» выше биологической семьи и проявляют озабоченность сиюминутными поступками и вечной участью своих последователей. Короче говоря, повесть о подобных церквах берет начало в далеком прошлом.

АВТОРИТЕТ И ВЛАСТЬ

Авторитарные церкви злоупотребляют духовной властью

Мне потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя после ухода из «Церкви постижения Библии». Когда я только начинала вновь ходить в церковь и встречала там пастора Тома, мне было очень трудно в его присутствии сохранять присутствие духа. Иногда я просто сжималась от страха, когда он проходил по залу, а ведь пастор Том — один из самых добрых, самых обезоруживающих людей, которых я знаю.

Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы почувствовать себя свободной. Даже сейчас, приходя на богослужение, я иногда чувствую, что должна каким-то образом участвовать в происходящем, а иногда меня охватывает сильный беспричинный страх, беспокойство о моем духовном состоянии, и я с головой ухожу в самоанализ. По прошествии некоторого времени эти ощущения стали слабее, я обрела уверенность в Слове Божьем и своих отношениях с Господом.

Так заканчивается рассказ Бетти Доналд о четырнадцати годах жизни, проведенных в ЦПБ.

Основанная Стюартом Трэйллом в 1972 году под названием «Вечная семья» (Forever Family), «Церковь постижения Библии» (ЦПБ; Church of Bible Understanding) ныне насчитывает примерно сотню членов, которые живут в нескольких принадлежащих общине домах на северо-востоке США. В 1978 году церковь была на пике своего роста, располагая приличной недвижимостью и почти тысячей членов. Бетти и еще тридцать прихожан покинули церковь в апреле 1989 года, после того как 4 марта на приходском собрании Стюарт заявил, что в течение двадцати пяти лет проповедовал ошибочное учение, в котором не отводилось места благодати. Он сказал, что сам был жертвой в большей степени, нежели те, кого он обманывал. Повидимому, пытаясь уменьшить нанесенный ущерб, в июне того же года м-р Трэйлл велел прихожанам забыть все, что он когда-либо говорил им о необходимости быть совершенными, чтобы получить рождение свыше (это учение основывалось на 1 Ин. 3:9: «Всякий, рожденный

от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога»), и заявил, что сам был рожден свыше только в феврале 1989 года.

Как и остальные члены ЦПБ, Бетти боялась что-либо предпринять без одобрения Стюарта Трэйлла. Как одна из «помощниц Гейл» («рабынь» второй жены Трэйлла) она пользовалась некоторыми привилегиями, недоступными другим членам общины. И все-таки она «до смерти его боялась». Никто не мог считать себя достаточно верным Богу, «если Стюарт не относился к тебе благосклонно». Степень этой благосклонности, по-видимому, возрастала или ослабевала в зависимости от того, насколько тот или иной человек был полезен для деловых предприятий Трэйлла или, напротив, угрожал его авторитету.

Стюарт безраздельно распоряжался принадлежащими общине деньгами. Обналичивать чеки Бетти не приходилось ни разу. Всю наличность сдавали Трэйллу, но никаких отчетов о расходовании средств он не предоставлял. Когда Бетти пригласили в Совет директоров, она увидела, что на телефонные переговоры церковь тратит столько же денег, сколько на финансирование своей миссионерской деятельности на Гаити. Трэйлл следил за тем, чтобы имеющие доступ к банковским счетам церкви не имели никакого опыта в финансовых делах. За любые сомнения в здравости такой политики людей немедленно подвергали порицанию и публичному унижению. Кроме того, прихожане были обязаны подавать особое прошение в один из комитетов церкви, если хотели купить себе новые ботинки, брюки, куртку или другой предмет одежды. Комитет определял, действительно ли они в этом нуждаются. В свободное время прихожане искали у частных лиц и организаций пожертвования на нужды «служения на Гаити».

Члены ЦПБ трудились в ряде предприятий, в том числе в принадлежащей Трэйллу компании «S & G Cameras», а сотрудниками компании «Christian Brothers Carpet Company», предоставлявшей услуги по чистке ковров, были почти все прихожане-мужчины. Бетти, как «помощница Гейл», подписала специальный контракт и работала в магазине кино- и фотоаппаратуры. «Помощницы Гейл» занимались всем — от закупок товаров и посещения презентаций до мытья посуды и уборки туалетов. Обычно они работали целый день, но не получали за это никакого вознаграждения. Удостоившись привилегии жить в усадьбе Трэйлла в Принстоне (Нью-Джерси), стоившей 900 тыс. долларов, во время выездной торговли аппаратурой «помощницы Гейл» ночевали в своих микроавтобусах. По словам Бетти, «этих женщин звали цыганками. Они мыли головы в умывальниках заправочных станций, купались в бассейнах отелей, в которых не жили, а переодевались в туалетах ресторанов, поесть в которых им даже не приходило в голову. Они брали с собой запас еды и ели прямо в машине. Все расходы списывались на церковь». Кроме того, Трэйлл пользовался счетами компании по чистке ковров как своими личными счетами, свободно распоряжаясь фондами.

Предполагалось, что все члены ЦПБ должны жить как во времена апостолов, «имея все общее». По словам Бетти, прихожане верили, что благодаря их глубоким познаниям, особенно в том, что касается человеческой природы и Библии, им дано «высшее призвание». Свое знание человеческой природы они считали непревзойденным и полагали, что при помощи своего духовного зрения могут насквозь видеть помыслы окружающих. В результате, как рассказывает Бетти, члены ЦПБ стали «крайне самодовольными и кичливыми». Стюарт мог, не переставая, рассказывать им о будущих планах и о том, сколь многого он от них ожидает.

Трэйлл не мог объяснить, почему за двенадцать лет количество членов церкви сократилось почти на девятьсот человек, однако утверждал, что его новые взгляды очень близки к учению апостолов. Он говорил: «Иисус открыл мне тайну, лежащую в основе всего». Резко критикуя другие церкви, бывших членов своей общины он называл «врагами креста» или «неудачниками, которые пытаются бросить камень в победителя». По словам Бетти, всякий раз, когда название ЦПБ мелькало в новостях, они воспринимали это как гонения, потому что «мы верно шли истинным путем, и сатана злился».

Сейчас, оглядываясь назад, Бетти полагает, что общинный уклад был одним из основных способов управления жизнью прихода. Отдельное проживание считалось как менее духовным, так и опасным — покидая пределы «пастбища», человек напрашивался на неприятности. Более того, мужчинам настоятельно рекомендовали отказаться от мирских должностей и наняться в

принадлежащую церкви компанию по чистке ковров. Тех, кто отказывался поступить таким образом, ждали насмешки, публичное унижение и презрение. Обычная должность клерка считалась «работой на фараона». Работать же на Стюарта или ЦПБ, напротив, значило исполнять волю Божию — здесь прихожане могли полностью реализовывать свои способности, а отнюдь не обогащать своих нанимателей. Таким образом, даже трудовая деятельность человека находилась под надзором церкви и была строго регламентирована. Бетти рассказывает, что мужчинам, которые уходили из церкви, было гораздо труднее заново приспособиться к жизни вне общины, потому что в ЦПБ другие заботились о них и принимали за них решения. Для «сестер» работа в церкви или на предприятиях Трэйлла не была обязательной.

Как это часто бывает в авторитарных церквях, семейные узы часто рвались. Когда прихожанин получал известие о смерти кого-то из своих родственников, ему говорили: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов». Чтобы повидаться с семьей, нужно было получить разрешение. Бетти вспоминает: «После поездки к родным ты всегда чувствовала тревогу, потому что по возвращении тебя брали под пристальное наблюдение». Прихожане ЦПБ должны были считать своей семьей друг друга, и Стюарт часто спрашивал: «Что бы с вами было, не приведи вас Господь в это братство?» Правильный ответ звучал так: «Нас бы, наверное, уже не было».

Манипулируя людьми, Трэйлл часто давил на их чувство вины и прибегал к искажению Писания. Он вырывал библейские цитаты из контекста, чтобы заставить прихожан выполнять его требования. Тем, кто не соглашался с каким-либо чужим мнением, он любил цитировать библейские стихи: «Без совета предприятия расстроятся, а при множестве советников они состоятся» и «Кто надеется на себя, тот глуп».

Отношение к супружеству в ЦПБ было настолько неодобрительным, что с 1978 года в общине не состоялось ни одной свадьбы. Тем не менее сам Трэйлл развелся с женой и в 1977 году женился на Гейл. Бетти вспоминает, что всем женщинам в церкви указывали на Гейл как на пример для подражания. «Она носила такие облегчающие платья, что многие краснели. Стюарт с гордостью показывал на нее братьям и говорил: «Смотрите, что вы могли бы иметь»».

У Трэйлла была привычка устраивать вечерние собрания, которые заканчивались иногда в час ночи, а иногда и в пять часов утра. Несмотря на это на следующий день прихожане должны были работать как обычно. Если кто-то уходил с этих собраний (пусть даже просто выходил в туалет), на это смотрели с крайним неодобрением. Во время собраний «мы доказывали свое желание быть с Иисусом, высматривая и обличая чужие недостатки, потому что Иисус ненавидит грех, но, конечно же, не грешников. Собрания всегда завершались публичной словесной поркой провинившихся, после чего все расходились по углам и долго молчали — это продолжалось до глубокой ночи». Трэйлл полагал, что женщины обладают природной способностью манипулировать другими, заблуждаться и плести интриги, поэтому именно они чаще всего становились мишенью на этих ночных судилищах. Потом, по словам Бетти, каждой женщине приходилось «просить прощения так, чтобы все ей поверили, чтобы ей простили любые преступления, в которых она обвинялась, и не предали ее линчеванию». В 1988 году был создан новый ритуал: те прихожане, которым предстояло «исправить свое поведение», должны были найти четыре-пять свидетелей, готовых поручиться перед всей общиной за их искренность. Неискренность наказывалась новыми унижениями или отлучением от общения.

Сам Стюарт, однако, был неприкосновенен. Бетти говорит: «Стюарт принимает только «позитивную критику», происходящую от «правильного духа»». О том, какой дух правилен и насколько позитивна критика, судил, конечно же, он сам. Кроме того, на собраниях Стюарт жаловался, что никто не говорит ему, что о нем думают, но он сам заботился о том, чтобы ни у кого не было такой возможности. Запутывая своих последователей, он говорил им, что противление — это самый страшный грех, то есть тот, кто осмеливается усомниться в его словах, противится истине, а значит, и Самому Иисусу!

После ухода из ЦПБ Бетти оказалась у разбитого корыта. Она и несколько ее друзей, ушедших вслед за ней, очутились в совершенно новой и непривычной обстановке, мучаясь беспричинными страхами:

Ну вот, тебе тридцать лет, ты не замужем, ты одинока и стыдишься того, что тебя использовали. Я чувствовала себя идиоткой, когда призналась после четырнадцати лет, проведенных в ЦПБ, что мои родители были правы.

Мне было трудно приспособиться к новой жизни, даже открыть счет в банке. Я как будто свалилась с луны. В последний раз я уволилась с работы без предупреждения, и до того я тоже несколько раз бросала работу, поэтому я понимала, что устроиться мне будет нелегко. За последние семь лет я нигде не работала дольше года. Я была полной развалиной — в физическом, эмоциональном и умственном отношении. Я хотела бы ходить в церковь, но мучилась подозрениями и опасалась, что меня не поймут. К сожалению, члены церкви не понимали меня и не знали, что делать с такими, как я. В результате меня лишь потрепали по плечу и с самыми добрыми намерениями сказали: «Все это хорошо, но теперь ты ушла и должна жить своей жизнью». Но десять лет изоляции и отлучения от Слова Божьего, когда я думала только о ЦПБ, жила, питалась и дышала ею, забыть не так-то просто.

К сожалению, члены религиозных групп, склонных к духовному насилию, не видят в опыте общения с авторитарным руководством, который приобрела Бетти, ничего необычного. Авторитарное руководство является стержнем всех церквей такого рода. Обладатели духовной власти становятся примером для подражания, громадное влияние им обеспечивают их бесстыдная и заносчивая самоуверенность и безапелляционные суждения. Они пользуются своей духовной властью, чтобы запугивать слабых и тех, кто порывается уйти из церкви, — об этом свидетельствует приведенное ниже письмо. Дон Барнетт написал его нескольким членам «Community Chapel», которые подумывали об уходе из церкви. Пастор не только предупреждает адресатов о том, что они лишатся всех друзей из числа прихожан, но еще и пугает их бесовскими нападками и утратой божественной силы:

Как ваш пастор, я предупреждаю, что вы катитесь на самое дно... Господь призвал вас в это собрание, чтобы предоставить вам все, в чем вы нуждаетесь. Вы спросили у Него разрешения покинуть общину? Вычеркнув себя из этого божественного движения... вы духовно покатитесь вниз... Убегая от Бога, вы оказываетесь на дне моря... Так вы можете погубить свою душу. Дьявол способен увести вас все ниже, ниже и ниже.

Я прошу вас покаяться перед Богом... и следовать за пастором, держаться его, не покидать лодку, и тогда Бог простит вас. Вы увлеклись чувствами и рассуждениями, которые внедрил в ваши сердца дьявол... вы лишитесь вечной награды. Вы не будете прежними... вы не сможете просто войти в первую попавшуюся церковь и почувствовать себя в безопасности. Господь не допустит этого. Он призвал вас сюда, и ваш пастор — я, а не кто-то другой. Вы должны следовать за мной или будете держать ответ перед Богом.

Бывший помощник Дона Барнетта описывает его стиль руководства так: «Он выгонял каждого, кто возражал против его учения. Он был очень деспотичным лидером. Даже при том что на словах он допускал разногласия по различным вопросам, в действительности ему было очень трудно позволить кому бы то ни было придериваться иной точки зрения, нежели его собственная. С кафедры он говорит, что вполне допускает это, но в личной беседе скажет вам, что Бог вменил ему в обязанность изменить ваш образ мыслей».

Пастор Фил Агилар из Христианского братства «Set Free» любил говорить: «Вы должны доверять Богу через меня; я знаю, что для вас лучше». Как-то в проповеди он рассуждал об ответственности, возложенной на него как на пастыря «Set Free»: «Прихожане этой церкви, ничего не говорите друг о друге. Я же могу говорить все, что захочу. Я могу называть вас, как захочу, потому что по Слову Божьему на меня возложена ответственность, и с меня за это спросится. Я могу говорить вам все, что захочу. «Если ты можешь так говорить, я тоже могу». Нет, вы не знаете Писания. У вас нет такой ответственности и подотчетности, у меня они есть. А потому, когда я стою перед вами, примите это от Господа или махните хвостом, идите домой».

и там плачете. Идите, поищите себе телевизионного пастора, чтобы включать и выключать его, когда вам захочется».

Нездоровый, авторитарный стиль руководства побуждает людей водружать своего пастора на пьедестал. Примером тому служат слова бывшего члена церкви, расположенной в большом городе на Среднем Западе США: «Мало-помалу этот человек стал эталоном, которому мы во всем хотели подражать. Мудрость, изливавшаяся из его уст, внушала нам благоговейный трепет». Одна женщина, некогда принадлежавшая к крохотной общине на восточном побережье США, говорит, что считала, будто ее церковь обладала полнотой Божьей и имела «ум Христов». «Когда наши руководители что-то говорили, это воспринималось очень серьезно, как абсолютная истина. Я была частью церкви, которую искренне считала безраздельно преданной Богу, благочестивой. Но когда я ушла из церкви, моя жизнь была разбита вдребезги».

Эван и его семья пережили такой же духовный крах, когда были членами «Церкви Великого Пастыря» (ЦВП; Church of the Great Shepherd), расположенной в пригороде Лос-Анджелеса и состоящей в основном из американцев азиатского происхождения. Вот как это было.

Словно в шпионском романе, Эван разрешил своей жене Стэйси увидеться с детьми на нейтральной территории, где их было бы трудно похитить. Эван собирался прийти в сопровождении Дага, еще одного прихожанина Учебного центра Пастыря (УЦП; Shepherd's Training Center). Стэйси позвала с собой бывшую жену Дага, Сэнди, и двух братьев Тонг, Дирка и Денни, — их всех три месяца назад похитил и депрограммировал некий таинственный Хилл Спэниелс. Эван опасался, что детей тоже попытаются украсть и подвергнуть мучительному и жестокому депрограммированию. Об этой опасности их не раз предупреждала миссис Джин Чао Лянь, стоящая во главе ЦВП и УЦП. Условились, что встреча состоится на следующий день в доме родителей Эвана, расположенном в трех часах езды от Лос-Анджелеса.

Взяв детей, Келси и Джанну, Эван и Даг выехали в два часа утра, чтобы осмотреть все улицы, прилегающие к дому родителей Эвана, и убедиться, что белого микроавтобуса мистера Спэниелса нигде не видно. Вооружившись «помазанной молитвой», они постоянно были начеку и готовились отразить нападение злых духов обмана и похоти. Им объяснили, как при помощи особых песнопений во время поклонения вернуть жен в Тело Христово и вновь привести их к послушанию.

Встреча состоялась на исходе утра. Родители Эвана не могли наглядеться на внуков, которых прежде видели два раза мельком. Пресловутые песнопения не оказали на Стэйси и Сэнди никакого воздействия, и женщины завели разговор о том, что им всем пришлось испытать в УЦП, апеллируя к авторитету Писания: разве Иисус стал бы принуждать супругов к разводу из-за того, что один из них не согласился жить в общине? Смог бы Иисус отправить брата на несколько недель на улицы Лос-Анджелеса или в бандитские кварталы Пасадены без денег и даже без верхней одежды, чтобы привести его к раскаянию в якобы совершенных грехах? Упомянутся ли в Библии такие грехи, как «протест» или «индивидуальность»? Стал бы Иисус шпателем запихивать еду в горло шестимесячной девочке, чтобы приучить ее слушаться старших? Стал бы Иисус сопровождать ругань в адрес ученика непристойными действиями, чтобы показать ему, насколько он развращен, и «освободить» его от духа похоти или гомосексуализма? Стал бы Иисус указывать супругам, когда и как они должны заниматься сексом?

Рассматривая факты и читая Писание (а не чьи-то толкования, опирающиеся на «контекст»), Эван и Даг, к тому времени уже несколько часов свободные от влияния общины, начали понимать, в какой атмосфере обмана они жили, и увидели, что прихожан УЦП принуждают подчиняться желаниям Джин Лянь при помощи искажения Писания. Мысли о напрасно потраченных годах жизни (а в случае Дага и Сэнди и о разбитой семье) породили гнев и ужас, от которых они еще несколько дней не могли избавиться.

Так закончилась пятилетняя история группы, члены которой искренне считали, что служат Богу. Когда Даг и Эван не вернулись в УЦП, а внешнее давление на ЦВП усилилось, миссис Лянь отправила членов церкви по домам до лучших времен, чтобы успокоить родителей и

сократить до минимума ущерб, нанесенный церкви. Бывшие члены группы говорят, что они должны были вернуться назад, когда ситуация несколько стабилизируется. Тем временем Хилл Спэниелс встречался с этими людьми по их возвращении в родительские дома. Ознакомившись с фактами и библейским учением, они, в свою очередь, тоже освобождались от психологического воздействия. Через месяц в УЦП не осталось почти никого, кроме семерых родственников Джин Лянь.

ЦВП основали в 1985 году выпускники известной евангельской семинарии Стивен Лянь (муж Джин), Даг Ясуи и Рой Чан. В начале она называлась Азиатско-американской церковью «Благодать и вера» (Asian American Grace and Faith Church). Это была внеконфессиональная независимая община, которая уделяла особое внимание поклонению, отличалась открытостью для даров Святого Духа и отводила женщинам более заметную роль в церкви. Уже через год на воскресные собрания собиралось по сто пятьдесят прихожан, а церковь заслужила репутацию живого харизматического служения, ориентированного на молодых христиан азиатско-американского происхождения.

На следующий год группа была переименована в «Азиатско-американскую церковь Христа» (Asian American Christ Church), миссис Лянь начала время от времени проповедовать и возглавила служение, обращенное к старшим школьникам. Общий настрой начал меняться, все больший акцент делался на абсолютном послушании Богу (путем послушания руководству церкви, которое Бог поставил над Своими овцами). Кроме того, больше внимания стали уделять вопросам духовной власти, десятины и служению бедным. Число прихожан начало сокращаться. Несмотря на многочисленные возражения, миссис Лянь добилась того, чтобы ее рукоположили, — формальное рукоположение осуществили ее отец и пастор местной церкви «Виноградник» (Vineyard).

К тому времени в доме миссис Лянь уже возникла «спонтанная коммуна», которая состояла из членов ее семьи, выпускников семинарии, проходивших в церкви практику, а также тех, кого привлекал общинный образ жизни (основанный на 2-й и 4-й главах Книги Деяния), и кто просто нуждался в крове. Дом миссис Лянь стал средоточием церковной жизни, а сама Джин играла все более и более важную роль в служении.

В это самое время на Стивена Ляня было наложено «духовное наказание». Бог якобы призвал его к ответу за то, что он недостаточно любит свою жену и пятерых детей и плохо заботится о них. Эта епитимья, которую наложили на него Джин и еще один «пастырь», заключалась в том, что Стивена отлучили от служения, подвергли публичному унижению и запретили поддерживать любые отношения с семьей, особенно с Джин. К тому моменту, когда время наказания истекло, его жена уже по сути стояла во главе церкви и общины. Якобы по собственному желанию Стивен больше не спал с женой, не проповедовал и не занимался ни душепопечительством, ни учением. Его перевели на административную работу. Кроме того, он основал собственную компанию, которая занималась чисткой ковров и ремонтом жилья.

К 1988 году количество прихожан уменьшилось примерно до тридцати пяти человек и собрания проходили уже не в арендованном здании церкви, а в доме, принадлежащем общине. Группа сменила название на «Церковь Великого Пастыря», а юридически была зарегистрирована как Учебный центр Пастыря. Джин Лянь осталась в ней единственным пастором, поскольку все потенциальные лидеры к тому моменту были либо изгнаны, либо подвергнуты наказанию.

Будучи руководителем УЦП, миссис Лянь устанавливала жесткие нормы в духовной и физической жизни прихожан, а также в их взаимоотношениях. Искаженное понимание Мф. 5:27–30 привело к разводу Дага и Сэнди. Хотя никто из них не совершил прелюбодеяния, Дагу объяснили, что Сэнди «полагает ему преткновение» своим сдержанным отношением к перспективе переселиться в УЦП. Ему велели «отсечь» свою жену, как он отсек бы руку, чтобы войти в Царство Небесное, пусть даже искалеченным. В конечном итоге Даг и Сэнди переселились в дом общины, но их все равно принудили к разводу. Даг несколько месяцев провел на улице, руководство церкви называло его «извращенцем». Время от времени его звали обратно, чтобы посмотреть, достаточно ли он «раскаялся». Если недостаточно, его отправляли назад.

Все члены церкви брали деньги из общей кассы, которой распоряжался Стивен Лянь под контролем Джин. Многочисленные сомнительные расходы на нужды общины и конкретно семейства Лянь списывались и переносились на необлагаемый налогом счет церкви. Денежные суммы регулярно перебрасывались с одного счета на другой. Джин наблюдала за движением средств и определяла финансовую политику УЦП. Денежные суммы выдавались исключительно под расписку.

По вине Джин Лянь едва не погибли две дочери Эвана и Стэйси. Старшую девочку в шестимесячном возрасте пытались насильно кормить и регулярно били, а младшая родилась раньше срока из-за того, что Стэйси слишком много работала на благо общины. С маленькими детьми Роя и Мэнди Чан также обращались очень жестоко: их били или грубо трясли, когда они писались, или плакали, или не хотели закрывать глаза и засыпать. Однажды, грубо тряхнув их трехмесячную дочь, Джин сказала, что будет лучше, если девочка вырастет умственно отсталой, но послушной, чем умной и непокорной.

Взаимная привязанность между матерью и ребенком считались большим грехом. Джин постоянно разлучала кормящих матерей с младенцами, подчас буквально отрывая их от груди со словами: «Вы привязываете ребенка к себе, а не к Господу». Такая «привязанность» якобы ставила под угрозу спасение ребенка. Между тем, как рассказывают бывшие члены церкви, пятеро детей миссис Лянь сильно привязаны к матери и ни во что не ставят отца. Мужей и жен также надолго разлучали — якобы их взаимоотношения нечисты, неблагочестивы и основаны на похоти и взаимном манипулировании.

Публичные обличения, исповеди и покаяния были привычным делом и могли длиться от часа до двадцати часов. Обычно их устраивали поздним вечером. Считалось, что извлечение на свет самых интимных подробностей жизни человека дает Богу возможность сделать его духовную жизнь более насыщенной. Благодаря своему идеализму и желанию лучше служить Богу все поддавались на этот обман. Эти интимные подробности, в том числе и детали сексуальной жизни, снова и снова подвергались обсуждению, чтобы вызвать у людей глубокое чувство вины. «Это было похоже на духовный шантаж», — говорит Эван. На многих навешивали ярлык гомосексуалистов и заставляли писать прежним знакомым письма с признанием в этом «грехе». Старые грехи никогда не забывались и не прощались.

Грехом считали и «самоанализ» — в этот термин вкладывали негативный смысл, но в действительности речь шла о способности критически мыслить и об открытости к предостережениям Святого Духа. Члены церкви должны были забыть все, чему их когда-либо учили, искать новый опыт спасения и впитывать «истину» непосредственно духом, минуя нечистое влияние интеллекта и мышления.

Связи с семьей и друзьями, не принадлежащими к церкви, были запрещены или жестко ограничены и всегда отслеживались. Часто можно было услышать, что «дух сильнее крови». Иными словами, духовная семья была важнее, чем семья биологическая, мирская.

В конце концов миссис Лянь добилась того, что полностью искоренила в своих последователях индивидуальность и стремление к самостоятельности. Ради «единства Тела» члены церкви одинаково одевались, пользовались одинаковыми экземплярами Библии, носили одинаковые сумки, очки и делали одинаковые прически. Личные вещи, напомиравшие о прошлой жизни, были объявлены идолами — их либо выбрасывали (как обручальные кольца Дага и Сэнди), либо за бесценок продавали или раздавали «бедным». Любопытно, что сама миссис Лянь сохранила многие личные вещи и, в отличие от остальных, пользовалась Библией в кожаном переплете, кожаным органайзером и носила драгоценности. Считалось, что она уже избавилась от тщеславия и гордыни и потому подобные вещи не были для нее «идолами». Ее дети также сохранили за собой право на личные вещи, они лучше всех одевались и имели массу привилегий. Их редко наказывали или заставляли делать что-то по дому, хотя такие поручения (их исполнение нередко затягивалось до часу ночи) якобы воспитывали в людях дух служения.

Несправедливость и жестокость этих правил, столь очевидные для непосвященных, казались совершенно оправданными членам УЦП благодаря воздействию программы изменения мышления, разработанной миссис Лянь. Они беспрекословно подчинялись своему пастырю, полагая, что тем самым исполняют Божью волю.

Эван и Стэйси ушли из УЦП, имея на руках счет на несколько тысяч долларов из больницы после преждевременных родов, 23 доллара на банковском счете и двух грудных младенцев, которых почти не знали. Все остальное присвоили себе церковь и Джин Лянь. Эван и Стэйси снова и снова спрашивали себя: «Как мы могли вляпаться в такое безнадежное дело?» Они оба учились в университете и активно участвовали в христианском студенческом движении, а Эвану оставался всего год до получения докторской степени.

Как и все бывшие члены авторитарных церквей, они испытали чувство вины за то, что оставили свое собрание. Их учили, что уход из церкви равносителен богохульству. Но более всего их мучил стыд за то, что они вообще вступили в эту общину и позволили так издеваться над собой и своими детьми.

Оглядываясь назад, Эван и Стэйси понимают, что лишились очень многого, став членами УЦП. Они потеряли многие знакомства, приобретенные в студенческом служении, и им не хватало влиятельной поддержки. Их ближайшие друзья, к сожалению, тоже стали членами УЦП. Дальнейшая карьера и семейная жизнь были под большим вопросом. Эван только-только начал свою профессиональную карьеру; он и Стэйси были женаты всего три года и сталкивались с обычными сложностями супружеской жизни. Они совсем недавно купили первый в своей жизни дом, и их отношения со строительной компанией складывались очень непросто. Они начинали осознавать, что их незрелый идеализм и ревностное служение Богу плохо уживаются с миром, полным противоречий и сомнений. УЦП обещал им простые и определенные ответы, убежище от сомнений, более глубокие, чем когда-либо прежде, взаимоотношения с людьми, возможность в полной мере проявить любовь к Господу и служить Ему. К сожалению, в реальном мире такого идеального места нет.

На момент написания этой книги под властью Джин Чао Лянь в УЦП остается лишь один молодой человек. Другие бывшие члены церкви либо вернулись к родителям, либо взялись за самостоятельное обустройство своей жизни. Обещание миссис Лянь продать принадлежащий общине дом, чтобы помочь бывшим членам устроиться на новом месте, не выполнено до сих пор.

Эван отзывается о Джин Лянь так: «Она никогда не говорила, что она помазана Богом, — только что она имеет особое призвание и особые отношения с Ним. Она никогда не называла себя пророком или апостолом, но действовала властно и редко признавалась в своих сомнениях». По словам бывших членов церкви, Джин Чао Лянь так и не поняла, какое опустошение она внесла в жизнь своих последователей, и, возможно, даже полагает, что терпит гонения за правду. Случайно встретившись с бывшими членами общины на улице, она напутствует их словами: «Идите с Богом».

Иисус Христос должен быть нашим единственным образцом для подражания и нашим единственным Пастырем. Он Сам называет Себя «пастырем добрым» (Ин. 10:11). Добрый пастырь ведет свое стадо, а не гонит его палкой. Я разговаривал со многими бывшими членами так называемого движения пастырства, и все они были единодушны во мнении, которое один мой собеседник выразил так: «Если пастор велит тебе прыгать, ты спрашиваешь только, как высоко». Грустно, что в некоторых христианских кругах достойные уважения библейские понятия, такие как пастырство, приобрели столь уродливый и оскорбительный смысл.

Пастор Фил Агилар считает себя бесспорным лидером паствы «Set Free». Подобные пастыри иногда полагают, что самые мелкие жизненные проблемы их паствы тоже находятся в сфере их ответственности. К примеру, бывший прихожанин «Set Free» вспоминает, как однажды вечером в Анахайме пастор Фил смотрел матч школьных команд по футболу. Агилар, его помощник и довольно большая группа членов церкви сидели рядом на верхних рядах трибуны. Когда игра закончилась, несколько человек, в том числе и помощник пастора, стали спускаться к выходу. Пастор Фил неожиданно крикнул им: «Не идите за Аароном, идите за Моисеем!» Уходящим пришлось вернуться туда, где сидел Агилар, и минут пятнадцать ждать, пока он выведет их со стадиона.

Для разъяснения строгой системы власти и дисциплины авторитарные пасторы часто прибегают к милитаристским образам. В 1986 году пастор Дон Барнетт прочел проповедь о том,

как его духовные солдаты исполняют волю небесного главнокомандующего. При этом Барнетт ясно дал понять, что сам он — их верховный главнокомандующий на земле.

Я всегда хотел, чтобы у меня была своя армия, которая бы исполняла все мои приказы без малейшего колебания. Генерал никогда не сражается ради себя самого; он воюет за свою страну. Он воюет за верховного главнокомандующего... Я готов лежать на голой земле вместе с солдатами — мне не нужна офицерская палатка. Я не хочу, чтобы меня восхваляли. Я не хочу, чтобы меня перевозносили... Но я командую этой армией.

Я знаю, что говорю не всегда понятно, но я также знаю, что говорю от Духа Господня, когда говорю, — точно так же, как Иисус хотел, чтобы Его ученики подражали Ему и верно следовали за Ним, и апостол Павел хотел того же. Но я хочу вам сказать — и я хочу, чтобы вы меня услышали, — что я имею право требовать того же от этого собрания.

Мы ведем войну, и вы еще увидите, что именно те, кто научился дисциплине и покорности, кто искренне и верно поддерживает своего пастора, будут на стороне Бога... Те же, кто не покорится, окажутся в резерве и в конце концов, вероятно, будут отсечены... Я прошу вас еще раз подчиниться вашему генералу... Я прошу вас услышать, что он говорит, и сделать это... Я знаю, Бог хочет, чтобы вы исполняли то, о чем я вас прошу, и я знаю, что если вы не делаете этого, вы идете против Самого Бога.

Злоупотребления наставничеством имеют давнюю историю. Они начались уже в ранней Церкви. В Деян. 20:30–31 апостол Павел предупреждает нас о том, что «из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуйте...»

МАНИПУЛИРОВАНИЕ И КОНТРОЛЬ

Авторитарные церкви используют чувство вины и страха

История пребывания Тома Брауна в Университетском библейском сообществе (УБС; University Bible Fellowship), центр которого находится в Корее, может послужить типичным примером того, как молодые, идеалистически настроенные студенты американских университетов попадают в западню. Некоторые подчас вполне честные люди ради достижения каких-то своих целей эксплуатируют идеализм студентов и их горячее желание найти истинного Бога и служить Ему. К счастью для Тома, его вера не потерпела крушения, как это случилось со многими другими.

Первое знакомство Тома с УБС состоялось в 1979 году, когда он учился на предпоследнем курсе Северо-западного университета. Студент, с которым он до того жил в одной комнате, изучал Библию с некой Милашкой Ри, миссионеркой УБС. Когда сосед бросил университет, Милашка переключила внимание на Тома. Поначалу он сомневался, стоит ли идти на богослужение УБС, куда его пригласила новая знакомая, но затем подумал, что таким образом, быть может, Бог отвечает на его желание найти хорошую группу по изучению Библии, и принял приглашение. Глубокая духовность членов УБС и их серьезное отношение к вере произвели на Тома приятное впечатление. Большую часть прихода составляли миссионеры-корейцы, приехавшие в США, чтобы заниматься благовестием в студенческих городках.

Учась в университете, Том изо всех сил старался духовно расти, он искренне хотел найти группу по изучению Библии и проповедовать Писание другим студентам, таким же, как он сам. УБС показалось ему ответом на его молитвы. В первое время Милашка «проявляла большую заботу» о Томе, научила его писать проповеди на основе выбранных руководителем отрывков из Библии. Она звонила ему каждую неделю, провожала домой и даже угощала обедом.

Как теперь понимает Том, в те дни Милашка просто «бомбила его любовью» — отчасти потому, что другие корейцы — сотрудники УБС — между собой называли ее унижительным прозвищем «миссионер без овец». Она работала в организации, которая видела своей главной целью индивидуальное преподавание Библии многим студентам, а Том был ее единственным

учеником. Наряду с «бомбардировкой любовью» начались первые осторожные попытки повлиять на его времяпрепровождение и поведение. Милашка рассказывала Тому мистические истории о том, как Бог осуществляет Свое провидение и суд в отношении их сообщества. Все это производило на Тома огромное впечатление.

Со временем Милашка узнала о Томе все. Узнала она и о том, что он мечтает защитить докторскую диссертацию и стать признанным авторитетом в своей области знаний. Именно тогда «Милашка сказала, что я должен отказаться от своих планов, потому что они порождены греховным эгоизмом. Она сказала, что я должен служить Иисусу». Заронив в сердце Тома чувство вины, Милашка стала ждать, когда ее подопечный примет решение «твердо отказаться от собственных планов на будущее и ждать от Бога новых указаний относительно своей жизни». Оказавшись перед необходимостью столь радикального решения, Том чувствовал себя совершенно опустошенным: «Иногда я плакал от разочарования и осознания утраты».

Через четыре месяца пребывания в УБС Том познакомился с руководителем организации Сэмюэлем Ли, говорившим на ломаном английском. Новый знакомый стал проявлять к Тому всяческое внимание, и молодой человек почувствовал себя важной персоной. Он откликнулся на столь доброе к себе отношение, и Ли обратился к нему с просьбой выступить на Весенней конференции 1980 года. С этого момента началась активная идеологическая обработка Тома.

«Обучение проповеди» — один из способов, при помощи которых лидеры УБС «помогают» студентам еще больше посвятить себя организации. Для начала Том вместе с Сэмюэлем Ли изучил 15-ю главу Первого послания к Коринфянам. Он должен был выучить этот отрывок и наизусть читать его Ли при каждой встрече. Затем он приступил к составлению проповеди на этот библейский текст, используя как образец проповедь Ли. После нескольких переделок текст будущего выступления оказался неотличим от образцовой проповеди Ли, которую Том и прочитал на Весенней конференции. Смысл этого процесса заключался в том, что молодому человеку дали возможность «побиться над Словом Божиим и поучиться у Сэмюэля Ли», и об этом уже было известно всем корейским миссионерам. Том и его соотечественники тогда еще не знали, что в глазах миссионеров американцы значительно уступают корейцам по уровню духовного развития. «Многие корейцы — члены УБС называют Корею «горой Сион», а людей других национальностей «язычниками»».

Как теперь понимает Том, к весне 1980 года в его поведении и восприятии уже происходили перемены. Том вынудил нескольких своих друзей посетить конференцию, а одному из них, который отказался платить регистрационный взнос, объяснил, что эта плата — знак его «посвящения Богу» и показатель его «духовного желаяния». К концу конференции Том уже молил Бога поручить ему преподавать Библию студентам американских университетов. Все прежние мечты о докторской диссертации были отброшены как низменные, как проявление человеческой гордыни.

Обучение продолжилось, когда Ли пригласил Тома и еще нескольких американских студентов из УБС поехать вместе с ним в Корею, где он должен дать «отчет о миссии во всем мире». Зная, что корейцы не пользуются кроватями, Том самостоятельно готовился к поездке, привыкая спать на полу. Но его постигло сильное разочарование, потому что Ли со свитой останавливался в гостиницах — и все спали на кроватях. Кроме того, Тому дали задание написать историю своей жизни. На основе этой автобиографии он должен был составить текст свидетельства, с которым ему предстояло выступить в Корее.

Зная о беспорядках, происходивших в то время в Корее, родители Тома были очень обеспокоены его поездкой, но он счел все их опасения признаком маловерия. В самолете и в первый день пребывания в Корее по просьбе Ли студенты рассказывали друг другу о своей жизни, после чего Ли высказывал свое мнение о главных недостатках каждого. Потом он велел сократить ранее написанные автобиографии до шести страниц. Именно тогда Ли начал сравнивать Тома с апостолом Павлом — отсюда и одно из его прозвищ в УБС — Том-Павел.

По прибытии в Корею Ли вплотную занялся «обучением» Тома. Он поставил его во главе американской группы и побуждал обращать больше внимания на других студентов, чем на собственное свидетельство. Тем не менее ему тоже приходилось постоянно редактировать и переписывать свое свидетельство, к тому времени получившее новое название «Истинное

величие». Смысл названия Том объясняет так: «До сих пор я жил в поисках человеческого величия. Отныне я решил жить, как великий служитель Бога, как апостол Павел».

Вдобавок Ли начал вбивать клин между Томом и его родителями: он говорил, что родители хотят видеть Тома не мужем Божьим, а всего лишь послушным сыном. К концу поездки у Тома уже появилось грандиозное желание стать апостолом Павлом XXI века — конечно, с помощью УБС.

По возвращении в Иллинойс Том ежедневно совершал поездки за полторы сотни миль в Чикаго, чтобы служить своей пастве. Были летние каникулы, поэтому он жил в родительском доме и работал в компании своего отца, но все свободное время посвящал УБС и Летней конференции. Милашка настойчиво уговаривала его уйти из дома, чтобы посвятить все время служению проповедника в Чикаго, и несколько недель спустя он объявил родителям о своем отъезде. Не понимая, под каким сильным влиянием УБС находится их сын, они говорили с ним о необходимости заработать деньги на последний год учебы в университете. Когда Том ответил, что должен делать дело Господа, отец поставил перед ним ультиматум. Том собрал свои вещи и на следующий день уехал в полной уверенности, что исполняет Божью волю. Он говорил себе, что каждый служитель Бога должен быть готов к таким гонениям. Кроме того, после этой размолвки его отношения с родителями оказались разорваны. Том говорит: «С тех пор я был только служителем Бога».

После ухода из дома Том сильно переживал болезненный разрыв с родителями. В центральном офисе УБС он нашел утешение у нескольких женщин-миссионерок. По словам Тома, многие студенты УБС испытывали своего рода сыновнюю привязанность к миссионеркам — из-за того, вероятно, что организация всячески подавляла их сексуальность.

Кроме того, он почувствовал влечение к Саре, несовершеннолетней дочери Ли. С этого момента обучение Тома приобрело новый характер: «Милашка взвилась до потолка. Она снова и снова обличала меня в том, что я испытываю «греховное желание» в отношении Сары. Как только я открывал рот, чтобы возразить, на меня вновь обрушивались упреки». Согласно философии УБС, такая реакция была проявлением любви к американским студентам, погибающим от своих «плотских желаний». В конце концов Сэмюэль Ли отчитал и саму Милашку за то, что она донимала упреками Сару.

Будучи не в состоянии справиться со своими чувствами к Саре, Том мучился от ощущения своей вины, стыда и депрессии. Милашка продолжала ругать его. Он заболел. Ли начал проводить с ним «безжалостное обучение проповеди». Ему поручили подготовить к Летней конференции отрывок Мк. 8:27–38, в котором Петр исповедует Иисуса своим Спасителем. Тому приходилось множество раз писать и переписывать проповедь. Всякий раз Ли находил в ней какие-то ошибки и заставлял делать работу заново с учетом своих указаний. Том говорит: «В результате мое «я» было полностью сломлено. Через неделю такой подготовки мне казалось, что я нахожусь на самом дне глубокой ямы моих грехов и недостатков и что своей греховной жизнью я предал Бога. Никто не мог мне помочь. Все, что у меня было, — это грехи и греховные желания». Том был готов к дальнейшему «обучению».

Как правило, за три недели до начала Летней конференции подготовка к ней входила в лихорадочную стадию. Именно в это время духовное манипулирование людьми и их идеологическая обработка усиливались до предела. Ежедневно Ли собирал всех сотрудников УБС, некоторых обвинял в том, что они «являют собой сатану», и говорил, что молится о том, чтобы они умерли, если не покаются. Одних он порицал, других хвалил, собирал «миссионеров без овец» вместе для покаяния, насмехался над личными проблемами студентов. Под его руководством они громко, с восклицаниями молились и каялись, иногда эти молитвы длились часами. Правильно произнесенная публичная молитва могла быть очень действенной, даже если она не содержала в себе ничего конкретного и существенного. Ли часто молился: «Отец наш, помилуй пастыря Тома-Павла. У него нет духа». Подобные непонятные молитвы вызывали у жертвы смятение и чувство вины, в особенности «когда ты просишь Бога простить кого-то за что-то, о чем он не имеет понятия». Тому в его служении в УБС тоже предстояло пользоваться этой методикой.

Том долго не мог определиться с тем, стоит ли доводить до конца учебу в университете, но все же решил доучиться последний год. В прежние годы ему помогали родители, теперь ему пришлось подрабатывать смотрителем паркового хозяйства, чтобы заработать недостающие деньги. Для молодого человека, весившего 55 кг, это была тяжелая работа. Когда закончилась суматоха вокруг Летней конференции, Ли устроил Тому «обучение питанию» и «тренировку желудка». Это означало, что молодого человека принуждали есть гораздо больше, чем он мог физически, и «есть любую пищу, чтобы стать миссионером». Ли отпускал нелюбезные замечания по поводу разборчивости Тома в еде и призывал его «победить» себя, поглощая даже ту пищу, которая была заведомо неприемлема для его пищеварительной системы. Набрав около семи килограмм веса, Том очень мучился. «За ужином я съедал столько, что мои соседи по общежитию не верили своим глазам».

Парковое оборудование постоянно ломалось, и Том пришел к выводу, что Бог таким образом предостерегает его об опасности неверия в провидение — типичный для УБС акцент на страданиях. Бросив работу, Том обратился к родителям с просьбой помочь ему закончить учебу. Родители и пальцем не шевельнули.

Осенью, завершив «обучение питанию», Том приступил к «обучению прическе», благодаря которому он должен был приобрести якобы более приличный внешний вид. Ему сделали перманентную завивку и запретили стричься, а перед каждым богослужением завивали волосы. Том говорит: «Мои волосы стали длиннее, чем у кого-либо в нашем общежитии, не считая хиппи». Его наружность еще более изменилась, когда он начал носить костюмы (брюки, по словам Ли, непременно должны были быть с петлями для ремня — одна из его характерных и необъяснимых причуд).

Следующим было «обучение голосу», после которого голос Тома должен был стать сильнее — тем более что он все чаще председательствовал на различных собраниях. После каждого такого собрания Ли говорил Тому, что он «был не в духе», или «работал на публику», или «должен покаяться». Внутренняя борьба и смятение приводили Тома в недоумение и требовали нового «обучения».

К тому времени Том был уже на последнем курсе университета. Он отказался вернуться домой на День благодарения, поскольку считал этот праздник сугубо «человеческим», не имеющим отношения к Божьему делу. Он отказался от всех факультативных занятий, выбросил всю свою коллекцию классической и христианской музыки и большинство книг, а также продал гитару. Последняя жертва была вызвана тем, что он совсем скатился в нищету — ему нужны были деньги, чтобы выжить. Он жертвовал сообществу 20 процентов от своих доходов (по окончании учебы эта сумма возросла до 40 процентов) и еще 50 долларов на всемирную миссионерскую программу УБС. Милашке часто приходилось добавлять свои деньги к его пожертвованиям, потому что доходы Тома были ничтожны. А неуплата ежемесячного пожертвования грозила суровым обличением. Он и сам по указке Ли неоднократно кричал на студентов и стучал кулаком по столу, обличая их «недобросовестное отношение к жертвованию».

Весной 1981 года, заканчивая последний семестр своей учебы, Том вместе с Марком, одним из своих подопечных по УБС, снял квартиру. Он говорит, что сделал это из-за «гонений» со стороны сокурсников, которые к тому времени были уверены, что Том попал в секту. Кроме того, Том считал «духовную среду» общежития разлагающей.

Ли начал всячески «испытывать» Тома, чтобы выяснить, насколько он идеологически подготовлен и предан сообществу. Однажды он сказал, что Том должен бросить Северо-западный университет и отправиться в Гарвард, чтобы организовать там работу УБС. Том был готов отправиться в путь на следующий же день. Подобным образом Ли устраивал проверки и остальным студентам, оценивая их «духовное состояние». Как-то раз он велел одному миссионеру отдать Тому свою новую машину. «Испытание» Тома затянулось, и он уже почти собрался уезжать, когда Ли сказал, что удовлетворен его верностью.

По окончании университета Том навестил родителей, которые вновь затеяли разговор о его участии в УБС. Мать прямо высказала мнение, что ее сын попал в деструктивную секту, но ее слова ничего не изменили. Том остался глух к ее беспокойству и душевным страданиям. «Я

сказал ей, что не нуждаюсь в ее человеческой любви и что от человеческой любви меня с души воротит». На следующий день он вернулся в Чикаго — уже в качестве интерна УБС.

В интернатуре УБС главное внимание уделялось служению и изучению «веры». Готовясь стать лидерами, интерны должны были научиться слушаться своих руководителей и служить другим людям. Обучение обещало занять несколько лет и сопровождалось еще более жестоким духовным и психологическим насилием. Том слышал, что в Корее пастырям позволено физически наказывать интернов, чтобы выбить из них упрямство и независимый дух.

В Соединенных Штатах на еженедельных встречах американские лидеры должны были читать свои проповеди, основанные на библейских отрывках, изученных на предшествующей неделе. В качестве основы для них использовались проповеди Сэмюэля Ли. Эти чтения давали корейским лидерам возможность «оценить духовное состояние» американских коллег.

К началу Летней конференции 1981 года трудностей, с которыми Том сталкивался в интернатуре, стало еще больше. Ли ругал его за то, что он никак не может избавиться от проблем со «стабильностью жизни» и «супружеством». Истоки этих проблем понять нетрудно, если учесть, что Том жил в нищете, нерегулярно питался, а из-за неприятных воспоминаний о взаимоотношениях с Сарой боялся даже заговорить с какой-нибудь молодой женщиной. «В течение всей конференции Ли обличал меня и молился о моем покаянии. Когда я сказал ему: «Я великий грешник», — он ответил: «Нет, ты всего лишь маленький грешник»». За четыре дня Том спал всего четыре часа, и Ли пришлось продиктовать Тому текст проповеди, которую он должен был произнести на конференции. Только через две недели Том сумел оправиться от испытанных унижений.

После этого Том приступил к «обучению вождению» и «обучению человечности». Благодаря одной свадьбе, устроенной УБС (свидания до брака считаются греховным излишеством и проявлением недостаточной веры в то, что Бог заботится о твоём будущем), он стал владельцем машины и его назначили водителем чикагского филиала сообщества. Вождение давалось Тому с трудом, но ему велели «делать это во славу Божию». Кроме того, Тома обвинили в законничестве и недостаточном сострадании к людям. Ему велели «внимательно и много слушать свидетельства, читать книги и смотреть определенные фильмы». (Эти «определенные фильмы» должны были давать членам сообщества представление об обществе, о человеческой природе и т. д. К их числу относились «Бен-Гур» (просто потому, что фильм нравился Ли), «Простые люди» и «Инопланетянин» — последний якобы рассказывал об отчужденности и проблемах американских подростков.) Таким образом Том учился понимать людей, чтобы в дальнейшем манипулировать ими.

Том начал замечать, что для «обучения» своих овец он прибегает к тем же методам, которые применяли к нему самому. Он заставлял людей бодрствовать всю ночь, чтобы покаяться, бил их палкой, если они не помнили библейский отрывок, отправлял их в долгие пробежки, чтобы «восстановить их дух», и подавлял возмущение подопечных таким же образом, каким некогда подавляли его собственную способность самостоятельно мыслить. «В то время я вымещал свою неудовлетворенность на людях, которые были у меня в подчинении».

Ли задумал раз и навсегда решить «брачную проблему» Тома. Он заставил его прочесть перед всеми собравшимися на Весеннюю конференцию 1982 года проповедь под названием «Не пес, а пастырь». В тексте проповеди говорилось, что Том похож на «пса, который лает на курятник». Огласив этот текст перед сотнями людей, Том на две недели впал в оцепенение. «Мои чувства были полностью выжжены».

Двумя неделями позже Ли позволил Тому присоединиться к группе, отправлявшейся «на разведку» в университет штата Мичиган (в эту группу также входили Милашка Ри и ее муж, который какое-то время жил в Корее, а затем присоединился к Милашке в США). На новом месте не было «безопасного чикагского окружения» и сильных людей, на которых Том мог бы опереться, и он оказался в полном замешательстве. На Летней конференции в новом университете, которая задумывалась как обучение молодых лидеров и удобный случай для благовестия, было «много обличения, но мало сна», и Ли снова диктовал Тому текст выступления. Том начал подозревать, что его попросту используют.

Том устроился на постоянную работу в качестве техника по обслуживанию жилых помещений и успел поработать два месяца до начала первого семестра. Постоянное служение в университете он временно оставил. К началу Весенней конференции его жизнь приобрела более спокойное течение, но в действительности он попросту на какое-то время сбежал от мучивших его сомнений. В начале осени он опять изо всех сил пытался продолжать «служение». Тогда Сэмюэль Ли «решил, что он должен разжечь подо мной огонь». Тому передали предупреждение: «Если я не буду проводить по семь индивидуальных занятий по изучению Библии в неделю, мне придется вернуться в Чикаго для дополнительных тренировок».

Каждый день Том приглашал студентов вместе изучать Библию. Через две недели у него было уже двенадцать учеников. Более того, ему удалось завербовать трех студенток, что было очень необычно, поскольку мужчин в УБС на порядок больше, чем женщин (цель организации — готовить лидеров-мужчин). Милашке это очень не понравилось, но Том заявил, что «верой он станет отцом всех американских женщин». Сэмюэль Ли одобрил его действия.

Летняя конференция 1983 года стала для Тома очень важным событием. Ему предстояло подготовить проповедь на текст Лк. 5:1–11 о призвании первых апостолов, и Сэмюэль Ли впервые не захотел заранее проверить текст выступления. Том говорит: «Я должен был выплыть или утонуть». Конференция проходила в Канаде, и из-за неполадок с машиной и проблем с визами Том и его пассажиры опоздали почти на сутки. Ли был в ярости. Тому велели составить 60-страничную проповедь с извинениями за то, что он подвел людей, которые последний год так много за него молились. Ли сказал ему, что «самое важное для нас, Божьих служителей, — нести людям Слово Божье. Опоздание было непростительно». И добавил: «Ты должен был бросить троих иностранцев в чужой стране и добираться на перекладных, чтобы попасть на конференцию вовремя». Том работал над своим выступлением всю ночь. К счастью, Ли решил, что он сумеет высказать «самую суть и сделать это в Духе». Тому предстояло еще одно, последнее испытание.

В сентябре Ли распорядился, чтобы Том приобрел для своего служения новую машину, поскольку старая была неисправна. Ли пообещал ему 4 тыс. долларов от себя лично и еще 500 долларов от УБС. Недостающие же 4 тыс. долларов Том должен был попросить у отца, потому что «у молодого человека, такого как ты, должна быть новая машина». Естественно, родители отказали сыну, справедливо заметив, что машину должна оплатить организация. После нескольких бесплодных попыток получить у родителей деньги Тому пришла в голову мысль, что его снова испытывают. Ли сказал: «Ты очень догадлив».

Том должен был любыми способами добыть у родителей 4 тыс. долларов. Как именно он это сделает, Ли не волновало. Том серьезно призадумался: «Я начинал давить не только на своих родителей, но и на студентов из филиала УБС в Мичиганском университете. Я пользовался своим положением и Библией, чтобы заставить их принять «решение веры» и тем самым привести их в соответствие с моими представлениями о том, каким должен быть раб Божий. Я даже начал переписывать тексты их выступлений — точно так же, как Сэмюэль Ли переписывал мои. Тех студентов, которые соглашались с моими указаниями по составлению проповедей, я считал хорошими. Тех, которые не соглашались, я считал «непокорными»». Том превратился в маленькое подобие Сэмюэля Ли и ужаснулся этому.

1 апреля 1984 года, после четырехлетнего пребывания в УБС, родителям и еще несколькими обеспокоенным судьбой Тома людям удалось убедить его уйти из этой организации. Том говорит: «Я благодарю своих родителей за самую лучшую первоапрельскую шутку в моей жизни».

* * *

Склонные к духовным злоупотреблениям церкви постоянно используют страх, чувство вины и угрозы как действенные способы держать прихожан в повиновении. По-моему, руководство этих организаций сознательно культивирует нездоровые формы духовной и межличностной зависимости, уделяя особое внимание вопросам послушания, подчинения и верности. В любой тоталитарной среде должна присутствовать некоторая зависимость, чтобы от людей можно было добиться подчинения. Джерри Макдональд, который занимается изучением авторитарных религиозных движений, отмечает, что подобные организации

используют «поощрения, наказания и эмоциональные переживания, чтобы систематически отрывать своих членов от прежней системы ценностей, в том числе от их права на независимое и рациональное мышление, от их способности давать определения и оценивать, а также от их способности свободно делиться своим опытом. Эта внутренняя система ценностей заменяется на внешнюю, которая находится под полным контролем руководства».

Свидания и супружество — это одна из проблем, для решения которых многие группы, упомянутые в этой книге, прибегают к манипулированию людьми. Молодым членам Христианского служения «Маранафа» (Maranatha Christian Ministries), также известного как Христианская церковь «Маранафа» (Maranatha Christian Churches), в том числе и бывшей обладательнице титула «Мисс Америка» Дебби Тёрнер, было запрещено ходить на свидания. С тех пор как руководители церкви получили так называемое откровение о свиданиях, «Маранафа» призывает своих членов воздерживаться от свиданий и в оправдание ссылается на самые отвратительные проявления сексуальной распущенности среди студентов (в том числе христианских вузов). Вместо этого они должны сосредоточиться на служении Богу, Который в свое время даст им спутника жизни. Бывший член «Маранафы» говорит: «На практике это выглядит так: члены церкви сообщают руководству имена других членов церкви, на которых Бог указал им как на потенциальных супругов. Если руководство одобрит названные имена, вы ждете, пока Бог скажет об этом тому, другому человеку. Если Бог сообщит Свою волю этому человеку, он назовет ваше имя руководству и вы вступите в брак».

Пастор Фил Агилар тоже не позволяет свидания. Женщина, которая состояла в Христианском братстве «Set Free» с момента его создания, так рассказывает о замужестве своей дочери:

Осенью 1989 года моя дочь заинтересовалась одним молодым человеком, и Фил велел этому молодому человеку сделать моей дочери предложение. Ни одного свидания у них, конечно же, не было. Фил целиком распланировал церемонию бракосочетания и несколько раз переносил ее дату. Примерно через полтора месяца после помолвки они, наконец, поженились.

Перед свадьбой моей дочери посоветовали бросить колледж и работу. Фил сказал, что они просто хотели посмотреть, насколько послушной окажется моя дочь.

Когда мать спросила своего зятя, зачем ее дочери нужно было бросать учебу, он ответил: «...мы должны знать только то, что говорит нам пастор Фил».

Свою потребность держать все под своим контролем пастор Фил продемонстрировал и во время подготовки свадьбы собственного сына. Родители невесты говорят, что «Фил превратил красоту и радость свадьбы нашей дочери в кошмар, в личную трагедию такой величины, что пережить ее мы смогли только милостью Божьей». Фил объявил, что семья невесты не должна принимать никакого участия в подготовке свадьбы. Свое решение он объяснил тем, что земной брак — это прообраз того, как Невеста будет отдана Жениху. Таким образом, поскольку в Писании Женихом назван Христос, Глава всего сущего, в свадебной церемонии главным действующим лицом тоже должен быть жених (и, естественно, его отец).

Когда подошло время свадьбы, невесте разрешили одеться в белое, но все гости были в черном. Зал был украшен черными воздушными шариками и черной гофрированной бумагой, потому что черный — любимый цвет пастора Фили. Вся церемония проходила на парковочной площадке с черным асфальтом под ногами.

Традиционные евангельские церкви ценят и уважают индивидуальные особенности людей. Почти все они хотят видеть своих прихожан полноценными, не похожими на других, самостоятельными личностями, а не просто копиями какого-то одного человека. С другой стороны, независимым авторитарным группам, которые склонны манипулировать людьми, нравятся прихожане-клоны, и они навязывают своим последователям один и тот же стандартный образ жизни. Флэвил Йикли в своей книге «Дилемма ученичества» высказывает мысль, что подобные группы ценят единообразие, а не разнообразие. «Они переделывают своих последователей по образцу лидера группы, приводят их в соответствие с единым стандартом, со

своими представлениями об идеальной личности... В них [последователях] воспитывают чувство вины за то, что они такие, какие они есть, и ощущение своей неполноценности оттого, что они не такие, какими их хочет видеть группа».

Ф. Йикли установил, что личностные черты членов «Бостонской Церкви Христа» (Boston Church of Christ), также известной как Бостонское движение (Boston Movement), претерпевали точно такие же нездоровые изменения, какие можно наблюдать при изучении хорошо известных тоталитарных сект. «Данные... доказывают, что под влиянием групповой динамики, имеющей место в этом религиозном сообществе, его члены изменяют свои личностные особенности и приводят их в соответствие с тем, что данная группа считает нормой... Когда люди становятся христианами, Святой Дух меняет их, но не путем приведения к единому психологическому типу. Рост, происходящий под действием Святого Духа, создает Тело, в котором есть множество разных членов, которые множеством разных способов выполняют множество разных функций».

Еще один эффективный механизм управления, применяемый в авторитарных церквях, — страх: не оправдать возлагаемые на тебя надежды, потерять расположение Бога после ухода из группы, оказаться духовно несостоятельным. Один исследователь очень красочно описывает это явление: «Страх порождает невероятную ситуацию: куры жмутся друг к другу, прячась за забором от голодных волков, но позволяют ласкам охранять курятник с цыплятами».

Ким, ранее участвовавшая в студенческом служении «Маранафа», уверенно указывает на один из способов контроля, применяемых в этой группе, — ловкое использование страха перед духами обмана, «а также страха, что Бог рассердится на тебя, если ты не исправишься». Наставница, которой подчинялась Ким, определила, что ее ученица одержима «духом обмана», порождающим в ней «непокорность». Руководство приняло решение: «Мы помолимся над тобой и изгоним этого беса». Ким запротестовала: «Постойте, никакого беса нет, вам незачем молиться». «На какое-то мгновение я испугалась. Я подумала: а что если бес и вправду есть?»

Той ночью Ким несколько раз просыпалась в ужасе от мысли, что она отпала от благодати и обречена на адские муки. «В мыслях я приравнивала спасение к членству в «Маранафе», хотя к тому моменту, когда впервые услышала о «Маранафе», я уже два года была христианкой».

Ким рассказывает, как выглядел процесс «освобождения» и «внутреннего исцеления» в «Маранафе»:

Они верят, что проблема наших грехов была решена на кресте и через воскресение мы обрели свободу, однако нам еще предстоит большая чистка. Поскольку все святые пришли из мира, они всецело находятся под влиянием бесов, которые остаются в верующем до тех пор, пока их надлежащим образом не изгонят.

Как правило, наставники «различали» бесов в своих учениках или получали соответствующие откровения, когда уединялись в молитвенной комнате. Человек, который нуждался в освобождении, должен был молиться и думать о том, когда этот конкретный бес мог найти лазейку в его душе. Иногда эти воспоминания восходили к тому времени, когда он находился в материнской утробе. Возможно, в голову матери пришла какая-то греховная мысль, и бес вошел в еще не родившегося ребенка. Любопытно, что такого рода случаи обычно «вспоминал» не ученик, а его наставник.

Требовалось также признать свою вину. Для того чтобы освобождение удалось, ученик должен был исповедаться во всех грехах, которые он совершил. Исповедь обычно сопровождалась потоками слез и ощущением унижения, поскольку воспоминания зачастую были очень болезненными. Затем ученику велели каяться во всех названных грехах и отречься от беса. После этого наставник приступал к изгнанию беса.

Говоря о контроле, я уверена, что освобождение преследовало две цели. Во-первых, ученик чувствует определенную привязанность к человеку, которому исповедуется, — тот становится для него кем-то вроде родителя, которого нужно уважать и который заботится о твоих частных интересах. Во-вторых, наставник в любой момент может вытащить на свет все это грязное белье, чтобы дискредитировать ученика или надавить на его чувство вины. Именно это и произошло со мной, когда я попыталась объяснить

свою точку зрения. Моя наставница выпалила: «Мне неприятно об этом напоминать, но...» И это в комнате, полной людей! Мне сразу же захотелось забиться куда-нибудь в угол. Я о ней ничего не знала, у нее же на меня было целое досье. Так это и делается в «Маранафе». Чем крупнее овца, тем труднее ее завалить. Короче говоря, собранный компромат всегда обширнее наверху иерархической лестницы, и никогда — внизу.

В большинстве авторитарных церквей существует некая система отчетности или взаимного наблюдения, которая гарантирует, что рядовые члены соответствуют установленным нормам. В «Community Chapel» Дона Барнетта такая система действовала совершенно открыто — о ней писали в воскресных бюллетенях. «Мирские представления, вдохновляемые сатаной, толкают нас к тому, что мы оказываем человеку услугу, скрывая его грехи от того, кто в состоянии ему помочь. Помните, что мы — сторожа своим братьям. Увидев, как ваши друзья совершают серьезную ошибку, пожалуйста, окажите им услугу — расскажите об этом пастору или старейшине, чтобы можно было вовремя что-то предпринять».

Очевидная форма манипуляции — наставление или проповедь с кафедры. По словам одного бывшего участника пастырского движения (пастырским это движение называют потому, что у рядовых участников есть «пастыри», требующие от них полного подчинения и внушающие им мысль о необходимости «духовного авторитета»), «руководители знали о происходящем. Пасторы манипулировали людьми при помощи проповедей. Регулярно поднимались одни и те же темы: завет, авторитет, послушание, подчинение, служение, почитание...»

Один бывший член известной сети пастырских церквей под названием Сообщество служений и церквей Завета (Fellowship of Covenant Ministries and Churches), руководимой Чарлзом Симпсоном (братом Чарлзом, как его называют), указал мне на другой, более тонкий механизм контроля: «Время от времени руководители давали тому или иному прихожанину какие-то обещания, вроде «Совсем скоро ты женишься». Обещали это и мне. Но прошло уже пятнадцать лет, а я все еще холост. Мой пастор говорил, что некоторые мужчины могут вести за собой десять человек, меня же он видел лидером сотни человек. Это обещание тоже, по сути, не исполнилось. Он сказал: «Подожди до тридцати лет». Исполнение обещания было отсрочено до моего тридцатилетия, поэтому я с нетерпением ждал, когда мне стукнет тридцать. Но в тридцать лет я по-прежнему не был лидером».

Контроль можно осуществлять и путем ограничения контактов с родственниками и прежними друзьями. Членам церкви, которые отправляются домой, чтобы навестить друзей и родных, советуют не задерживаться в гостях надолго, потому что «ты можешь утратить видение». Тем, кто собирается вступить в христианское сообщество «Путь в Эммаус» (Emmaus Christian Fellowship) в штате Колорадо, предлагают ознакомиться с документом, разъясняющим все нюансы обета, который новые члены общины дают при крещении. «Поскольку наша жизнь тесно переплетается с жизнью других членов нашей новой семьи, она будет оказывать глубокое влияние на наших новых братьев и сестер. Мы понимаем, что любое непослушание Божьим принципам (читай: принципам этой церкви) обязательно повлияет на других. Это означает, что мы должны подчиниться Божьему порядку не только ради самих себя, но и ради других... Бог говорит нам, что никакие человеческие взаимоотношения не должны отвлекать нас от посвящения себя Его заветному Телу, потому что это разрывает внешнюю оболочку Тела, и тогда как наша собственная жизнь, так и все Тело становятся беззащитным перед инфекцией. Вместо этого, если мы хотим быть достойными звания Его учеников, мы должны быть готовыми лишиться семьи, друзей, страны и даже собственной жизни».

Члены одной ныне уже несуществующей фундаменталистской группы из Южной Калифорнии давали письменное обязательство поддерживать романтические отношения только с христианами, причем только с теми из них, кто принадлежит к этой же группе. «Я буду хранить чистоту во время свиданий и воздержусь от поцелуев до тех пор, пока мои отношения с одним и тем же человеком будут продолжаться не менее шести месяцев. Я обещаю Богу, что не остепенюсь без одобрения тех, кто наделен властью...»

Членам этой группы приходилось смиряться с необходимостью «получать предварительное одобрение уполномоченных лиц, прежде чем строить какие-то планы относительно помолвки или вступления в брак. Время помолвки или бракосочетания должно быть согласовано с уполномоченными лицами». Члены группы также давали Богу письменное обещание «пытаться ежедневно принимать витаминные пищевые добавки» и воздерживаться от «просмотра передач 40-го телевизионного канала [Ти-Би-Эн]».

ГОНЕНИЯ И ВЕРА В СОБСТВЕННУЮ УНИКАЛЬНОСТЬ

Авторитарные церкви убеждены в собственной исключительности

Летом 1988 года Барбаре Гарольд было 20 лет, она жила в городе Темпе (Аризона) и посещала медицинское училище в городе Меса. Однажды во время вечерней пробежки в парке вполне безобидная на вид супружеская пара пригласила ее на «библейскую беседу». Барбара отказалась. Женщина настаивала и предложила хотя бы вместе пообедать. Барбара была заинтригована. По-настоящему близких друзей у нее не было, и она согласилась на приглашение. Несколько недель спустя она уже регулярно встречалась для изучения Библии с тремя девушками из «Церкви Христа «Феникс-Вэлли»» (ЦХФВ; Phoenix Valley Church of Christ), принадлежащей к Бостонскому движению. Барбара была воспитана в баптистских традициях, но уже четыре года не была в церкви и как раз искала какую-нибудь группу верующих, к которой она могла бы присоединиться. Она искала друзей, которым могла бы без опаски открыть душу. В июле 1988 года она присоединилась к ЦХФВ, в ноябре того же года приняла крещение, а к июлю следующего года уже стала помогать вести библейские беседы. Покидая эту церковь в июне 1990 года, она была «совершенно опустошена, боялась оставаться одна, страдала от сильнейшей депрессии и находилась на грани самоубийства».

Пока Барбара оставалась в ЦХФВ, ее жизнь была полна событий. Каждый вечер по окончании занятий и работы в больнице был чем-то занят. По понедельникам и вторникам они с друзьями занимались евангелизацией на улице или в местном торговом центре. Среды она проводила в церкви. Четверг был днем «библейских бесед» (так назывались встречи для изучения Библии). Пятницу она посвящала работе с посетителями церкви. По субботам устраивались «вечера свиданий», куда настойчиво приглашали для совместного общения всех неженатых и незамужних членов церкви. Воскресные вечера были отданы ведущим «библейских бесед» или библейским занятиям с соседями по комнате. Столь плотный график не оставлял времени для какой-либо внецерковной деятельности.

В дополнение к этим делам, которые занимали все вечернее время, от Барбары требовалось ежедневно проводить один час наедине с Богом. Зная, что каждое утро в 6.30 она должна быть в больнице, Барбара вставала в 4.15, чтобы пообщаться с Богом. Нагрузка была так велика, что она постоянно засыпала, если рядом никого не было. В результате ее наставники (более зрелые христиане, следившие за ее духовным ростом) и женщины, вместе с которыми она изучала Библию, решили, что у нее «слабый характер» и недостаточно ревности по Боге. Эмоциональные подъемы и депрессии слились в один порочный круг.

Как правило, четыре-пять раз в неделю Барбара занималась физическими упражнениями. Наставники велели ей отказаться от этой привычки, если она не использует упражнения как предлог, чтобы делиться с другими Евангелием. Ее регулярные занятия физкультурой они сочли «чрезмерной заботой о своей персоне». Барбаре сказали: «Ты должна жить только для Царства Божьего». Поверив, что всех ее родных ждет гибель, если она не попытается их обратить (Бостонское движение было единственной «истинной церковью»), Барбара постоянно говорила с ними об их спасении. В конце концов ее родственникам и друзьям наскучили эти непрерывные беседы на духовные темы, и она поселилась в отдельной квартире вместе с четырьмя другими женщинами из ЦХФВ.

Барбаре нравилась внутренняя жизнь и бодрые проповеди ЦХФВ, но ее все время принуждали быть тем человеком, которым она не была. Барбара всегда была довольна

замкнутым человеком, и ей было трудно все время благовествовать. От нее постоянно требовали признаваться наставнику в своих грехах. Разговоры с наставником больше походили на допросы: «Со сколькими людьми ты сегодня побеседовала?» Ответы Барбары не отличались разнообразием: с одним, с двумя или ни с кем. Отсутствие у нее желания свидетельствовать истолковывалось как признак того, что в ней живет сатана, что у нее нет Христовой любви к погибающим и стимула к тому, что нужно быть больше похожей на Иисуса. В конце концов давление стало настолько сильным, что Барбара стала признаваться в выдуманных грехах, чтобы сказать хоть что-нибудь. Чувство вины не оставляло ее.

Члены ЦХФВ часто сравнивали свои «библейские беседы» с аналогичными программами других студенческих служений и высказывались по поводу того, какой сексуальной распушенностью отличаются другие христианские группы. На свидания члены церкви ходили не поодиночке, а всегда группами от четырех до восьми человек. «Сестры» не должны были оставаться наедине с «братьями» дольше пятнадцати минут. Члены церкви просили разрешения, чтобы пригласить кого-то на свидание, а по возвращении наставники изводили их допросами о похотливых мыслях во время свидания. Если между двумя членами церкви возникали серьезные отношения, им разрешалось держаться за руки и чмокать друг друга в щеку. Какие-либо встречи наедине исключались. Большое внимание уделяли тому, чтобы женить всех братьев, потому что «нехорошо быть человеку одному...» (Быт. 2:18). Соответственно, субботними вечерами незамужние сестры не могли даже мечтать о том, чтобы побыть в одиночестве.

Члены церкви бросали очень хорошую работу, чтобы полностью посвятить себя «служению» — это было признаком их преданности Богу. Супружеским парам наставники указывали, когда и как заниматься сексом, из-за чего одна из лучших подруг Барбары вместе с мужем покинула церковь. Наставники требовали, чтобы им рассказывали буквально о каждом грехе и даже о нехороших мыслях. Если вы копили в сердце плохие чувства, то есть не рассказывали о них, вы жили в грехе. Естественно, это приводило к новым грехам, потому что уже возник «горький корень».

Последний вечер Барбары в ЦХФВ был ознаменован тем, что члены ее группы по изучению Библии сделали ей строгий выговор и устроили суровый допрос по поводу нехороших чувств, которые она якобы копила в себе. Группа не имела успеха (не росла количественно) — несомненно, по ее вине. Какие нехорошие чувства и мысли она носит в себе? Почему она должным образом не проводит время наедине с Господом? Скольким людям в день она на самом деле рассказывает о Боге? Один за другим все участники группы высказывались о том, в чем заключаются ее грехи, но все они говорили, что поддерживают и любят ее и хотят видеть, как она духовно растет.

В тот же вечер Барбара попросила разрешения вернуться к родителям. «Это было самое трудное решение в моей жизни», — сказала она. Она была эмоционально неустойчива и не могла разобраться в своих чувствах, ведь она уже привыкла к тому, что кто-то другой всегда говорил ей, какие чувства неправильны и исходят от сатаны. Она все острее чувствовала свою вину, тем более что члены церкви стали звонить ей, спрашивая: «Как ты позволила сатане настолько отягчить твое сердце, чтобы так поступить с друзьями?» Ей напоминали о том, что человеческое сердце «крайне лукаво».

Барбара позвонила одной из своих давних учениц, которую церковь «поставила на замечание» (т. е. объявила лишенной общения) за то, что она вышла замуж не за того человека. Разговаривать с бывшими членами церкви было запрещено, потому что они «постараются утащить вас за собой», но Барбаре стало легче оттого, что она могла с кем-то поговорить. Выговорившись, Барбара трезво взглянула на происходящее и утвердилась в решимости уйти навсегда. Иногда ей по-прежнему казалось, что она покидает «истинную церковь», отворачивается от Бога и направляется напрямиком в ад, но Барбара уже знала, что «безусловная любовь», которую проповедуют церкви, входящие в Бостонское движение, становится очень «условной», когда речь заходит об их бывших членах.

На следующее утро Барбара вернулась на свою прежнюю квартиру, чтобы забрать свои вещи. Она не обращала внимания на «бомбардировку любовью» со стороны подруг и

наставников, которые приглашали ее на различные мероприятия, напоминали о проведенных вместе приятных минутах и осыпали ее словами поддержки и одобрения. Каким-то чудом она нашла в себе силы и мужество вырваться из-под власти и контроля того окружения, в котором оказалась, и вернулась домой, к родителям. В ЦХФВ, принадлежащей Бостонскому движению, она провела два года.

Барбара беспокоится за друзей, которые по-прежнему остаются в этой церкви. Называя Бостонское движение деструктивным и пытаясь предостеречь своих друзей, она понимает, что его члены назовут это богохульством. Но она понимает, что все, с чем ей пришлось столкнуться — тяжелейшая депрессия со сном по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки, попытки самоубийства, в отсутствие малейшей надежды на будущее, нельзя назвать плодами служения, построенного на Христовом Евангелии благодати. Если кто-то думает, что ее и других людей в это движение привел Бог, то спас и вывел ее оттуда уж точно не сатана. Барбара надеется на то, что и другим участникам Бостонского движения достанет сил и мужества усомниться в правильности своих убеждений, что они спросят себя, действительно ли Бог благословляет их служение и на самом ли деле они принадлежат к единственной «истинной церкви» на земле.

Барбара знает, что однажды она снова начнет искать Бога и захочет знать истину. Она верит, что Бог Сам приведет ее в нужную церковь. Но сейчас раны, нанесенные ей ЦХФВ, еще слишком свежи, и она не готова присоединиться к какой бы то ни было церкви. После двенадцати недель общения с психологом Барбара только начинает самостоятельно принимать самые простые решения и жить нормальной жизнью.

* * *

Бостонское движение, ранее известное как «Перекресток» (Crossroads Movement) и «Умножающиеся служения» (Multiplying Ministries), было основано Чаком Лукасом, пастором «Церкви Христа «Перекресток»» (Crossroads Church of Christ) в городе Гейнсвилле (Флорида). Лукас придавал большое значение личной подготовке учеников, что было характерной чертой философии «пастырства», столь популярной в 70-е годы. Один из принципов этой философии гласил, что каждый верующий должен иметь свой «покров» в Господе, своего уполномоченного наставника, которому он должен безоговорочно подчиняться и с которым он должен советоваться даже в самых личных вопросах. В 1979 году один из учеников Лукаса, Кип Маккин, стал пастором небольшой «Церкви Христа» (Church of Christ) в городе Лексингтоне (Массачусетс), и вскоре приход, в котором не было и сотни человек, превратился в процветающую общину, снимающую для своих воскресных богослужений центральный бейсбольный стадион Бостона. Благодаря руководству этого молодого проповедника «Бостонская Церковь Христа» стала, по меткому выражению газетчиков, «Иерусалимом» одного из самых скандально известных авторитарных движений, о которых идет речь в настоящей книге.

В отличие от традиционных Церквей Христа (которые дистанцировались от своей стремительно растущей побочной ветви), все церкви, принадлежащие к Бостонскому движению, подчиняются своей материнской церкви в Бостоне. К числу богословских моментов, вызвавших наибольшие возражения, относятся вопросы власти, ученичества, крещения, автономии поместных церквей и роли лидеров, в особенности самого Кипа Маккина.

Ключевую роль в вероучении Бостонского движения играет вопрос о власти. Руководство движения оправдывает злоупотребление властью, если это делается ради следования за Иисусом. Они требуют подчинения даже тогда, когда лидеры живут во грехе и не подобны Христу ни в чем. Вот несколько высказываний лидеров Бостонского движения, которые отражают эту точку зрения:

Мы часто боимся подчиняться власти, потому что она может быть жестокой. Иисус не боялся жестокой власти — более того, Он с готовностью подчинялся и покорялся жестокой власти (Флп. 2:6–11; Мф. 27:11–50)... Если мы верим в Бога, нам незачем бояться жестокости властей. Как и в новозаветные времена, всегда будут люди, которым жестокая власть приносит страдания и смерть, но Бог по-прежнему держит

все в Своих руках. Если в Его глазах эти люди правы, они непременно спасутся и обретут высшую безопасность — водворятся у Господа... Восставать против их власти никто не вправе... Народ Божий должен знать, что на нем пред Богом лежит ответственность уважать и слушаться Его помазанных рабов и подчиняться им... Слишком многие в Церкви Христовой повторили слова Корея и других вождей Израилевых, сказавших Моисею: «Полно вам; все общество, все святы, и среди них Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня?» <...> Да, все христиане, которые ходят пред Богом, святы, и Бог действительно пребывает с каждым из них. Но верно и то, что Его духом на некоторых мужчин возложена ответственность быть первыми в Царстве и что противиться им — значит противиться помазанному их Богу.

Бостонское движение учит, что каждый член церкви (ученик), если он взялся обучать новообращенных христиан, должен быть подотчетен другому ученику. Членов церкви призывают доверять и подражать своим наставникам.

Ученик — это тот, кто слушается своего наставника, даже не понимая того, что ему велят. Поскольку он хочет, чтобы его сердце было открыто для наставления, он будет послушен во всем и совершенно покорен, даже если то, что его просят сделать, противоречит тому, что бы он сделал или подумал в обычной ситуации. Не доверять человеку, которого Бог привел в его жизнь, — все равно что не доверять Богу, и вера в своего наставника показывает, насколько глубока вера в Бога.

В 1987 году Кип Маккин произнес проповедь под названием «Почему вы противитесь Духу?», в которой сказал: «Никто не в силах расти в одиночку. Каждый нуждается в непрерывном ученичестве. Вы остаетесь учеником Господа до самой смерти, и вы остаетесь еще чьим-то учеником до самой смерти».

Бостонское движение требует, чтобы человек был «крещен во Христа как Господа». Другими словами, прежде чем креститься, человек должен исповедать Иисуса Господом каждой области своей жизни и показать, что он является учеником. Результатом этого стало поголовное перекрещивание, поскольку вновь приходящие в церковь люди, даже если их крестили в другой христианской церкви, узнавали, что это предыдущее крещение недействительно. Оказалось, что даже выходцы из традиционных Церквей Христа нуждаются в повторном крещении.

Бостонское движение — прекрасный пример церкви, претендующей на свою исключительность. Подобные претензии весьма распространены в авторитарных религиозных движениях. Оно одно обладает Истиной, и любые сомнения в ее богословии и традициях предосудительны. Как отмечает Джерри Джонс, «когда Бостонскому движению указывают на ошибки в его учении, оно, как правило, обрушивается с нападками на репутацию и образ жизни своего критика, заявляя, что «в его жизни есть грех». В ответах на обвинения присутствуют такие фразы, как «гордец», «независимый дух» и «смутьян». Бостонское движение полагает, что «независимость» или «критическое отношение» — грех».

После изучения Бостонского движения Ф. Йикли пришел к выводу, что отношения между учеником и наставником основаны на манипулировании и потенциально деструктивны. В своих грехах члены движения обязаны признаваться наставнику, однако большое внимание, уделяемое саморазоблачению, может оказаться опасным. «Таким образом, ученическая иерархия превращается в облагороженную сеть осведомителей. В этом качестве она представляет собой эффективное орудие контроля... Ученикам указывают, какие предметы изучать в университете, в какой области специализироваться, какую карьеру избрать, с кем следует или не следует встречаться и даже на ком следует или не следует жениться».

Представления о собственной духовной уникальности проскальзывают даже в том, как называют себя авторитарные церкви: «Зеленые береты Бога» (God's Green Berets), «Божья армия последнего времени» (God's End-Time Army), «верный остаток», особое «действие Божье». Как говорит один бывший член такой церкви, «мы верили, что находимся в эпицентре

того, что Бог делает в этом мире. На людей, покинувших наше движение, я смотрел свысока: они не обладали нужными качествами, не были верны своим обещаниям. Когда все остальные научатся идти согласно Божьим намерениям, они будут вовлечены в процесс пастырства так же, как и мы». Бывший член церкви под названием «Ассамблея» (The Assembly) (ее центральный офис находится в городе Фуллертоне (Калифорния), и ниже мы поговорим о ней более подробно) сказал: «Хотя мы и не говорили об этом прямо и открыто, в глубине души мы полагали, что ничего подобного нашему собранию в мире нет. Мы думали, что все остальное христианство не занимается делом».

Доналд Барнетт, пастор «Community Chapel», регулярно напоминал своим приверженцам, что их церковь — единственная в своем роде: «Мы должны и далее принимать то, что Бог обещал в Своем Слове и чего еще никогда не было ни у одной церкви... Знаете ли вы какую-нибудь другую церковь, в которой люди любят друг друга такой же безусловной любовью? Я — нет».

Если авторитарные церкви уникальны и особым образом благословлены, они, естественно, становятся объектом гонений — по крайней мере так, по-видимому, считают их руководители. «Если Бог что-то обещал и мы начинаем видеть это в своей жизни, сатана непременно будет сопротивляться тому, чтобы это произошло, — таков отличительный признак церкви последних дней».

Пастор Барнетт говорил своей пастве: «Вы станете посмешищем. Вы увидите, что вас ненавидят, и эта ненависть будет исходить от церковного мира. Вы овцы среди волков, и это религиозные волки, церковный мир».

Лидер одной сомнительной организации под названием Служба подготовки миссионеров наступательного христианства (Aggressive Christianity Missions Training Corps) сетовал: «Церкви полны грешников. Мы не хотим лицемерить. Ты пытаешься быть требовательным и держать людей в чистоте — и все тебя распинают. Мы требовательны и не будем за это извиняться. Если нас распнут, так тому и быть».

Джен была членом церкви и считала, что критики, в том числе журналисты, несправедливо ее преследуют. Вот что Джен рассказывает о своей жизни с «Миротворцами» («The Piecemakers») — маленькой христианской коммуной в Южной Калифорнии.

Однажды терпение Джен лопнуло. Одиннадцать лет смятенных чувств, скрытого гнева и душевных мук внезапно выплеснулись наружу. Она схватила свою сумочку и пакеты с покупками и стала колотить своих мучителей — двух «сестер» из «Братства Тела Христова» (БТХ; Body of Christ Fellowship), как неофициально называют себя «Миротворцы». Они «с любовью» принуждали Джен покаяться, выкрикивая в ее адрес непристойности и пытаясь вновь вернуть ее к повиновению словам и учению их неофициального вождя Мари Коласиньской. Хотя «сестра», державшая Джен за руки, была в два раза крупнее ее, Джен сумела вырваться, добежать до своей комнаты и запереться в ней. Позже, когда к ней присоединился муж, она сказала: «Марк, ты должен вытащить нас и детей отсюда, подальше от этих людей».

На следующее утро Джен настояла на том, чтобы шесть взрослых жильцов ее дома собрались и обсудили, кому из них придется съехать. Две «сестры» хотели отложить решение на завтра, когда Мари вернется из отпуска, который она проводила с семьей в горах. Джен ответила, что она «не дура», и стояла на своем. «Сестры» заявили, что они никуда не уедут, и «объявили эту землю собственностью Бога». К «сестрам» присоединилась родная сестра Джен и ее свекровь. Но у Джен, на чье имя была оформлена аренда, на этот счет было другое мнение.

В тот же день двадцать членов БТХ пришли, чтобы помочь женщинам с переездом. Попутно они забрали с собой все, что сочли купленным на «Божьи деньги» — в том числе постельное белье и держатели для туалетной бумаги, сорвав их со стен вместе с крючками и шурупами. Дом Джен был полностью обчищен. Марка, к сожалению, в тот момент не было дома.

Позже, уже вечером, пятеро «братьев» вернулись в дом и потребовали «Божью кровать» — детскую кроватку, в которой спала младшая дочь Джен. Пытаясь спасти от разгрома детскую комнату, Джен хотела сама принести кроватку. Ее родной брат, тоже член БТХ, отпихнул

сестру в сторону, и мужчины стали подниматься по лестнице. Джен с мольбой вцепилась в руку брата, но он ударил ее и сбил с ног. Родственнице Джен, которая пришла, чтобы помочь ей навести порядок, выкручивали руки, пока она не закричала, а потом велели «убираться с Божьего пути». Тринадцатилетний сын Джен, старший из ее шестерых детей, сбегал на кухню, схватил нож для разделки мяса и бросился вверх по лестнице, чтобы защитить мать. Посреди этой суматохи мужчины забрали кровать и ушли.

Когда Марк вернулся домой, Джен попросила детей не рассказывать ему, как грубо с ней обошлись, но они все равно обо всем рассказали отцу. В ответ Марк обнял всех шестерых и сказал: «Неважно. Мы потеряли только вещи. Но у меня есть то, о чем я молился. Моя семья теперь свободна».

Эта трагическая история, которую Джен со слезами на глазах рассказывала мне через месяц после ухода из БТХ, показывает, какие раны наносят людям даже самые маленькие авторитарные группы. БТХ расположено в городе Коста-Меса (Калифорния). Неофициально группу возглавляет пожилая женщина Мари Коласиньска, которая тем не менее отказывается от титула вождя: «Бог поразил бы меня, если бы я приписала себе Его чудесные деяния». Уникальность братству придают некоторые непристойные и богохульные черты — взять, к примеру, распоряжение Мари о том, чтобы всем членам группы мужского пола была сделана вазектомия, или учение о том, что второе пришествие Христа «уже наступило и прошло».

Джен и ее семья состояли в БТХ одиннадцать лет. Большая часть ее детей родилась, когда она уже примкнула к организации, решив, что члены братства ведут «лучшую христианскую жизнь». Джен думала, что эти люди «ходят в полноте жизни» и обретают большую близость к Иисусу, чем это возможно для членов любых других организаций или церквей. С Мари (никак иначе ее не величают) ее познакомил их общий друг. Никогда прежде они не встречались, но Мари сказала: «О Джен, сними свою обувь, ибо ты стоишь на святой земле».

Поначалу братство практиковало исцеления и говорение на «иных» (неземных) языках, а также проводило крещения в местном плавательном бассейне. Но в какой-то момент последователи Мари стали превращаться из харизматической группы по изучению Библии в авторитарную коммуну со строгими правилами жизни. Изменения происходили постепенно, по мере того как Мари начинала проповедовать учения, идущие вразрез с Библией.

По словам самих членов БТХ, они вели мирную общинную жизнь (им принадлежит несколько домов в окрестностях города Коста-Меса), но их учения и обычаи с годами стали разительно отличаться от христианской ортодоксии. Мари убеждена, что она «прошла сквозь завесу», т. е. умерла плотью в 1978 году, и что сейчас ее жизнь безгрешна и совершенна. По праву единственного человека, «ходящего в полноте жизни», она жестко регламентирует каждую сторону жизни своих последователей, чтобы и они однажды могли разделить с ней эту славу. Таким образом, утверждения Мари не подлежат сомнению и она обладает абсолютной властью. «Если вы сидите в этой комнате и сомневаетесь, исходят ли мои слова от Отца, лучше проверьте, исполняете ли вы волю Божью». Она продолжает: «Я всегда поражалась людям, которые слышат истину о том, что происходит в этом братстве, и отвергают ее».

Будучи единственной, кто достиг состояния безгрешного совершенства, Мари стала для своих последователей «гласом Божиим». Любые сомнения в ее решениях или возражения ей объясняются тем, что в ее последователях бунтует изначальная греховная природа, и считаются признаком их несовершенства. Последователи Мари без малейших колебаний подчиняются «словам», которые она получает от Бога. Известны случаи, когда во исполнение этих «слов» члены общины отказывались от обручальных колец, оставляли детей, переезжали в другие штаты. Говорят, что в соответствии со «словами», полученными Мари, ее последователи должны были поддерживать деньгами разваливающееся деловое предприятие ее мужа и не должны были стричь друг друга (после того как саму Мари однажды неудачно постригли).

Исходя из философии Мари, приблизиться к Богу можно лишь через страдания. Это подразумевает мучительный и болезненный отказ от всего, чем ты жил раньше, — от взаимоотношений с родственниками; от личных вещей, с которыми связаны какие-то воспоминания; от способности распоряжаться собственной жизнью и принимать самостоятельные решения. Чем сильнее сокрушены последователи этого учения, тем ближе они

к тому, чтобы «войти в Бога». Таким образом, систематическому поруганию подвергаются все без исключения стороны частной и внутренней жизни членов группы.

Один из помощников Мари дал понять, что члены братства переживают так много эмоциональных и духовных мучений потому, что избавляться от всех житейских удовольствий ради служения Богу — очень болезненный процесс. Одна местная газета процитировала слова Джеки Киндши, подруги детства Мари и бывшего члена братства: «Мари убеждена, и остальные с ней согласны, что, взявшись за какого-то человека и ломая его сопротивление, мы помогаем ему приблизиться к Богу. Она действительно верит в правильность своих поступков... Когда я оглядываю свою квартиру и вижу все, из чего я «делаю идола», в том числе моих детей и внуков, мои памятные сувениры и нажитое мною добро, все то, чего, по словам Мари, у нас не должно быть, я говорю: «Аллилуйя!»

Происходящее очень беспокоило брата Мари и его жену. «У Мари долгое время были проблемы с наркотиками, впоследствии она встала во главе этой церкви». Они посетили несколько собраний братства, но решили, что эта группа не для них. «Все противоречит Писанию — она извращает его, чтобы приспособить к своим целям. Она держит этих людей в заложниках и пугает их Богом».

Сейчас Мари уверенно говорит, что она «держит ключи от Царства» и наделена властью решать, кто получит, а кто не получит возможность попасть на небеса. По словам Джен, Мари безраздельно подчиняет себе людей, и у членов общины нет ни малейшего шанса выстоять против нее. В «полноте» нет правильного или неправильного, добра или зла, поэтому все, что делает и говорит Мари, совершенно.

«Смерть для плоти» позволяет Иисусу Христу родиться в обладающем полнотой человеке (в этом, по мнению Марии, и заключается смысл второго пришествия), поэтому люди, проходящие «сквозь завесу», уже не должны жить «плотской» жизнью. Члены БТХ воздерживаются от половых отношений с супругами, поскольку в Царстве Божьем нет ни мужчины, ни женщины, ни супружества. «Духовный человек должен избавиться от всех своих привычек, чтобы достичь Бога. Чтобы нам открылся вход в Царство Божие, плоть должна умереть. Я живу в безбрачии, я уже не рабыня мужчин и похоти. Теперь в моих мыслях только Бог».

Зачатие и рождение детей считается в БТХ суровым испытанием. Мари считает, что человек произошел от животных в результате эволюции, поэтому рождение детей — «это воспроизводство по образу своей похотливой плоти». Следовательно, дети мешают Богу — лучше иметь «духовных детей». Стоит ли говорить, что дети в БТХ не живут нормальной жизнью? Как правило, их разлучают с родителями. Мари утверждает, что Сам Бог «пытается уничтожить понятие семьи».

Посвятив себя Богу, члены общины каждое утро встают в четверть шестого. В половине шестого они собираются вместе и проделывают путь длиной в три километра, чтобы в доме Мари выслушать ее ежедневное наставление. Большинству из них поручено какое-то дело либо в общине «Миротворцев», либо в принадлежащей церкви компании «Village Tilers», которая занимается ремонтом домов. Остальные присматривают за детьми. Заработная плата составляет десять долларов в неделю, свободного времени нет. Джен говорит: «Ты должна была отчитываться за каждую минуту дня. Если тебя куда-то посылали, ты шла туда, и никто не спорил».

В течение дня проходили собрания, на которых все приобретали знания о Боге и выслушивали брань в адрес сбившихся с пути членов группы. Эти собрания могли тянуться часами, женщин называли потаскухами, шлюхами, а мужчин — ничтожными слабаками. Все это сопровождалось непристойными высказываниями, которые, как полагает один психолог, должны были нейтрализовать в людях предыдущее религиозное воспитание и сделать их еще более подверженными влиянию Мари.

Тех, кто якобы посягал на авторитет Мари, всей общиной подвергали особенно жестоким унижениям. «Они наносят удар в спину, когда ты совершенно к этому не готов. Все обступают тебя, кричат и изливают на тебя потоки похабной брани до тех пор, пока ты не сломаешься», — рассказывает один бывший член общины. Говорят, что некоторых даже избивали. Мари же

утверждает, что только своей крепостью, послушанием Слову Божьему и покорностью ее власти члены группы смогут одержать победу и добиться успеха. Под успехом понимают возвращение всего, от чего тебе пришлось отказаться, чтобы «пройти сквозь завесу».

Любопытно, что муж Мари, Рэй, — католик и не принадлежит к БТХ. По словам Джен, проповедуя отказ от супружества, Мари остается для Рэя послушной женой, готовит ему еду, ведет хозяйство и даже вместе с ним ходит к мессе. Джен также рассказывает, что в тот момент, когда Мари получила откровение о необходимости общинной жизни и обобществления денежных средств, Рэю нужны были деньги, чтобы заплатить налоги. Помимо всего прочего, из общего фонда покрывалась и задолженность Рэя по налогам.

Чаша терпения Джен переполнилась, когда она увидела, как ее родная сестра и еще одна женщина отвратительным, непристойным образом ругали ее мать. За что? За то, что она хотела сделать внукам подарки на Рождество. Джен подумала: «Религия такой быть не может. Иисус не может этого желать. На кресте Он умер не за это». Вскоре произошла описанная выше ссора с соседями, и через несколько дней Джен и ее семья обрели свободу.

Мари говорит, что Джен ушла потому, что ей не хватило сил «ходить в Боге». Джен было сказано, что она «станет потаскухой, алкоголичкой и наркоманкой», что она «через шесть недель свихнется, как и ее мамаша», и что ее муж будет «гоняться за каждой юбкой».

Чтобы избежать постоянных угроз и оскорблений со стороны членов братства и самой Мари, Джен и ее семье пришлось сменить место жительства. Они уже более шести лет не имеют дела с Мари Коласиньской и БТХ, но душевная боль и смятение лишь теперь понемногу начинают утихать. Она по-прежнему чувствует вину за то, что убедила прийти в братство четверых своих братьев и сестер. Лишь совсем недавно она вновь ощутила потребность в Боге и лишь совсем недавно они с семьей вновь пошли в церковь. Но они свободны.

ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЛИЧНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Авторитарные церкви диктуют своим приверженцам строгие правила жизни

Том и Пэм Мюррей по-прежнему находятся в поисках Бога и истины после семи лет, проведенных в религиозной группе, именуемой «Безымянным сообществом» (No-Name Fellowship) или служением «Шампейн-Урбана» (Champaign-Urbana Ministries). Так пресса называет эту группу христиан, которые считали себя всего лишь «частью Тела Христова, а потому не думали, что группа нуждается в каком-то названии». Том говорит, что даже сейчас, через два года после ухода из группы, он все еще «пытается разобраться в пережитом, понять, что было хорошо, а что плохо, пытается сохранить и сберечь полезное и избавиться от лишнего». Он уверен только в одном: искренность не гарантирует, что Бог будет всегда доволен твоими поступками.

В начале это была группа по изучению Библии, созданная несколькими студентами, которые считали традиционные церкви плохим и невпечатляющим примером христианства. Со временем эта группа выросла в жестко структурированную организацию, руководство которой было сосредоточено в руках одного-единственного человека. Подобно многим авторитарным группам, «Безымянное сообщество» состояло из белых молодых людей, выходцев из среднего класса в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, интеллектуально развитых, хорошо образованных и весьма идеалистичных.

По всем признакам, за исключением официального титула, главным старейшиной группы был Дуг Клебер. Считалось, что ему дано от Бога «более великое призвание», чем остальным старейшинам, а посему в своей повседневной жизни члены группы руководствовались «откровением», которое получил Дуг, а также другими «откровениями», дополнявшими и развивавшими начальное «откровение». Эти внебиблейские «откровения» указывали, как следует питаться, одеваться, воспитывать детей, украшать дом и вести себя на супружеском ложе. Члены группы любили Господа и искренне стремились знать и выполнять Его волю, а потому подчинялись духовному авторитету, который Клебер себе присвоил, хотя время от

времени Пэм видела, что он не прав. Со временем она убедила себя в том, что сама «всегда была не права».

Клебер с юности отличался властным характером. Рассказывали, что однажды над ним было произнесено пророчество, в котором говорилось, что Бог призовет его вести за собой людей. Том никогда не считал и сейчас не считает, что Клебер сознательно стремился подчинять себе людей и контролировать их. «Я до сих пор верю, что в душе этого человека не было сознательного намерения использовать нас ради собственной финансовой выгоды или психологической компенсации».

Пэм чувствовала, что в общине есть какие-то проблемы, но не могла конкретно на них указать. «Мне было приятно оттого, что моя жизнь получила новое направление, что я стала женой и матерью. Я чувствовала такую любовь со стороны «братьев»! Мы все вместе участвовали в жизни общины. Я не верю, что вся вина за проблемы общины лежит на руководителе».

Как и многие подобные группы, община, к которой принадлежали Том и Пэм, пыталась следовать примеру «Церкви I века». В общине считали, что традиционная Церковь «запятнана миром». «Многие из нас, горевшие для Бога, с легкостью отмежевались от других церквей, других христиан, от семей и друзей из-за того, что творилось в традиционных церквях».

Пэм и Том высказали очень важную мысль: «Если бы сегодня мир не испытывал недостатка в организованной церковной жизни, мы, вероятно, не столкнулись бы с негативной реакцией тысяч благонамеренных молодых христиан». Вследствие этой негативной реакции члены «Безымянного сообщества» убедили себя в том, что они — единственная преданная и чистая группа верующих. Они разуверились практически во всех христианах и с презрением полагали, что большинство людей — безнравственные или заблуждающиеся лицемеры, которым уготовано вечное проклятие. «Мы пали жертвами усердия, не подкрепленного знанием». Сегодня Том уже более разумно подходит к исполнению библейского принципа отделения от мира. «Церковь может верить в собственную исключительность, если эта вера сопровождается мудростью и чуткостью».

Оглядываясь на прожитые годы, Пэм с трудом верит, что она воспринимала как комплимент слова: «Тебе промыли мозги». «Иметь чистый ум для нас было благословением. Но настал момент, когда я уже не могла принимать самостоятельные решения. Даже время отпуска мы должны были согласовывать с руководством. И вы не осмелились бы уехать в отпуск без Божьего благословения. Мы приглашали старейшин, чтобы они одобрили дом, в который мы собирались переехать». Теперь Пэм понимает, что «попытки заставить тридцать пять домохозяек одинаково прибираться в доме и одинаково одеваться не оставляют им ни малейшей возможности для проявления личных вкусов», которые придают разнообразие христианской Церкви. Она также понимает, что насильственный разрыв почти всех отношений с семьей и друзьями вне пределов общины — это не Божий способ «отделить себя от грязи мира».

Когда родные и близкие стали возражать против изоляционистской политики сообщества, члены группы пришли к выводу, что «мир точит на них зуб». «Родители похищали своих детей, чтобы депрограммировать их, что, в свою очередь, подогревало интерес прессы и местных властей, но эти обстоятельства в конечном итоге лишь укрепили нас в нашей убежденности. Никто не сомневался в том, что это нормальный порядок вещей, с которым предстоит столкнуться церкви последнего времени». С точки зрения членов группы, критики их «просто не понимали». Члены сообщества считали, что «никто не может полностью понять происходящее, пока лично не придет к нам и не увидит, как мы живем». А возможности увидеть настоящую жизнь общины, конечно же, не имел никто.

По мере того как Клебер получал все новые и новые «откровения», жизнь сообщества становилась все более суровой и трудной. Контроль со стороны руководства распространялся на самые разные сферы жизни: манеру одеваться, питание, методы работы, изучение Библии, молитву, пост, досуг и даже решение завести детей. «В нашей жизни не осталось ни одной стороны, куда бы каким-то образом не проникло око Клебера». Том вспоминает: «Казалось бы, слова о благодати, которыми изобилует Новый Завет, должны были повлиять на наше

отношение к этим строгостям». Однако поток «откровений» был так велик, что у среднего члена общины просто не было времени внимательно изучить Библию и понять, проповедуют ли ему Божью истину во всей полноте. Более того, Пэм говорит: «Я жила в страхе перед наказанием, тогда как Писание учит нас с любовью его принимать». К тому же многие правила и предписания руководства сообщества никогда не принимали форму заповеди. Все просто по опыту знали, что такое правило есть, и за его нарушение полагается наказание.

С учетом непомерного количества «откровений», якобы получаемых Клебером, «обыкновенно ты сначала принимаешь все на веру, а потом надеешься, что у тебя найдется время с молитвой изучить Слово и найти подтверждение или опровержение того, о чем идет речь». Термин «учение откровения», который был в ходу среди членов сообщества, обозначал не особое, глубокое пророческое слово, а накопленное духовное знание и понимание Библии, якобы полученное под руководством Святого Духа. Подчас это «учение» представляло собой лишь попытку пастора привязать Писание к повседневной жизни. Последователи Клебера считали, что смысл Писания нельзя постичь путем размышления над прочитанным и его окончательное постижение приходит в откровении от Святого Духа. Например, пророчество о том, что женщины не должны носить джинсы, прозвучало отнюдь не внезапно — ему предшествовало «учение откровения», постепенно подготовившее прихожан к указаниям, которые посторонние могли бы счесть весьма странными.

Жизнь общины все больше основывалась на личном опыте, а не на библейских предписаниях. Совесть обрела зримое и осязаемое воплощение в лице Клебера и других старейшин. При этом рядовых членов учили не доверять чувствам, интуиции и эмоциям, чтобы не оказаться «живущими по плоти». «Мы заглушали в себе голос Бога, принимая обычные проявления здравого смысла за «пробуждение плоти»». Том предполагает, что «именно из-за этого учения многие из нас утратили способность повиноваться «инстинктивному чувству» опасности. Мы множество раз заглушали в себе голос совести из желания жить по духу». Для Пэм, которая до вступления в сообщество вела активную молитвенную жизнь, «Бог превратился в недостижимого духа. Я словно играла в игру, в которой невозможно выиграть». У нее пропало всякое желание рассказывать другим об Иисусе.

Если кому-то из членов группы казалось, что ему есть о чем поспорить с Клебером и его «откровениями», у него быстро находилась причина держать язык за зубами. Пэм знала, что даже если бы она встала и сказала: «Это безумие!» или «Я не согласна!», ее наказали бы за то, что она сеет раздор и противится власти.

Женщины служения «Шампейн-Урбана» всецело находились в подчинении у мужчин. Им не позволяли занимать руководящие посты и принимать ответственные решения, а равно и заниматься какой-либо работой вне дома. Пэм говорит: «Дошло до того, что я не позволяла себе высказывать свое мнение, зная, что обсуждать эти вопросы — пустая трата времени. Мне не одержать верх в споре». Том придерживается более умеренного мнения о том, как община подавляла разногласия: «По большинству вопросов серьезных разногласий почти не было, но если они возникали, то без угрозы подорвать устои сообщества. Более того, споры довольно часто вспыхивали во время собраний, но их, как правило, разрешали, прибегая к Писанию».

Очень может быть, что Писанием действительно пользовались, чтобы положить конец разногласиям, но Пэм и другие бывшие члены группы рассказывают, что в порядке вещей были вопиющие, унижительные наказания. Взрослых людей наказывали физически (ладонью, ремнем, деревянной лопаткой и другими предметами); поили соленой водой; женщинам за то, что они непочтительно разговаривали с мужьями, наливали в рот жидкого мыла; чтобы вымолить у кого-то прощение, нужно было в буквальном смысле валяться у него в ногах. Пэм помнит одно женское молитвенное собрание, на котором женщину заставили снять платье, чтобы та стала «более уязвимой».

Страх, чувство вины и угрозы — всему этому в процессе наказания отводилась своя роль. Страх перед наказанием свыше гарантировал соблюдение правил, установленных общиной. Внутреннего психологического и духовного давления группы, как правило, хватало для получения желаемых результатов. Но достаточно часто для того, чтобы помочь нарушителю дисциплины исправиться, прибегали к публичному словесному и даже физическому унижению.

Том добавляет: «Многие, хотя и не все, эти меры дисциплинарного воздействия принимались на виду у всего собрания, поскольку мы считали себя семьей. Во многих случаях собрание просили сказать, считает ли оно, что нарушитель раскаялся».

К несчастью, строгие наказания распространялись и на детей. Пэм говорит: «Иногда при виде того, как поролли детей, мне хотелось плакать. Вечные синяки на ягодицах! У некоторых кожа на попе совсем загрубела». Причиной роспуска этой церкви отчасти послужило трагическое событие, произошедшее в другом отделении сообщества в городе Спокане (Вашингтон). (Одно время отделения церкви были также в городах Пассейике (Нью-Джерси) и Плано (Техас).)

В декабре 1987 года десятилетний Аарон Норман скончался из-за отсутствия должного медицинского ухода и побоев, нанесенных ему отцом и Дугом Клебером. Мальчик страдал юношеским диабетом, но родители не обеспечили ему медицинский уход, решив положиться на исцеляющую силу молитвы. Когда ребенку стало хуже (молитва, по-видимому, не давала никаких результатов), старейшины церкви собрались на совет, чтобы выяснить, в чем проблема ухудшения его здоровья. Как рассказывается в газете «Chicago Tribune» за 21 июня 1988 года, старейшины решили, что Аарон согрешил. Его грехом была мастурбация, но он не желал признать свою вину. Отец решил выпороть сына, потому что Дух Святой сообщил ему, что мальчик занимается мастурбацией. По словам заместителя окружного прокурора, «отец и старейшины «обличали» Аарона и требовали, чтобы он признал свой грех, но он отказывался сделать это. Тогда отец Аарона и Клебер избивали мальчика... Они били его деревянной доской до тех пор, пока он не признался в грехе. В воскресенье утром, когда родители Аарона проснулись, мальчик был мертв. На его теле чернели страшные следы побоев».

Супруги Мюррей ушли из сообщества, когда «все стало рушиться на глазах». Если бы община не распалась, они, возможно, остались бы в ней до сих пор. «Мы действительно не имели понятия о каких-либо проблемах». После ухода из общины Тому и Пэм пришлось нелегко, потому что им внушили, что уйти из общины — значит уйти из семьи. Тех, кто ушел раньше, называли «обманутыми и идущими в ад». Те, кто сохранил верность сообществу, молились, чтобы на отступников обрушились различные несчастья, дабы они осознали свою ошибку. Пэм рассказывает: «Мы были так уверены, что наша группа — «та самая», что даже мысль об уходе не приходила нам в голову. Скорее, мы боялись, что совершим какой-нибудь проступок и нас прогонят».

Какое-то время после ухода Пэм спрашивала себя, существует ли Бог. Им обоим было очень трудно вернуться в церковь. Том признается: «Я не уверен, что когда-нибудь пойму, почему Бог позволил, чтобы это произошло, но Его благодати и милости довольно, чтобы дать нам удовлетворение, даже если у нас нет ответов на вопросы, которые мы все еще задаем себе».

Заключительное предостережение Тома Мюррея звучало так: «Глупо думать, что, попав в авторитарную церковь, вы сумеете какое-то время сохранять объективность и не поддаваться незаметному влиянию. Никто не может сказать, что его невозможно обмануть».

* * *

Есть еще одна «безымянная» группа, гораздо более крупная, чем та, о которой мы только что говорили. Она также прибегает к разным формам духовного и физического насилия. Об этой ничем не прославившейся церкви, которая, однако, распространилась по всему миру и, по некоторым сведениям, насчитывает целых сто тысяч членов, написано очень мало. Ее основал на рубеже веков шотландский шахтер Уильям Ирвин, позднее к нему присоединился ирландец Эдвард Куни. В первые годы эту группу называли «Кунийцами» (Cooneyites), а впоследствии она была известна как «По двое» (Two-by-Two's), поскольку ее разъездные проповедники, так называемые работники, всегда путешествовали парами, и «Секта безымянного дома» (Nameless House Sect). Эта группа отвергает конфессиональное деление и «человеческие» учения. Она не имеет никакого названия и утверждает, что просто следует за Христом.

Многие бывшие члены группы пользуются названием «Истина» (The Truth). Они утверждают, что очень многих детей, родившихся и выросших в общине, с самого раннего

возраста подвергали суровым наказаниям, чтобы «сломить их волю». По их словам, младенцев начинали шлепать уже в трехмесячном возрасте. Один бывший член группы рассказывает:

Укачивая и успокаивая маленьких детей, вы нарушаете ход собрания. Это недопустимо, поэтому детей нужно быстро и строго научить правильно себя вести. Дети должны вести себя как маленькие взрослые, и этого добиваются любыми средствами. Один из самых распространенных способов приучения к дисциплине заключается в том, что детей заставляют доедать все, что лежит у них на тарелке, — тем самым их приучают к «работе». Считается, что, принуждая детей есть, вы ломаете их волю и учите их подчиняться родительской власти. Если они не хотят или не могут доесть, работники рассматривают это как непокорность.

Как и многие другие авторитарные группы, движение «Истина» предписывает своим членам очень строгий образ жизни, изобилующий запретами. Женщины избегают пользоваться косметикой, они отрачивают длинные волосы и связывают их на затылке тугим узлом. Ювелирные украшения запрещены, обычная одежда — белое платье. В общественных местах не допускается носить слаксы, шорты и блузки без рукавов. Женщины подчиняются единоверцам-мужчинам, которые обычно носят темную одежду и пользуются Библией короля Иакова (непреренно в черной обложке). Браки регистрируются только в светских учреждениях, поскольку государство не признает «работников» этой церкви священниками.

От всех детей и подростков в «Истине» требуют вести строгий образ жизни. Участие в спортивных играх после школы и других неофициальных мероприятиях не одобряется. Круг возможных друзей ограничивается членами общины. Дети нередко вырастают невеждами, не имеющими понятия о том, что творится в окружающем мире. Одна женщина вспоминает, что врач, к которому она привела своего маленького сына, был крайне удивлен, когда узнал, что мальчик не знаком с персонажами «Улицы Сезам». Другая женщина рассказывает о том, какое потрясение испытала воспитательница детского сада, узнав, что ее воспитанник никогда не слышал о Пасхе (большинство членов движения не празднуют Рождество и Пасху)... Эта неграмотность в вопросах культуры, религии, политики и общественной жизни сильно ограничивает представления детей об окружающем мире. Эмоциональная отстраненность и нежелание участвовать в общественной жизни — вот типичные черты детей «Истины», насильно втянутых во взрослую жизнь.

* * *

Членов Университетского библейского сообщества призывали избавиться от аудиотехники. Один студент зашвырнул свою магнитолау стоимостью 600 долларов в озеро Мичиган и воскликнул: «После этого я почувствовал себя таким свободным!» Бывшая прихожанка другой авторитарной церкви рассказывает, как ей рекомендовали сжечь свадебные фотографии, продать обручальное кольцо и отдать кому-нибудь двухспальную кровать, чтобы избавиться от духа умершего мужа. «Наши дети видели, как их куклы и мягкие игрушки сгорают в очистительном огне», — рассказывает человек, ранее принадлежавший к церкви, которая учит, что подобные вещи могут стать «идолами», а потому привязанность к ним греховна.

Строгий образ жизни авторитарных церквей зачастую проявляется в довольно необычной реакции на любые проявления сексуальности. В запретах, которые существуют в таких группах, подчас просвечивает нездоровая одержимость вопросами секса, и специалист-психиатр, несомненно, усмотрел бы в этом признак подсознательного желания. Так, одной женщине, которая принадлежала к «Святылищу веры» (Faith Tabernacle) — ныне распавшейся калифорнийской церкви во главе с пастором Элеонорой Дэрис, велели больше не играть на виолончели, потому что, играя на этом инструменте, она якобы «сидит в сексуальной позе». Членов Университетского библейского сообщества принуждали каяться в греховных желаниях и разрывать отношения с друзьями и подругами. Считалось, что тех, кто поддерживает с кем-либо романтические отношения, переполняют «плотские желания». Еще одна авторитарная группа разработала для мужчин и женщин письменные правила поведения в церкви: «Физические контакты в церкви недопустимы — можно лишь держаться за руки. Прижиматься

друг к другу и обниматься нельзя. Непозволительно класть голову на плечи друг другу больше чем на одну-две секунды. Слишком долго разминать друг другу плечи непозволительно».

В сентябре 1987 года прихожанки «Community Chapel» получили письменные инструкции под названием «Замечания по поводу ношения одежды», в которых содержались подробные указания относительно нижнего белья, маникюра и косметики. Под заголовком «Бюст» читаем: «Платье должно хорошо все скрывать. Проверьте, что можно разглядеть, когда вы наклоняетесь: не должно быть видно ничего. Также подумайте о том, что можно увидеть, когда вы сидите или поворачиваетесь. Девушки с маленьким бюстом должны быть особенно осторожны». В разделе, посвященном маникюру, говорилось: «Цвет маникюра должен быть неброским и естественным. Избегайте насыщенных, ярких или необычных оттенков». Женщинам «Community Chapel» не следовало обнимать пастора, «пока он сам не проявит инициативу», — за исключением случаев, когда они «испытывали большую и целомудренную потребность в этом». На фоне того, во что превратилась эта церковь несколькими годами позже, такого рода указания выглядят невинно.

Однажды в воскресном информационном бюллетене пастор все той же «Community Chapel» опубликовал следующие предписания: «Запомните наше правило: все женщины, входящие в административные помещения церкви, должны быть одеты, как женщины. Если они одевают слаксы, то эти слаксы должны быть однозначно женскими и их следует носить в сочетании с женским верхом и женской обувью... Пожалуйста, уважайте право вашего пастыря учить вас, как одеваться более прилично, консервативно и женственно». Мужская часть прихода также не осталась без внимания. В церковном книжном магазине продавалась брошюра «У Иисуса были короткие волосы». Воскресный бюллетень обращался к мужчинам с увещанием «не отращивать волосы, отказаться от джинсов и расстегнутых рубашек, не носить бороду и модные длинные бакенбарды, держать прическу опрятной, без завитушек». Ни мужчины, ни женщины не могли носить амулеты или кресты.

Традиционные евангельские церкви всегда подчеркивали необходимость святой жизни пред лицом Господа и призывали к скромности в манере одеваться и других сторонах жизни, но авторитарные церкви уделяют этим вопросам чрезмерное внимание. Аскетический образ жизни и ограничение личной свободы — это проявление потребности господствовать над людьми, свойственной всем авторитарным церквям. Членов таких церквей приводят в соответствие с предписанными стандартами при помощи давления со стороны единомыслителей и указаний пастора.

Как мы уже видели, некоторые из этих пасторских указаний граничат с нелепостью, смущают и приводят в недоумение окружающих. Например, Хобарт Фриман, бывший пастор церкви «Ассамблея веры» (Faith Assembly, не путать с «Ассамблеями Божьими»), заявил своей пастве, что носить кроссовки со шнурками — это мода гомосексуалистов. Он также объявил, что члены его церкви не должны употреблять выражение «беременная женщина». Беременными, мол, бывают только коровы, а женщины «ждут ребенка». В воскресном бюллетене одной калифорнийской церкви было опубликовано такое объявление:

Миссис Бланк [я изменил ее настоящее имя] не хочет отказаться от губительного для ее души греха чревоугодия. Она использует любые оправдания, чтобы оставаться толстой. Кроме того, она проявляет ожесточение и недовольство по отношению к этой церкви. Совет старейшин рекомендует перевести ее [в другую церковь] до тех пор, пока она не будет готова отказаться от греха чревоугодия. В следующее воскресенье члены этой церкви примут участие в голосовании по вопросу отлучения миссис Бланк... Если миссис Бланк желает покаяться, ей необходимо подойти к [руководству церкви] и выразить готовность прекратить роптать и сбросить вес.

Изучая авторитарные церкви, я не перестаю удивляться тому, насколько бесцеремонно в них во всеуслышание говорят о частных и личных делах людей, будто это достояние всей общины. Членов одной сравнительно небольшой организации под названием «Служение «Радость в Иисусе»» (Rejoice in Jesus Ministries) просили помолиться за двух людей и «их

финансы». После этого в церковном бюллетене появилось объявление: «На этой неделе банк отказался принять чеки, которые они выписали на имя церкви. Если чек, который вы выписали на имя церкви, не был принят к оплате, пожалуйста, свяжитесь с администрацией церкви, чтобы выплатить первоначальную сумму и дополнительные расходы, которые повлек за собой возврат вашего чека».

Однажды «Community Chapel» распространила воскресный бюллетень, в который был вложен листок, озаглавленный «Как следует танцевать пред Господом». В нем содержались подробные инструкции для взрослых и детей относительно того, как члены церкви должны вести себя, танцуя во время богослужения. «Не занимайте проходы и не загораживайте распятие, после танца сразу же возвращайтесь на свое место. Во время поклонения «сосредоточьтесь на Иисусе», но избегайте столкновений. Если в зале много людей, ограничьте широту своих движений. Осторожно размахивайте руками».

Физически неподготовленным людям в этом документе были даны особые наставления: «Если вам внове спортивные движения или танцы в Духе, в первое время старайтесь не перегружать себя. Разомните затвердевшие мышцы перед упражнениями и после них. Если у вас слабые или больные лодыжки и колени, следует пользоваться эластичными фиксаторами». Также в этом документе говорится: «Учитывая, что место ограничено, а танцевать во время собрания хотят многие, пастор желает, чтобы самые одаренные танцоры во время собрания находились впереди — но лишь в таком количестве, чтобы они смогли разместиться, не боясь столкнуться друг с другом». И, наконец: «Если кто-то нарушает эти правила, следует поставить в известность распорядителей и старейшин. Мы не хотим, чтобы нарушения продолжались или их стало больше».

Лучшим примером законничества, присущего авторитарным церквям, могут послужить правила, которые некая ассоциация церквей предъявляет к участникам «обучения». Из длинного списка я выбрал всего несколько пунктов, чтобы вы ощутили, насколько силен контроль внутри этой организации:

- *Отсутствие на собраниях без уважительной причины не допускается.*
- *Все обучаемые должны сидеть в строгом соответствии с отведенными им местами.*
- *Все обучаемые должны быть на своих местах по меньшей мере за пять минут до начала собрания.*
- *После начала собрания нельзя есть, пить и жевать резинку.*
- *Во время собрания никто из обучаемых не должен покидать свое место (в том числе и для того, чтобы сходить в туалет) без крайней на то необходимости.*
- *Никто из обучаемых не должен распространять сплетни или дурно отзываться о других людях или церквях.*
- *Каждый день после обеда обучаемые должны отдыхать, а не ходить в гости, по магазинам и т. п.*

Хотя большинство авторитарных церквей соблюдает строгие правила и запреты, есть и редкие исключения. Я говорил со многими бывшими членами склонного к пастырству «Служения христианского роста» (Christian Growth Ministries), и они отмечали, что к вопросу употребления спиртных напитков в этой группе подходили довольно гибко. Более того, в некоторых пастырских группах употребление спиртного чуть ли не поощрялось, а состояние алкогольного опьянения было там привычным. Бывший прихожанин церкви, пастором которой был Чарлз Симпсон — в то время все еще сотрудник «Служения христианского роста», описывает это так: «В начале 80-х годов многие из нас начали выпивать, считая это невинной забавой. Состояние опьянения не считалось чем-то предосудительным. Мы любили говорить: «Важно не что ты делаешь, а с кем!»».

Суровый образ жизни характерен для большинства авторитарных церквей, и субъективные переживания играют не менее важную роль в том, что подобные религиозные группы изолируют себя от общества. Во 2-й главе мы видели, какое влияние духовные переживания

оказали на все стороны жизни «Community Chapel». В начале этой главы мы заметили, что на жизнь Тома и Пэм Мюррей повлияли не только оскорбительные дисциплинарные меры, но и «учение откровения», а также чрезмерный акцент на личных переживаниях. Несмотря на то что Христианское служение «Маранафа» прекратило свое существование как международная ассоциация церквей, его история показывает, насколько важны субъективные переживания. Вот рассказ о том, как одна молодая женщина пыталась найти истину в этой организации.

* * *

Карен Мур ушла из Христианского служения «Маранафа» (ХСМ), отдав три года тому, что считала делом Божиим. К этому времени она уже была наставницей для четырнадцати молодых женщин, и на ней лежала ответственность за их жизнь. Она больше не могла закрывать глаза на разницу между тем Богом, Которого она когда-то знала, и Тем, кому она со страхом служила в «Маранафе».

До вступления в ХСМ Карен два года страдала от депрессии и ощущения бесцельности существования, поскольку в ее жизни произошли большие перемены. Она окончила школу медсестер, порвала с молодым человеком, с которым встречалась семь лет, а друзья, появившиеся у нее за время учебы, постепенно исчезали из виду. В тот момент она была крайне уязвима и нуждалась в какой-то стабильности, которую, казалось, обрела среди новых друзей из «Маранафы». В ХСМ она нашла любящих людей, христианскую систему ценностей, ясную цель, руководство и мощнейшую поддержку. Взамен она отказалась от своей воли, от способности критически мыслить и от отношений с семьей и прежними друзьями.

У Карен были некоторые сомнения и оговорки по поводу богословия ХСМ, хотя ее приятно удивлял радикализм новых знакомых. Она была согласна полностью посвятить себя Богу, но ее беспокоило, что члены группы много говорят о святости, вере, победе, преодолении и сравнительно мало о милости, благодати и любви. Поначалу она надеялась, что с ее приходом все встанет на свои места.

Изначально скептическое отношение Карен к руководству церкви сочло «идолопоклонством перед разумом», причиной которого были якобы духи критического мышления, независимости, ропота и неверия. Как только Карен пришла в «Маранафу», из нее этих «духов» изгнали, но с тех пор любое ее несогласие с принципами или обычаями ХСМ расценивалось как новое проявление все тех же духов. Таким образом, Карен лишили способности критически мыслить и здраво оценивать действительность.

По мере знакомства с «высшим замыслом» Бога она узнала, что ее разум был искажен грехопадением и доверять ему никак нельзя. Депрессия, объяснили ей, — это признак духовной обремененности. Гнев — это грех, но если он направлен на кого-то вне церкви, это, возможно, праведный гнев. В конце концов она поняла, что самое главное — подчиняться лидерам «Маранафы».

ХСМ было построено по пирамидальному, иерархическому принципу: у каждого члена церкви был «наставник» или «пастырь», а тот, в свою очередь, подчинялся руководителям более высокого ранга. Главой ХСМ был его основатель Роберт Вайнер. Во всех жизненных вопросах, будь то поездки к семье, выбор литературы, супружество и даже женская гигиена, члены церкви должны были подчиняться ее руководству. Непослушание лидерам называли непокорностью и считали таким же грехом, как и колдовство.

С течением времени Карен обнаружила, что Бог, к Которому она когда-то испытывала любовь и благоговейный трепет, теперь пугает ее. Став лидером и рассказывая другим об учении ХСМ, она избегала неприятных подробностей и уверяла новых членов церкви, что следовать принципам церкви на самом деле приятно и полезно. В то же время она недоумевала: раньше она могла сама понимать Божию волю, теперь же ей говорили, что руководство церкви лучше знает, в чем заключается для нее воля Божья. К сожалению, указания лидеров, якобы выражающие Божию волю, часто противоречили тому, что она в глубине души считала вполне позволительным с точки зрения Библии. К примеру, лидеры говорили, что «тот, кто читает книги, написанные нехристианами, пожнет тление»; что «я должна была просить разрешения, чтобы навестить бабушку или просто куда-нибудь съездить. Если я хотела повидать

родственников, живущих в другом городе, я должна была обратиться с этой просьбой к своей наставнице, которая обращалась за разрешением к пастору. Если он соглашался, что Богу угодна моя поездка, я получала разрешение»; что «я не должна была впредь оставаться одна ни в выходные, ни в любое другое время [потому что сатана якобы пытался ее искушить]»; и что «меня легче обмануть, потому что я женщина».

Карен разорвала отношения с друзьями вне «Маранафы» и общалась с посторонними только с целью благовестия. Заводить друзей можно было лишь для того, чтобы рассказывать им о Боге. Считалось, что «соблазн» любви к кому-либо вне группы противоречит заповеди хранить себя неоскверненными от мира. Другие христиане могли общаться с членами ХСМ, но считалось, что у них нет полноты Божьего откровения: «Как могут двое идти вместе, если у них нет единого видения?»

Со временем Карен поняла, что любовь, проявляемая к ней, всецело зависит от ее поведения. Если она говорила что-либо вопреки «линии руководства», ее никто не слушал — любые мнения считались злом и были строго запрещены как неповиновение руководству и в конечном итоге Богу. Видение ХСМ само по себе стало богом, и все остальное следовало принести ему в жертву. Важно было «дело», а не люди. Члены церкви должны были одеваться как победители, улыбаться как победители, служить как победители и вести себя как победители. Посторонние, особенно христиане, не знакомые с ХСМ, восхищались верой, победоносной жизнью, щедростью и покорностью этих людей. Сами же члены «Маранафы» были очень высокого мнения о своей организации и считали себя «зелеными беретами Бога».

Когда Карен решила уйти из общины, ею овладели сомнения и ощущение вины, противоречивые чувства раздирали ее. Уйти значило нарушить завет с «Маранафой», а это непростительный грех. Уйти значило подвергнуть опасности Божий промысел в ХСМ, а также поставить под угрозу свое спасение, спасение своей семьи и друзей, не принадлежащих к церкви. Слишком острая реакция на проблемы церкви могла обойтись очень дорого. Может быть, она поддавалась на обман плотской, эгоистичной гордыни? Разве ее, женщину, так легко обмануть, как уверяли братья из ХСМ? Четырнадцать ее учеников могут разувериться в Боге. Кроме того, Карен знала, что после ухода лидеры церкви будут всячески ее оговаривать. Скажут, что она была лжеучителем, лжепророком и никогда не знала Бога, — так говорили обо всех, кто уходил до нее. Ей припомнят все «грехи», в которых она публично призналась. Может быть, какой-то дух обмана ослепил ее и не дает увидеть волю Божью, чтобы лишить ее близких отношений с Ним?

Карен терзалась сомнениями, а пасторы еще больше усугубляли ее страх и чувство вины. Несмотря на сомнения и вопреки словам пасторов, даже после многих дней поста и молитвы Карен не могла честно сказать, что Бог указал ей на какой-то грех, в котором она должна покаяться. Она не читала нехристианских книг и ради Бога была готова отречься от всего, что стало для нее идолом. Но ей сказали, что она дала сатане свободный доступ в свое сердце и должна покаяться и отречься от сатаны, чтобы вновь исполнять Божью волю и остаться постоянным сотрудником служения «Маранафа».

Когда Карен сообщила своим ученицам о решении уйти из ХСМ, они немедленно сообщили об этом Марку, ее пастору. Попытки вразумить ее добрым отношением и ободряющими словами вскоре сменились обвинениями в недоверии поставленным Богом руководителям. Они высказывали мрачные предположения о том, что ждет ее в будущем, и завуалированные угрозы, а затем изгнали ее из церкви. В «Маранафе» не было места для нее, пока она не покается и не будет готова подчиняться вновь. Принятое решение грозило ей вечным проклятием.

Карен летела домой к родителям и всерьез ожидала, что ее самолет рухнет на землю. По словам пасторов из ХСМ, на нее пал гнев Божий. Улыбки, ободрения и оптимистические обещания лучшей жизни прекратились. Были забыты все пророчества о том, что Карен — часть Божьей армии конца времен, и обещанная ей возможность воцариться вместе с Иисусом в Святая Святых, уготованном для Его избранных. Молодые люди из ХСМ — это «будущие великие христианские лидеры, полные сил, благодати и истины, которые проведут остальных, непросвещенных христиан через время Великой скорби». А Карен сказали, что она теперь

хочет лишь одного: «выйти замуж и стать заурядной богатой горожанкой». Карен понимала, что она не может оставаться в этой церкви и поддерживать прежние отношения с Богом, а потому оказалась перед выбором: служить Богу или «нарушить завет с Его народом». 18 января 1981 года Карен Мур ушла, отказавшись от «видения» ХСМ.

* * *

В завершение этой главы я поделюсь с вами красочным и пронизательным комментарием одного молодого человека, также бывшего члена «Маранафы». Я присоединяюсь к нему в молитве и надежде на то, что прихожане авторитарных религиозных движений «честно все испытают и будут держаться лучшего».

Самыми значительными своими проблемами служение «Маранафа» напрямую обязано тесному переплетению понятий ученичества и подчинения власти, что, как мне кажется, привело к пагубным злоупотреблениям.

Централизация власти в «Маранафе» — это естественное следствие военизированных представлений этой церкви о себе. Формированию «Божьей армии» уделяется гораздо больше внимания, чем созиданию и воспитанию «Божьей семьи». Руководство «Маранафы» полагает, что оно устанавливает на земле новый порядок, чтобы обеспечить пришествие Божьего царства, и тем самым совершает внешнее очищение нынешней системы вещей.

Подготовка лидеров осуществляется так быстро, как это только возможно, после чего новичок попадает в самую благоприятную обстановку, чтобы самостоятельно «утонуть или выплыть». Это порождает болезненную проблему, связанную с нехваткой лидеров, обладающих достаточным пониманием Библии. Из-за этого современному устному слову (реме) придается неоправданно большое значение — равное значению записанного Слова (логоса).

Слишком часто библейское общее откровение оказывается менее важным, чем частные «откровения» лидеров «Маранафы», указывающих не на распятого и воскресшего Христа, а на свой собственный опыт. К сожалению, это может привести к тому, что жизнь в Боге начнут воспринимать исключительно как состояние экстаза.

Царящая в «Маранафе» атмосфера эмоционально и умственно способствует тому, чтобы жаждущие духовных переживаний и впечатлений люди основывали свою веру на необычных явлениях, а не на разумном осмыслении пережитого в свете Писания. Принцип «прими и живи», учение о «языческом поклонении разуму» и деспотичная власть — все это в совокупности порождает нездоровую ситуацию, в которой поведение людей определяется исключительно их безграничным и безрассудным подчинением руководству. Когда мышление, знание и ум отрицают, принижают и презрительно именуют «противлением», голос разума замолкает, а воля становится пассивно-покорной, в результате чего возникает опасное явление, которое многие именуют «контролем сознания». Потенциальное, а по сути реальное следствие этого явления — массовое производство «заблокированных» личностей. Отношение к человеку руководителей непостоянно, капризно и поверхностно, оно построено не на сочувствии, понимании и милосердии, а на осуждении. Основой мотивацией становится не любовь, а страх.

По мере того как индивидуальность человека начинает вытесняться стремлением достичь праведности через святость жизни и слепое соблюдение установленных правил поведения, вера перестает быть увлекательным приключением и превращается в обязанность. Святость жизни становится предлогом для создания новых правил, соблюдение же «закона» перестает быть средством служения Богу и становится самоцелью.

ИНАКОМЫСЛИЕ И ДИСЦИПЛИНА

Авторитарные церкви не поощряют лишних вопросов

«Я до конца жизни не забуду чувство, охватившее меня в первое утро, когда я проснулся там, на ранчо [церкви «Река жизни»], и уставился в потолок. Я сказал: «О, Боже! У меня получилось». А пару дней спустя я уже говорил себе: «Я сваял дурака». Но при этом думал: «Ладно, что теперь делать. Просто положусь на Бога»».

Это было только начало негативных переживаний, с которыми Полу и Мэри-Энн Хастинг пришлось столкнуться в церкви Эда Митчелла «Река жизни» (River of Life). Месяцы подготовительной работы понадобились для того, чтобы супруги поддались на уговоры «отказаться от всего, что у них было, чтобы последовать за Христом». Митчелл и его преданные сторонники обхаживали их, используя приемы, которые сделали бы честь даже крупным рекламным компаниям. Пол и Мэри-Энн позволили себя уговорить, и это стоило им очень дорого — они потеряли все: дом, работу, источники дохода, сбережения на старость — и едва не лишились семьи. Когда они ушли из «Реки жизни», на них висел долг в 8 тыс. долларов, истраченных на организационные расходы, и кредиторы преследовали их по пятам.

До прихода в «Реку жизни» у Пола, преподавателя с тринадцатилетним стажем, специалиста по педагогической психологии, имевшего большой опыт консультирования педагогов и учащихся, был очень незначительный опыт христианской жизни. Он и его жена Мэри-Энн были католиками по воспитанию, но глубоко верующими их назвать было нельзя. С «Рекой жизни» они познакомились еще в то время, когда эта церковь называлась «Дверью сотника» (The Centurion Door) и находилась в калифорнийском городке Таузенд-Оукс. В тот момент она насчитывала около трехсот прихожан. Мэри-Энн возглавляла «литургическую танцевальную группу» под названием «Танцоры Аллилуйя» и переживала некоторые личные неудачи — именно тогда она услышала о том, что в церкви «Дверь сотника» можно получить «консультацию». Когда Мэри-Энн втянулась в жизнь этой церкви, они с мужем предоставили свой дом для молитвенных собраний. Именно тогда в их жизни появился Эд Митчелл, который стал настойчиво приглашать их приехать на принадлежащее церкви ранчо Эппл-Вэлли.

Митчелл был «высок, симпатичен и обаятелен». На удаленном ранчо, где люди смогут укрыться, когда общество начнет распадаться, он создавал «служение последних дней». Пол, Мэри-Энн и их семья познакомились там с очень приветливыми и любящими людьми. «Мы играли в волейбол, жарили шашлыки и пережили невероятные религиозные ощущения. Следующие два месяца мы постоянно ездили туда на выходные. Это было чудесно. Никогда в жизни мы не испытывали ничего подобного».

Несколько месяцев спустя, когда супруги Хастинг почувствовали свою значимость, нашли друзей и «вернулись в Эдем», с ними осторожно заговорили о том, что нужно посвятить себя Христу. Их постоянно убеждали присоединиться к «людям, которые отказались от всего, что имели, чтобы жить ради Христа». В конце концов супруги решили: «Что может быть прекрасней, чем посвятить свою жизнь Иисусу Христу и проповеди Евангелия». Пол написал заявление об уходе с работы и начал искать покупателя на свой дом. И тогда началось настоящее давление.

Пол очень тяжело переживал уход с работы. Эд Митчелл заранее предупредил Пола, что после ухода ему придется пережить сильное душевное смятение, но он должен понимать, что это сатана пытается помешать ему откликнуться на Божий призыв. Усвоив первоначальные сведения об учении церкви, Пол усмотрел в своих сомнениях нападки сатаны. Потом он наугад прочел несколько стихов из Библии и на этом основании сделал вывод, что Бог призывает его уехать на ранчо. Митчелл рукоположил его в «пасторы ранчо», а себя предложил именовать «главным апостолом последних времен».

Кроме того, Полу предстояло руководить школой, только что открывшейся на ранчо, и оказывать психологическую помощь многочисленным посетителям. Но не все было так просто. Пол рассказывает: «Все внутри меня кричало и восставало против этого. Все. Той ночью я проснулся... и лежал три часа без сна, обливая сатану. Меня тошнило. Потом у меня началось что-то вроде видений, которые указывали на ранчо. Но все внутри меня сопротивлялось этому». Эд Митчелл был достаточно умен и заметил, что Пол, даже приняв решение, все еще колеблется, а потому послал своего человека пожить у Пола и Мэри-Энн две недели, оставшиеся до их переезда на ранчо. Пола терзали сильные сомнения, но он был уверен, что это сатана пытается воспрепятствовать ему. «Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что это Дух Святой пытался мне сказать: «Эй, Я не имею к этому никакого отношения»».

Пол и после переезда на ранчо неохотно принимал учение церкви. ««Вызовы на ковер» по той или иной причине стали почти ежедневным ритуалом, это у них называлось «моментом

истины»». Сначала эти собеседования проходили в присутствии всего нескольких человек, но постепенно переросли в ожесточенные словесные избиения перед лицом всей общины. Пола с пристрастием допрашивали, на него орали до тех пор, пока он сам не начинал орать сам на себя и обличать сатану.

Подобным процедурам подвергались и другие члены церкви. Пол говорит: «Чтобы сохранить рассудок, ты выплескиваешь все на других. Если ты в «момент истины» мало прыгаешь и орешь не так сильно, как твой сосед, — даже если ты понятия не имеешь о том, что происходит, — значит ты не оказываешь группе должной «поддержки»».

Через три недели после того, как супруги Хастинг пришли в «Реку жизни», Пол прочел в газете о том, что один бывший член этой церкви умер, после чего Митчелла покинули девяносто процентов его последователей. Умерший был болен диабетом, но отказался от инъекций инсулина после того, как члены «Реки жизни» помолились над ним. Этот человек до последней минуты верил в свое исцеление, и остальные прихожане в этом его поддерживали, хотя состояние больного ухудшалось. В конце концов он умер. Большинство прихожан ушли из общины сразу же после этой трагедии; верность сохранили как раз те члены церкви, которые привели в нее супругов Хастинг. Митчелл начал повсюду видеть «гонителей», и Полу стало еще труднее принимать учение «Реки жизни».

Пережив крах, вызванный смертью диабетика, и лишившись большинства последователей, Митчелл убедил себя в том, что против него существует заговор, в который вовлечены все евангельские церкви, причем в распоряжении заговорщиков имеются сотни самолетов и полноприводных автомобилей. Он начал отсылать своих приверженцев небольшими группами в убежища в Калифорнийской пустыне. Пол говорит: «Все эти пророчества о гонениях, насколько я могу судить, сами себя исполняли. Вы совершаете множество безумных, эксцентричных, бредовых поступков, и люди наверняка будут гоняться за вами с вопросом: «Эй, что там у вас происходит?» Это не гонения — гонения на Иисуса выглядели совсем иначе».

Горя желанием служить Господу, супруги Хастинг остались в «Реке жизни» и все больше подчинялись власти Митчелла — в основном благодаря постоянному ощущению вины и ложному пониманию духовности. Мэри-Энн вспоминает: «Существовал внешний, предназначенный для посторонних, образ церкви... заботливой и любящей. И существовала внутренняя жизнь общины, которая включала в себя публичные унижения, а иногда собрания, во время которых на кого-то орали в течение двух-трех часов».

По мере распада церкви в ее внутренней жизни появилось и физическое насилие. «Людей били, детей пороли ремнем, женщин пороли ремнем». Такое поведение истолковывали как «любовь» к жертве, потому что, «если ты кого-то по-настоящему любишь, ты должен чем-то заплатить за освобождение этого человека. Ты не идешь на компромиссы — ты обличаешь его в грехах и слабостях и исправляешь их». По большей части эта «любовь», конечно же, исходила от самого Митчелла, который постоянно напоминал членам церкви, как сильно он «страдает» от того, что ему приходится наказывать людей. «Он всегда говорил нам о том, как трудно ему предпринимать все эти шаги. А если ты в чем-либо перечил ему, ты шел не против человека, ты шел против Святого Духа, потому что Митчелл обладал «апостольской властью»».

То, что пережила Мэри-Энн, травмировало ее даже сильнее, чем Пола — пережитое им. Ее обвинили в том, что она заключила союз со «злым духом Иезавели, который управляет каждой женщиной, если она не покорила духу Божьему в своем муже». Мэри-Энн изолировали от Пола и детей. Митчелл одел ее во «вретище и пепел», назвал соблазнительницей и оболстительницей, запретил принимать ванну, заставил выполнять тяжелую физическую работу под палящим пустынным солнцем и признаться в том, что она испытывала влечение по отношению ко всем мужчинам и мальчикам, включая собственного сына. Кроме того, ее обвинили в том, что она одержима «духом материнства». Это означало, что она «боготворила» своих детей и уделяла им слишком много внимания. «Я страшно боялась даже заговорить со своими детьми, проявить к ним хоть малейшее участие — даже когда мой сын упал и сильно разбил голову».

Из-за высокого уровня насилия в общине у Пола и Мэри-Энн отобрали детей — сначала Департамент социального обеспечения штата Аризона (временами община перемещалась довольно далеко на юг), а потом власти штата Калифорния. Дети полгода прожили с приемными родителями, пока Мэри-Энн не покинула «Реку жизни». Пол ушел из церкви через месяц и увел с собой старшую дочь, еще подростка, которая не хотела уходить по своей воле. «Она принадлежала к числу людей, которыми обычно окружал себя Митчелл, — они были готовы повиноваться ему во всем. Он вкладывал все свои силы в подростков. Он начал ценить их больше, чем взрослых. Кроме того, существовало неписаное правило, что в обязанности подростков входит постоянно доносить на своих родителей».

Незадолго до того как супруги Хастинг бежали из общины, Эд Митчелл назначил Пола президентом корпорации «Река жизни». Митчелл сказал ему: «Ну вот, от этого я избавился; я хочу, чтобы ты приобрел этот опыт, Пол». Пол общался со средствами массовой информации, чтобы защищать церковь, встречался с адвокатами, боролся с ведомством шерифа — и тащил на своих плечах все финансовые обязательства церкви. Его до сих пор преследуют за неоплаченные счета. Как говорит Пол, «меня попросту подставили. Он использовал меня, зная мои способности».

Несмотря на огромные финансовые проблемы, взваленные на Пола и Мэри-Энн Эдом Митчеллом, она и их дети сумели вернуться к нормальной жизни. «Господь открыл для нас множество дверей. В прошлом году Он нашел для меня школу, вроде бы случайно, и сейчас, проработав там целый год, я могу без колебаний сказать, что прекраснее места еще не встречал».

Обладая хорошим психологическим образованием и многолетним практическим опытом, Пол предостерегает других: «Всю жизнь я работал с детьми, сталкиваясь с самыми разными проявлениями необычного поведения, и весь этот опыт подсказывает мне, что на самом деле никто не застрахован от того, что его втянут во что-либо подобное».

* * *

Практически все авторитарные группы, которые я изучал, применяют к своим членам те или иные формы наказаний. Бывшие члены таких групп, с которыми я беседовал, свидетельствуют, что эти наказания часто осуществляются публично и включают в себя насмешки и унижение.

«Община Иисуса» (Community of Jesus), харизматическая христианская церковь с сомнительной репутацией, расположена в городе Орлеане (Массачусетс), на полуострове Кейп Код. Бывшие члены этой церкви рассказывали о наказаниях за нарушение правил или «неуспеваемость», а также о «духовных наказаниях», налагаемых на провинившегося с целью его духовного исправления. Члены «Общины» являют собой прекрасный пример самопожертвования и полумонашеского образа жизни в контексте того, что журнал «The Christian Century» назвал «изобилием с хорошим вкусом». В «Общине Иисуса» проживают местные члены церкви, кандидаты в члены церкви и члены церкви из других городов, а также многочисленные христиане, представители среднего класса, ежегодно приезжающие на Кейп Код, чтобы поучаствовать в проводимых церковью конференциях. С «Общиной» ассоциируются имена таких известных в евангельских кругах людей, как Питер Маршалл-младший, Уильям Канага (председатель Консультативного совета нью-йоркского отделения фирмы «Arthur Young») и по крайней мере один из Рокфеллеров.

«Общину Иисуса» основали в 1970 году две женщины-христианки — Кей Андерсен и Джуди Соренсен (миссис Андерсен скончалась несколько лет назад). Вскоре их стали с любовью называть «матушка Кей» и «матушка Джуди». Эти женщины оказались в самой гуще споров, которыми в последние годы была окружена деятельность созданной ими организации. «Общину» обвиняли не только в «отсутствии эkkлесиологии» (по меткому выражению одного священника), но и в том, что она проповедует «богословие контроля», акцентируя внимание на таких грехах, как ревность, ропот, своеволие, высокомерие и идолопоклонство. Критики и бывшие члены церкви утверждают, что «Община Иисуса» превратилась в неустойчивую, небиблейскую и глубоко структурированную организацию, что привело к эмоциональному и

духовному насилию над людьми. Были сообщения и о некоторых формах телесных наказаний. Сообщения в средствах массовой информации, в том числе большая статья в журнале «Boston», вызвали волну подозрений. Руководство «Общины» объявило эти подозрения беспочвенными.

Как говорилось в большой статье, опубликованной в газете «Cape Codder» за 19 апреля 1985 года, бывшие члены «Общины Иисуса» рассказывали, что одним из самых серьезных грехов в этой церкви считались публичные возражения против практикуемых в ней наказаний. Группа бывших членов церкви поделилась с журналистами своими опасениями: «Все они рассказывали о том, что на них кричали. Все они сказали, что подвергались тем или иным наказаниям».

Я тщательно расспросил нескольких бывших членов «Общины», и у меня нет никаких причин считать, что они мне лгали. Перекрестная проверка полученных сведений при помощи других, независимых источников убедила меня в том, что этические принципы этой церкви сомнительны, и побудила включить в настоящую книгу краткий анализ данной проблемы. Я сделал это, хотя руководство «Общины» неоднократно заверяло меня, что все сообщения в прессе безосновательны и построены на жалобах лишь горстки «раздраженных» бывших членов церкви. Некоторые дети основательниц церкви также покинули полуостров, но руководство объясняет их уход семейными неурядицами. Поскольку в прессе по-прежнему появляются сообщения о насилии в «Общине», полностью игнорировать рассказы бывших членов группы значило бы поставить под сомнение чистоту побуждений все большего числа людей, которым, с их точки зрения, во время пребывания в церкви был нанесен серьезный ущерб. Благодаря внешнему сходству с отдельными элементами евангельской субкультуры, «Община Иисуса» являет собой необычный феномен, тревожащий многих христиан, в том числе и лидеров церквей.

Начиная с 1982 года несколько региональных пресвитерских советов, в том числе в Бостоне и долине реки Дженеси (штат Нью-Йорк), приступили к изучению и критическому анализу «Общины Иисуса». Поводом для этого послужило активное участие членов и пасторов некоторых пресвитерианских церквей в различных программах и конференциях «Общины». Как заявил в своем отчете, датированном июнем 1987 года, Синод северо-восточного региона, «есть некоторые доказательства того, что дисциплинарные наказания, применявшиеся в «Общине Иисуса» к отдельным людям, нанесли им урон. Авторитарная природа «Общины Иисуса» особенно очевидна для Синодальной комиссии по призванию на служение».

Комментарии Дона, бывшего члена «Общины», объясняют, почему эта церковь вызывает беспокойство у светских и христианских наблюдателей. «Хотя лидеры по-прежнему говорят, что они никого не принуждают что-либо делать, моральное давление так сильно, что вы непременно сделаете все, что от вас требуется. В противном случае вас может ждать все что угодно — от побоев до изгнания из «Общины», а это равнозначно отлучению от Иисуса. Никто из нас этого не хотел, поэтому мы и делали все, что от нас требовалось, — не потому, что над нами стояли с кнутом, а в силу психологической зависимости, которую порождали в нас лидеры, пугая нас тем, что, уйдя, мы потеряем свое призвание или окажемся навсегда потеряны для Иисуса».

Как и членов других авторитарных церквей, Дона убедили в том, что он вступает в элитную группу. «Нам часто говорили, что в мире нет другого такого места, как «Община Иисуса», что это особенная церковь». Дон уверен, что многие люди до прихода в эту церковь испытывали какие-то проблемы или были духовно незрелыми, а потому ими было легко манипулировать. «У всех, кто пришел в «Общину», были какие-то причины, чтобы прийти в церковь. Возможно, их жизнь складывалась не очень удачно или же они искали чего-то, но так и не смогли найти. Умело манипулируя сознанием такого человека, лидеры убеждали его, что он найдет искомое в «Общине». Я был новообращенным христианином, и они убедили меня, что мне легче всего будет найти Иисуса в «Общине». Уйти из «Общины» — значило выпасть из воли Божьей».

Дон по себе знает, что такое дисциплина в представлении «Общины»:

Мне сказали, что я слишком много говорю. Мне запретили произносить более трех предложений за раз. После этого я должен был ждать, пока кто-нибудь другой скажет что-то, прежде чем сказать еще три предложения. Целям дисциплины служил и режим

питания. Как-то раз мы все должны были сесть на виноградную диету. Сорок дней подряд мы питались виноградом, виноградным соком и изюмом — больше ничем. Некоторых освободили от этой обязанности по медицинским показаниям. Но большинство из нас должны были «жить на винограде».

Жене Дона определили так называемое наказание молчанием. Она рассказывает:

Меня поставили «на молчание» на шесть месяцев, исключение составляли лишь моменты, когда в доме были гости или когда они решали дать мне поблажку, что случалось нечасто. Однажды меня послали надергать морковки, и, когда я ее принесла, оказалось, что я, на свое несчастье, вместе с крупными морковинами выдернула несколько мелких. Меня разругали в пух и прах, мне сказали, что я «не в Духе», а потом спросили, что я могу по этому поводу сказать. Они разрешили мне говорить, и я клюнула на приманку: я начала оправдываться и получила еще один разнос.

Дон отметил, что к любой критике в адрес общины в ней относились нетерпимо — характерная черта большинства тоталитарных групп:

Никто не осмеливался сказать хоть слово поперек. Я боялся, что члены «Общины» меня изобьют, если я нарушу правила поведения. Нет, мы учились не задавать вопросов. Мы учились держать рот на замке. Если кто-нибудь высказывал сомнения относительно чего-то, что делала «Община», его подвергали насмешкам и унижениям. Это служило прекрасным уроком для всех остальных.

* * *

Членам церкви «По двое» тоже хорошо известно, что гораздо безопаснее не гнать волну:

Они тщетно пытаются разобраться в своей вере, но если они надеются остаться в церкви, то в конце концов, разочарованные и запутавшиеся, оставляют эти попытки. Их учат: «если сомневаешься, ничего не делай», «не сомневайся», «сомнение — грех», «если у вас есть какая-то проблема, чаще ходите на собрания» и «если вы несчастны, вам следует подсчитать полученные благословения, больше жертвовать, страдать и подчиняться». В результате в душе человека рождаются чувство вины, смятение, нерешительность, уныние и неуверенность в себе, и это время ему приходится нести всю жизнь, чтобы иметь надежду на спасение.

Один бывший пресвитер «Community Chapel» в Сиэтле тоже понял, что сомневаться в словах и поступках пастора нельзя. «Служить в этой церкви можно одним-единственным способом — ублажать Дона Барнетта. Ты попросту не можешь сказать ему, что он не прав. Я прямым текстом сказал ему, что то, чем занимается церковь, — это грех, что это оскорбляет святого Бога. Это был конец моего служения пресвитера».

В 1984 году пастор Барнетт разослал своим пресвитерам и их женам директиву «Подрыв авторитета пастора». В этом документе, в частности, говорилось:

Я с тревогой наблюдаю за новой тенденцией, к которой, я уверен, приложил руку сатана. Некоторые из вас, получивших это письмо, в частных разговорах делились с другими своим мнением о том, какой неправильный совет дал вам пастор, какие ошибки мы допустили относительно откровений и т. д. <...> Такие поступки подрывают устои церкви, они противны церкви и Слову Божьему, это дело рук сатаны. Поставленные представлять церковь не должны подрывать устои этой самой церкви и авторитет пастора, которого они представляют и который нанял их на работу...

Члены всех авторитарных церквей вскоре понимают, что их пастор или лидер не подлежит обличению. Бывший член одной авторитарной общины выразил эту идею так: «Поскольку никому в церкви не было позволено роптать и жаловаться или выражать несогласие с пастором, многие, подобно мне, страдали молча, чтобы не навлечь на себя гнев Божий». Все невзгоды, выпадающие на долю церкви, объясняются тем, что ее члены нарушают непогрешимые правила. Соответственно прихожане еще больше страдают от чувства вины, беспомощности и ощущения надвигающейся беды.

Зачастую ослушника пытаются заставить признать себя виновным в преступлениях, которых он за собой не знает. Если он говорит, что сомневается в руководстве, он уже согрешил, потому что вы ни в коем случае не должны сомневаться в руководстве. Если он рассказал о том, что его беспокоит, он уже согрешил, потому что вы ни в коем случае не должны сеять в умах других людей «зерна сомнения» относительно руководства или церкви как таковой. Если же ослушник не соглашается с тем, как группа оценивает его поведение, он немедленно попадает в категорию «нераскаявшихся» и «непокорных».

Высшая мера наказания в авторитарных церквях — это отлучение или лишение общения, которое сопровождается полным разрывом всяких связей и контактов с отлученным. Макдональд справедливо замечает: «Когда ослушника объявляют раскольником и осуждают, его отбрасывают прочь так же решительно, как запачканный детский подгузник... [Ослушника] отныне считают даже не бывшим членом церкви, а волком в овечьей шкуре. О нем вспоминают лишь как о примере того, каким не следует быть». Когда непокорный человек покидает авторитарную церковь, на него навешивают ярлык предателя, нечестивца, грешника, отступника или, в случае Христианского братства «Set Free», «беззаконника». Приходу объявляют, что всякие отношения с подобными людьми необходимо прекратить. «Давние друзья демонстративно его не замечают. Они отворачиваются. Они делают все возможное, чтобы избежать его. Они ходят по другой стороне улицы, вешают трубку телефона, не открывают дверь...»

* * *

Одно дело — выжить в подавляющей атмосфере авторитарной церкви. Совсем другое — спастись из огня подобной авторитарной церкви и, оказавшись в руках того, кого ты считаешь своим спасителем, вновь испытать такое же насилие. История Эда и Кэролин Робертс — еще один пример деструктивности и пагубности принципов руководства, которые существуют в авторитарных церквях.

Кэролин, внучка миссионеров, трудившихся в Тибете, выросла в семье, где психологическое и физическое насилие было обычным делом. К тому моменту, когда девочка стала подростком, мать и отчим бросили ее, и в возрасте шестнадцати лет она поселилась у отца и мачехи. Чувствуя, что она оказалась в ловушке нищеты и беспомощности, Кэролин обратилась к Богу и молитве. Она считает, что в то время была исполнена Святым Духом и получила дар говорения на «иных» (неземных) языках.

Когда ей исполнилось восемнадцать, она устроилась на работу в государственную психиатрическую лечебницу в штате Калифорния, но вскоре почувствовала, что Бог призывает ее в Мексику. Однажды ночью, разговаривая с кем-то по телефону, она узнала, что ее мать едет в Мексику, чтобы открыть там детский дом. В том, что ее уволили с работы, Кэролин увидела знамение свыше и присоединилась к матери, которая тут же предложила ей посещать «школу ученичества». Именно тогда девятнадцатилетняя и очень неопытная в христианской жизни Кэролин познакомилась с Бенджамином Дж. Хайдом (имя изменено) и его организацией «Свидетельство миру» (название изменено).

Пятидесятишестилетний Б. Дж. Хайд был слеп, но возглавлял небольшую школу в мексиканском городе Хуарес, где «учил людей, как быть учениками Христа». Кэролин признается, что пошла в эту школу отчасти для того, чтобы избавиться от домогавшегося ее молодого человека. «Я находилась в полном смятении. У меня было множество проблем — бесовские духи пытались внушить мне мысль, что я схожу с ума». Кэролин выросла в семье, где часто причиняли друг другу боль, и почти не знала любви, а в школе царил атмосфера

безграничной любви и радушия. «Меня просто тянуло туда». Что на самом деле происходило в этой группе, она, конечно, увидела много позже.

Обработка началась сразу. Будучи довольно упрямой, Кэролин обращалась к женщине, которая отвечала за учащихся, всякий раз, когда видела что-то, с чем была не согласна. Та отвечала: «Это нормально. Не беспокойся. Бог даст тебе понимание того, что происходит».

Со временем Кэролин оказалась в числе семи женщин, которые должны были стать «духовными женами» Хайда. Она дала обет безбрачия и носила кольцо с надписью «Иисус». Посредством своих особых отношений с учителем она должна была научиться смирению, сдержанности и покорности. Официально считалось, что «жены» обручены с Иисусом, но внутри организации они безраздельно принадлежали Хайду.

Бенджамин Хайд полагал, что Господь дал ему новое видение и показал нечто совершенно новое. Ему предстояло подготовить людей к роли «невесты Христа». Поскольку он обладал «умом Христовым», его последователи носили разные одежды в зависимости от степени своего смирения. «Когда он признавал нас достаточно смиренными, мы могли сменить одежду». Члены группы постоянно старались быть покорными, постоянно развивали в себе смирение и хотели добиться благосклонности своего вождя. Все свои мирские пожитки они отдали «апостолу» Б. Дж. Хайду, которого нежно звали «папой».

Группа переехала в город Эль-Пасо, где занялась благовестием военнослужащим, наркоманам и убежавшим из дома подросткам. Именно там Кэролин впервые взмолилась Богу: «Господи, я больше не могу этого терпеть! Я не могу. Я не могу выносить это. Он такой низкий, жестокий человек». «Свидетельство миру» притягивало к себе именно таких людей, как Кэролин, — имевших изломанное прошлое и изведавших насилие. Именно эти израненные и ожесточенные люди были главным объектом духовной власти Хайда.

В процессе «обучения ученичеству» Хайд постоянно наносил своим последователям оскорбления, потому что «мы должны были научиться покорности и смирению, и все это нас смиряло». Но, унижая, оскорбляя и браня своих последователей, он «отвечал нам в правильном духе, если наш дух был прав». Их дух редко был «прав».

Эд, примкнувший к группе через несколько лет после Кэролин, тоже попал под влияние Хайда. Поначалу он думал, что «папа» Хайд и семь его посвященных «духовных жен» научат его путям Иисуса Христа. Именно поэтому он и примкнул к их маленькой компании. Сегодня, оглядываясь назад, он отмечает: «Поразительно, как легко можно вовлечь человека в такую организацию, полностью подчинить его волю и запутать его». С утра Хайд выглядел благожелательным, готовым помогать, добрым и великодушным. Но к полудню, если что-то не получалось или делалось не так, как он хотел, следовала вспышка гнева и суровое наказание. В конечном итоге, даже когда Хайд был явно не прав, ученики говорили: «Он не ошибается. Я здесь потому, что сюда меня привел Господь, Он очистит и усовершенствует меня, чтобы, когда придет Иисус, я был к этому готов. Поэтому я смирю себя и приму эти бессмысленные мучения, чтобы очиститься от слабостей».

Большую часть своей финансовой поддержки Хайд получал от женщины по имени Эмили Фуллер, которой якобы посредством какого-то чудесного вмешательства и слова было показано, что она должна отдать Хайду свои значительные сбережения. Ее постоянные денежные пожертвования вкупе с первоначальными вложениями в недвижимость обеспечили Хайда и «Свидетельство миру» средствами, достаточными для покрытия повседневных расходов церкви. Члены общины между тем питались по продовольственным талонам. Кроме того, одна из «жен» выполняла функции секретаря, и, когда возникала нужда в дополнительных средствах для очередной выплаты за землю или на другие расходы, членов общины отправляли собирать помидоры или заниматься каким-то иным ручным трудом.

Какое бы место человек ни занимал в созданной Хайдом иерархии, он должен был разорвать все отношения с семьей и близкими друзьями, потому что «мы должны были хранить верность только духовной семье». Хотя Кэролин была «третьей в списке «духовных жен»», для нее не делали никаких исключений. Если кто-то высказывал сомнения по поводу такого «поклонения» Хайду, тот отвечал: «Им никогда не понять того, что Бог всего лишь использует меня, чтобы усовершенствовать вас и подготовить к роли невесты Христа». Считалось, что в число

«невест Христа» попадут очень немногие — по словам Хайда, примерно один человек из миллиона. Членам общины он говорил, что они полностью избегнут Великой скорби, если будут готовы подчиняться, как подобает невесте Христа, уже сейчас. «Поэтому мы были готовы на все ради готовности к тому, чтобы оказаться правыми пред Богом». Это означало, кроме всего прочего, перспективу лишиться детей.

Через два месяца после Кэролин в общину пришла ее сестра и принесла с собой незаконнорожденного ребенка, которому было несколько месяцев от роду. «У моей сестры отобрали младенца и отдали его другой женщине. Именно так Хайд обычно и делал, именно так он обычно и разделял семьи». Когда Кэролин спросила: «Зачем Вы это делаете?» — он ответил: «Это нездоровые узы. Она должна во всем полагаться на меня, а эти узы между матерью и сыном слишком сильны. Если она не может полностью мне подчиниться и позволить мне так поступить с ее ребенком, она не полностью покорна Господу». Кэролин сетует: «Это было печальное зрелище: маленького ребенка перекидывали от одного человека к другому». Кроме того, Хайд разделил и еще одну семью, в которой было четверо детей, — детей по одному раздали его «духовным женам».

После всех этих немыслимых злодеяний Кэролин стала сопротивляться власти Хайда. Ее постоянно бранили и называли не иначе как «мятежницей». В подтверждение своих взглядов Хайд ссылался на сочинения Уильяма Брэнэма, Джона Роберта Стивенса и Лестера Самралла, но не допускал, чтобы в общину просачивались какие-либо книги или более здравые учения.

«Мятежную» Кэролин подвергали и телесным наказаниям. Однажды Хайд ударил ее и повредил барабанную перепонку. Кроме того, он полностью лишил ее пищи и воды за то, что она пришла на помощь своему племяннику, которого он мучил. После того как община переехала в Алабаму, Хайд стал еще более жестоким. Он собственноручно бил или заставлял других бить детей, которые мочились в постели. Провинившимся членам общины он неделями не позволял мыться, а когда увидел, что у Кэролин складываются романтические отношения с Эдом, приказал ей «вылизать языком каждое место, куда ступала ее нога, когда они с Эдом встали на «путь прелюбодеяния»». Потом Хайд заставил ее языком вылизать загаженный туалет трейлера, в котором жил, за то что она, будучи «духовной женой», совершила с Эдом «духовное прелюбодеяние». «Я не хотела отправиться в преисподнюю», — вспоминает Кэролин.

Постепенно «Свидетельство миру» начало распадаться. Чтобы помешать Джойс, сестре Кэролин, видеться с Дэном, еще одним членом общины (свидания считались бесовским делом), Хайд отослал ее в служение, возглавляемое Филипом Бенсоном. Кэролин убедила Хайда в том, что Бенсон сочувствует их «делу». Там ей рассказали, что Хайд якобы предавался неопишуемому разврату и имел связь со многими женщинами из общины. Кэролин, Эд, Джойс, Дэн и большая часть остальных членов общины, услышав об этом, покинули «Свидетельство миру» и, по приглашению Бенсона, переселились в его лагерь.

Бенсон сочетал браком Кэролин и Эда, а также Джойс и Дэна. Он помог им устроиться на новом месте. «Мы каждый день ходили на библейские курсы, потому что он сказал, что мы должны изучать Библию без всяких извращенных толкований». Со временем Кэролин и Эд стали замечать, что жизнь в лагере Бенсона во многом была похожа на то, что они видели у Хайда. Как и Хайд, Бенсон утверждал, что обладает «парапсихологическими способностями». Он объявил приходу, что Эд завидует его познаниям в магии. Когда один из прихожан осмелился перечить Бенсону, тот накинулся на него в присутствии всей общины и припомнил ему все «прошлые прегрешения». Происходившее «не укладывалось в Писание». Эд и Кэролин начали замечать, что и в этой общине имеет место злоупотребление властью, манипулирование людьми и насилие.

Кэролин и Эд сбежали, после чего Бенсон отлучил их от церкви. Как им рассказывали, он объявил приходу: «Больше не молитесь за Кэролин и Эда». Пастор не хотел, чтобы его последователи тратили свою «духовную энергию» на отступников. К сожалению, большинство бывших членов «Свидетельства миру» все еще живут в лагере Бенсона и враждебно относятся к Робертсам.

Кэролин и Эд тщательно обдумали все, что пережили у Бенджамина Хайда и Филипа Бенсона, и значительно укрепились в христианской вере. Кэролин говорит: «Я не сержусь на Бога. Я не сержусь на Христа. Я не понимаю всего. Я не знаю, зачем все это нужно, но по-прежнему доверяю Ему».

Эд добавляет: «Я знаю, что Тело Христово и даже богословие Церкви очень гибки. Я пытался заострить свои чувства, чтобы понять, что находится «снаружи», а что — «внутри». Я с большим желанием читаю Слово Божие и сегодня гораздо больше хочу уберечь его от искажений, ведь если его применять правильно, под водительством Святого Духа, оно дает жизнь и радость. Когда его искажают, оно становится чудовищем».

* * *

Добиться от людей неуклонного повиновения религиозным лидерам и безусловной верности группе было бы не так легко, если бы они имели доступ к посторонним наблюдениям и оценкам. Не случайно лидеры авторитарных церквей встречают в штывы любую критику в адрес их организаций, исходящую от средств массовой информации. Дон вспоминает о том, что происходило, когда в прессе начали появляться негативные публикации об «Общине Иисуса»: «Мама Кей и мама Джуди сказали нам на собрании, что нам не следует читать статью в журнале «Boston» и статью в газете «The Cape Codder», потому что нам незачем об этом знать. Они сказали, что все это вздор и что мы выше подобных вещей. Мы будем переносить гонения так же, как это делал Иисус». Но потом Дон добавляет: «Некоторые из нас, непокорные, все-таки прочли эти статьи, но, поскольку наши мозги были промыты, от большей части сказанного в них мы попросту отмахнулись. Но я думаю, что это заронило в нас какое-то семя дальнейших сомнений».

В ответ на вопросы, с которыми газета «The Cape Codder» обратилась к «Общине Иисуса», руководители церкви выступили с заявлением, в котором, по сути, отрицали все обвинения бывших членов и утверждали, что ««Община» продолжает давнюю и почтенную традицию монашеского и полумонашеского общежития, существовавшую с первых дней христианства». Относительно роли основательниц церкви, Кей Андерсен и Джуди Соренсен, в заявлении говорилось, что члены общины, «безусловно, не считают их непогрешимыми заместителями Бога». Авторы заявления ссылались на слова Иисуса: «По плодам их узнаете их». «Мы утверждаем, что плоды жизни этой «Общины» можно увидеть в невероятном изобилии творческой деятельности — музыка, драматическое искусство, живопись, всевозможное рукоделие, садоводство и сочинительство (и этот список далеко не полон)...»

Относительно плодов один бывший член «Общины Иисуса» в разговоре со мной заметил: «Плоды Духа хорошо описаны в 5-й главе Послания к Галатам и не имеют никакого отношения к садам, музыке, театру, живописи и рукоделию». Другой бывший член этой общины, прочитав заявление, отозвался о нем так: «Руководству церкви блестяще удалось сложить воедино огромное количество ничего не говорящих слов. Оно ни разу и никоим образом не дало прямого объяснения ни одному факту, кем-либо упомянутому в средствах массовой информации. Оно всегда находило какую-нибудь ложную мишень, которую и разносило в пух и прах: «О, нам ничего неизвестно о том, о чем рассказывают бывшие члены». Но наши утверждения не домыслы, это факты. Мы видели эти события собственными глазами, мы знаем, что они имели место и происходили с нами».

Никто не опровергал сообщения прессы громче, чем Хобарт Фриман, пастор церкви «Ассамблея веры». Вот примеры его высказываний, взятые из нескольких проповедей:

Мне наплевать, что говорит пресса, потому что это неправда. Это ложь на 110 процентов.

Вы отвечаете перед этим Телом за то, чтобы ничего и никогда не рассказывать прессе!

Вы не обязаны отвечать представителям прессы ни на один вопрос. Они обратят все, что вы скажете, против вас.

Когда вы снабжаете прессу информацией, вы сами провоцируете гонения.

Они, эти религиозные журналисты, не знают, с какой стороны (в духовном смысле) братья за дело. Даже когда они рассказывают о том, что видят, они не могут нормально видеть. Они косоглазые.

Когда авторитарные церкви привлекают к себе внимание прессы, которое они считают негативным, они неизменно видят в этом «промысел сатаны», даже если статья появляется в христианском периодическом издании или в ней есть ссылки на обозревателей-христиан.

Я хорошо помню, как один обозреватель журнала «Charisma» (декабрь 1984 года) откликнулся на отчет специального комитета из евангельских христиан, изучавшего справедливость обвинений в адрес Христианского служения «Маранафа». Я был одним из авторов этого отчета. За то, что мы критически отозвались об организации Боба Вайнера, всех нас обвинили в неумышленном пособничестве сатане. «Как может небольшая группа христиан нападать на служение, которое другие уважаемые лидеры назвали одним из самых значительных движений в Америке?» — вопрошал обозреватель. Дьявол, говорил он, «нападает на любое мощное проявление христианства — при помощи гонений и клеветы...» Свою статью он завершил таким утверждением: «Какое бы направление «Маранафа» ни избрала для себя в будущем, я хотел бы идти вместе с ней». Я часто спрашиваю себя, что почувствовал тот обозреватель, профессор семинарии Ричард Лавлэйс, когда через несколько лет служение «Маранафа» закрыли. Как ни смешно, причиной такого трагического конца служения отчасти послужили проблемы, упомянутые в нашем отчете, в свое время столь резко отвергнутым сотрудниками «Маранафы» и ее сторонниками.

Экстремистские группы всегда воспринимают критику, будь то христианскую или светскую, искреннюю или надуманную, как еще одно свидетельство того, что сатана пытается дискредитировать «доброе христианское дело», и выбрасывают ее из головы. Я вовсе не хочу оправдывать все, что выдается за журналистские расследования о христианских организациях. Но я знаю целый ряд случаев, когда евангельская христианская общественность напрочь отвергала тщательно подготовленные, достоверные отчеты, не желая принимать во внимание никакие возможные достоинства этой информации. Они почти автоматически были отнесены к проискам сатаны. Это недобросовестно.

Хорошим примером может послужить обширная статья по результатам журналистского расследования деятельности Христианского братства «Set Free». Сразу после того как эта статья была опубликована в газете «The Orange County Register» за 9 июня 1990 года, представители христианской общественности выступили на телеканале Ти-Би-Эн и объявили результаты этого расследования необоснованными нападениями журналистов и хитрыми кознями сатаны. Ведущие взяли интервью у пастора Фила Агилара и утешали его, сочувствуя его «страданиям», которые он претерпел из-за гонений со стороны прессы. Один из ведущих сделал невероятное заявление: «Я не читал эту статью о тебе, Фил, но знаю, что она лжива».

Когда христиане отказываются выслушать «другую сторону», не говоря уже о том, что они не читают документы, о которых идет речь, прежде чем высказывать свое мнение о них, они теряют доверие людей. И давайте не будем забывать, что у авторитарных организаций почти всегда есть причины избегать лишнего внимания.

ВЫХОД ИЗ ЦЕРКВИ И АДАПТАЦИЯ

Авторитарные церкви делают процесс выхода из них болезненным

Я чувствую себя разбитой. Я не знаю, куда направляюсь; я не знаю, что мне теперь делать; я не знаю, чего я хочу; я не знаю, кто я такая, но я хочу это знать... Все произошло так, словно однажды утром я проснулась и ощутила полный упадок сил... Я не понимаю, почему раньше все вроде бы получалось и почему ничего не получается теперь. В голове сплошная неразбериха... И я хочу кое-что рассказать вам о своем муже — его нет. Внутри него ничего не осталось — он пуст. Он просто не может ни с кем общаться... Многое в моей жизни исчезло... Огромная часть ее исчезла...

Бет Фаррелл, рассказывая о том, как происходил ее уход из церкви «Ассамблея веры» Хобарта Фримана, казалось, изо всех сил пытается сохранить здравый смысл. Она, ее муж и их десятилетний сын прожили несколько лет, почти полностью погрузившись в антиинтеллектуальную, замкнутую субкультуру, созданную Фриманом и основанную на принципе «назови и провозгласи», и когда они попытались вернуться к жизни в нормальном обществе и вновь обрести ощущение собственного «я», это оказалось очень мучительным. Сын Бет, родившийся и выросший в «Ассамблее веры», не знает иной жизни, кроме той, что основана на соблюдении буквы закона, и, в соответствии с убеждениями этой церкви, смертельно боится врачей.

Хобарт Фриман основал «Ассамблею веры» (Faith Assembly; никак не связана с «Ассамблеями Божьими») после того, как его уволили из Богословской семинарии «Благодать» (Grace Theological Seminary) и в 1963 году отлучили от церкви Плимутских братьев «Благодать» (Grace Brethren Church) в штате Индиана. Фриман имел докторскую степень в области ветхозаветного богословия и древнееврейского языка, успешно нес служение в большом приходе и был автором нескольких книг. Тем не менее он придерживался необычных взглядов на некоторые вопросы учения и жизни, и с годами эти взгляды приняли весьма крайние формы.

Отношение Фримана к медицине и врачам сыграло особую роль. Он называл докторов «идолами», а также утверждал, что у лекарств бесовские названия и что их употребление делает человека доступным для влияния бесов. Членов «Ассамблеи веры» настойчиво убеждали и до сих пор убеждают не обращаться к врачам, чем бы они ни болели. В результате не менее девяноста человек из «Ассамблеи веры» умерли от болезней, вполне поддающихся профилактике и лечению. В одном отчете есть сведения о том, что начиная с 1978 года в этой церкви в среднем один человек в месяц умирает от болезни, которую можно было бы предотвратить или вылечить. В числе умерших сорок два младенца, десять детей в возрасте от года до семнадцати лет, семеро матерей, которые умерли из-за осложнений во время родов на дому, а также много взрослых людей, не получивших должного лечения.

В соответствии с учением, которое проповедовал Фриман, Бог обязан исцелить любую болезнь, если человек имеет искреннюю веру, — и члены «Ассамблеи веры» полагали, что могут избежать смерти. После того как человек заявлял, что он здоров («позитивное исповедание»), оставшиеся симптомы болезни считали сатанинской хитростью. Если же, несмотря на «позитивное исповедание», больной умирал, его смерть объясняли Божьим наказанием за маловерие или даже, как в случае Иова, испытанием веры. Сам Фриман скончался в 1984 году от болезни сердца и умеренной бронхопневмонии, и его смерть легла на церковь позорным пятном. Никто из членов «Ассамблеи» не пришел на похороны. Руководство церковью перешло в руки зятьев Фримана.

Самой известной особенностью «Ассамблеи веры» является исцеление путем «позитивного исповедания» — верующие должны «утвердить» свое исцеление, признав его совершившимся еще до того, как этот факт получит какое-либо объективное подтверждение. Но члены этой церкви исповедуют и другие сомнительные учения и принципы. Им не рекомендуется читать газеты, смотреть телевизор, встречаться с верующими из других церквей. Они не покупают себе страховку, не носят ни очков, ни контактных линз и снимают в своих автомобилях ремни безопасности, предпочитая «жить одной верой». Жены должны быть покорными домохозяйками и не должны пользоваться контрацептивами. Все члены церкви должны ставить интересы Тела на первое место, а свои семейные отношения — на второе. Церковь решительно препятствует тому, чтобы ее члены получали высшее образование, а поскольку большинство прихожан отдавали церкви основную часть своих доходов, они жили на грани нищеты — их положение резко контрастировало с пресловутым благосостоянием руководства «Ассамблеи веры».

Праздновать Рождество и Пасху, которые считаются здесь языческими праздниками, было запрещено. Учение Фримана следовало принимать безоговорочно, каким бы шатким ни было его библейское основание. Сомневаться в правоте пастора, который объявил себя «пророком Божьим», означало напрашиваться на обвинение в богохульстве. Фриман придерживался ортодоксальных представлений о Троице, но считал тринитарную формулу в Мф. 28:19

ошибочной, а потому членов церкви крестили только во имя Иисуса. Молиться о чем бы то ни было следовало только один раз, чтобы не «говорить лишнего». Супругам следовало избегать секса ради удовольствия, чтобы не возбуждать «похоть». Членам церкви было запрещено давать какие-либо клятвы в зале суда и пользоваться услугами адвокатов.

Это лишь некоторые примеры многообразных ограничений, в рамках которых живут члены «Ассамблеи веры», но главное требование состоит в том, чтобы считать себя здоровым человеком. «Нас учили контролировать свои мысли... сознательно очищать разум от любых негативных мыслей по поводу человека, проблемы или ситуации».

Бет и ее семья сумели выплыть из этого омута. В 1975 году им уже довелось пережить боль, когда распалась их домашняя группа, теперь же они были полностью опустошены испытаниями, с которыми им довелось столкнуться в поисках истины. После десяти лет учебы и работы они достигли в «Ассамблее веры» положения лидеров и учителей. Они выучили древнееврейский и греческий языки, чтобы изучать Библию, и прекрасно разбирались в богословии, откорректированном в соответствии с личными убеждениями Фримана. Покинув паству «Ассамблеи веры», они оказались в крайне затруднительной ситуации. Ни одна другая группа христиан их не устраивала, ибо другие верующие не проявляли столь же искреннего и серьезного отношения к своей вере. Бет и ее семья не знали, куда им податься. Именно недостатки традиционной конфессиональной системы вынудили их присоединиться сначала к неформальной домашней группе, а затем — к «Ассамблее веры». Но они понимали, что им нет возврата в церковь, членам которой приходится тайно хоронить мертворожденных детей из страха, что Тело узнает о смерти ребенка и все увидят, какие они маловерные.

Бет, в отличие от лидеров «Ассамблеи», которым она стремилась подражать, так и не смогла обрести «веру», а потому не смогла воспользоваться преимуществами полноценной жизни. Хотя в первые годы Бет и ее семья покупали сначала аудиокассеты и книги Фримана, и только затем еду, она так и не ощутила того энтузиазма, которого от нее ожидали. Сейчас ей кажется, что она «уходит от истины... уходит от Слова Божьего... уходит от всего, и вне церкви христианства нет». «Наверное, именно поэтому я так растерялась. Я не знаю, куда я иду; я не знаю, кто я такая».

Бет испытала сильное чувство вины за то, что сразу после ухода из «Ассамблеи веры» решила на небольшую хирургическую операцию, купила себе контактные линзы и была слишком «чувствительна» по отношению к сыну. Сильная привязанность к детям и желание оградить их от опасностей в «Ассамблее веры» приравниваются к идолопоклонству. Бет чувствует себя виноватой в том, что за несколько лет ее сыну пришлось перенести — без всякой медицинской помощи — несколько болезней, за то, что его ни разу в жизни не осматривал зубной врач. Она чувствует вину за то, что злилась на руководителей «Ассамблеи веры» и на саму себе, но больше всего она винит себя за то, что отказалась от единственного на земле дела, которое освящено Богом.

К сожалению, помимо того что на сердце Бет тяжким бременем лежит это чувство вины, она потеряла доверие ко всем людям, облеченным религиозной властью. Бет и ее муж сами были лидерами и учителями в «Ассамблее веры», и теперь им не к кому обратиться за поддержкой и руководством. Все близкие друзья, которые были у них в последние годы, по-прежнему остаются в «Ассамблее веры». Кто должен печься о душепопечителе? Бет хочет поговорить с кем-нибудь, кто «наверняка заслуживает доверия», но она не может положиться на свои собственные способности к анализу и оценке, поскольку ей много лет внушали, что эти способности недуховны. Поэтому, как она сама говорит, «что бы я ни делала, в некоторые моменты мне кажется, что я уже умерла».

Муж Бет также столкнулся с серьезными трудностями. Он может выполнять свою работу, но во всех прочих аспектах жизни он лишен эмоциональных ориентиров. Они с женой почти не общаются, и он полностью утратил то, что Бет называет «аспектами личности». Лишившись привычной атмосферы, в которую он погружался после работы, он замкнулся в себе и не может разобраться в том, что ему довелось пережить в «Ассамблее веры». Он в шоке.

Сыну Бет тоже приходится трудно. Все его привычное окружение изменилось. Он родился и вырос в «Ассамблее веры» и теперь не находит вокруг ничего привычного или знакомого.

Чтобы пойти в шестой класс обычной школы, мальчику пришлось сделать все детские прививки, и во время первого же медицинского осмотра он закатил истерику. Он отказывается принимать витамины и лекарства и испытывает большие трудности в общении с другими школьниками. Поскольку его родители все еще не окрепли эмоционально, его жизнь дома тоже бесцветна и переменчива. Многие болезни и травмы, перенесенные им в детстве, в том числе перелом ноги, не были полностью вылечены и по-прежнему его беспокоят.

Последние десять лет Бет подавляла в себе материнские чувства, и теперь даже не уверена, что знает, как ей любить сына. Как она рассказывает, в «Ассамблее веры» «ваши дети подчиняются вам, и вы их этому учите. Если они не подчиняются [как должно]... если вы не заботитесь о своих детях, это сделает церковь... Это полностью лишает вас душевного равновесия!» Бет понятия не имеет, как ей воспитывать сына в новом, совершенно другом мире — в мире за пределами «Ассамблеи веры».

Неуверенность, которую Бет и ее семья испытывают из-за всех этих социальных и психологических перемен, усугубляется тем, что их вера в Бога не имеет прежнего твердого основания. За последние годы богословие и работа стали для них самоцелью. Несмотря на то что девиз «Ассамблеи веры» — «Бог верен», практическое следование этому девизу требовало неуклонного и беспрекословного послушания учению и представлениям Фримана. Верность требовалась от членов церкви, не от Бога, поэтому «победители» и «явленные сыны Божии», в число которых якобы входила и Бет с семьей, не имели ни свободы во Христе, ни избавления от угнетающей необходимости достигать спасения делами.

Процесс восстановления после пребывания в авторитарной церкви может быть длительным и болезненным, даже если человек находился под этим влиянием очень недолго. Некоторые люди доходили до полного истощения за какие-то месяцы. Они очень нуждаются в поддержке со стороны семьи, друзей и церкви.

Больше десяти лет Бет и ее семья дышали ядовитым воздухом авторитарной церкви, который подорвал их здоровье, но сейчас они начинают получать столь необходимую помощь. Они заново строят отношения с людьми и самостоятельно решают такие практические вопросы, как страховка и медицинская помощь. И они снова взялись за поиски Бога.

* * *

На примере Бет можно увидеть, что процесс выхода из авторитарной церкви очень труден. Под сомнением может оказаться все, что человек узнал и пережил, пока находился в ней. Я бы хотел поговорить о тех чувствах и проблемах, которые могут возникнуть при выходе из авторитарной церкви. Потом я предоставлю вашему вниманию общий обзор тех переживаний, чувств и потребностей, которые появляются у человека спустя недели, месяцы и даже годы после ухода из секты.

Человек, решившийся на такой шаг, проходит процесс так называемой десоциализации, в ходе которого он перестает отождествлять себя с оставленной церковью и стремится к ресоциализации, то есть пытается заново вжиться в господствующую культуру. Во время этого переходного процесса у него возникают различные эмоции и потребности. От того, как человек реагирует на них, в значительной мере зависит, насколько успешным будет его исцеление.

Многие говорят, что последствия пребывания в авторитарной церкви сопоставимы с переживаниями жертвы изнасилования или с синдромом запоздалого стресса, с которым сталкиваются ветераны войны. Это возвращение к нормальной жизни после того, что можно назвать духовным изнасилованием. Ты чувствуешь себя так, словно что-то потеряно и ты уже никогда не будешь прежним.

В начале пострадавшие могут не испытывать совершенно никаких чувств по отношению к пережитому. Они могут не проявлять ни боли, ни гнева, ни печали, ни даже радости по поводу обретенной свободы. Такая бесчувственность может быть способом защиты от волны эмоций, которая неизбежно должна нахлынуть. Чтобы дать выход чувствам, пострадавшим нужно надежное и безопасное окружение. В их прежнем окружении такое высвобождение эмоций нередко называли «грехом», и им может потребоваться некоторое время, чтобы позволить себе не стесняться обнаруживать эти чувства.

Пострадавшие могут проявлять или не проявлять какие-то эмоции, но в обоих случаях они очень нуждаются в чутких, объективно мыслящих людях, которые не станут относиться к ним, как к духовным париям или как к страдающим паранойей. Они точно так же не могут поверить в то, что только что пережили, как и их слушатели. Они перенесли тяжелое социальное и психологическое потрясение. Чуткость друзей, родственников и психологов очень способствует выздоровлению.

В первые дни после выхода из секты люди, как правило, чувствуют слабость. Они нередко ощущают потребность в длительном сне. Как вспоминает одна женщина, «я была эмоционально опустошена и часто физически плохо себя чувствовала... Как следствие мне иногда было трудно исполнять свои обязанности... Зачастую я замыкалась от мужа и детей и почти все время просто хотела побыть одна».

В этот период пострадавшие чрезвычайно уязвимы. Они вырвались из религиозной среды, которая охватывала все стороны их жизни и в которой не существовало полутонов, но было лишь черное и белое. Примкнув к авторитарной группе, они были вынуждены отказаться от прежнего стиля общения и поведения и привыкнуть к новому, приемлемому с точки зрения группы, но зачастую антиобщественному и конфронтационному. В авторитарной среде у них развилась сильная потребность кому-то подчиняться, и они чрезвычайно подвержены внушению со стороны тех, кому доверяют, будь то психолог, близкий родственник или пастор. Нарушение этого доверия может оказаться для них сокрушительным ударом. Они еще раз убеждаются в том, что предостережения их прежнего лидера об опасностях «внешнего мира» были справедливы, и будут искать убежища в другой (или той же самой) авторитарной среде, в которой, как им кажется, они могли хоть как-то контролировать свою жизнь. Отсутствие контроля может вызвать очень сильный страх.

Проведя какое-то время в среде, для которой характерно духовное манипулирование, повышенное внимание к субъективным переживаниям и акцент на бесовском влиянии, жертвы авторитарных церквей после выхода из них могут утратить связь с реальностью. Многим из них кажется, что они запросто вернутся к тому, на чем остановились к моменту вступления в группу, невзирая на все перемены, которые с тех пор претерпело общество и которые произошли в их друзьях и родственниках. Вскоре они понимают, что речь идет не просто о том, чтобы вернуться к прежнему образу жизни. Короче говоря, они не могут вернуться домой. Будущее может казаться им нереально прекрасным или зловещим — в зависимости от того, с каким настроением человек возвращается к нормальной жизни. Бывший член «Церкви Великого Пастыря» говорит: «Это чрезвычайно важный фактор: либо человек уходит из авторитарной церкви с пониманием того, что эта группа заблуждается, либо он считает неправым себя и полагает, что своим уходом грешит против Бога».

В этот момент многие люди испытывают состояние немотивированной озлобленности. Они легко расстраиваются и разочаровываются. Вопросы духовного плана могут вызывать у них резкое отрицание или восхищение, они либо полностью отвергают, либо на одном дыхании прочитывают публикации, которые могут объяснить перенесенные ими испытания.

В письме, которое я получил от одной женщины со Среднего Запада, описываются некоторые из этих чувств. «С тех пор как мы ушли, прошел всего год, и до сих пор бывают дни, когда я чувствую себя так, словно из моей груди выкачали весь воздух. В книгах о культах ничего не говорится о той проблеме, которую мне труднее всего решить: я не могу полностью выкинуть из головы людей, ведь они, хотя и являются членами секты с ее психологическим давлением, все-таки исповедуют христианское учение, а значит, остаются моими братьями и сестрами во Христе».

Чувство оторванности от мира может быть опустошительным, особенно для тех, кто вышел из авторитарных церквей самостоятельно, без всякой помощи. Пострадавшие часто испытывают гнетущее ощущение утраты и не могут поддерживать отношения с другими людьми. Даже в толпе они одни, и они одиноки. Лишь немногие могут понять, через что они прошли. Как говорила одна женщина, «эти переживания настолько сложны, что адекватно рассказать о них тому, кто сам этого не пережил, невозможно». О подобных чувствах говорили и ветераны вьетнамской войны.

Если группа, из которой они вышли, имела жесткую структуру и пострадавшие прервали все прежние отношения с друзьями и родственниками, они могут оказаться в реальном, холодном мире без всякой поддержки. Им также может быть очень трудно полагаться на людей, с которыми их ничего не связывает. Они оставили позади лучших друзей, духовную семью, с которой многие годы разделяли повседневные трудности. Теперь эти самые друзья сторонятся их и считают предателями и врагами. При отсутствии помощи такая ситуация может закончиться серьезной болезнью, физической или душевной, или самоубийством. Избежать депрессии практически невозможно.

Бывший член одной небольшой церкви с Восточного побережья рассказывал:

Когда я ушел из этой группы, моя жизнь превратилась в ад. Я чувствовал невыносимую оторванность от Бога. Я чувствовал, что Бог оставил меня, что я разлучен с Тем, Кого глубоко люблю. Всей моей жизни пришел конец. Я был словно плывущее облако. Я мучился сильнейшим чувством вины из-за того, что покинул «семью» и предал тех, кого любил. Я чувствовал, что Бог должен убить меня... Я садился в машину и ехал куда глаза глядят, крича изо всех сил, так невыносимы были боль и чувство вины.

Пройти через такие испытания без всякой поддержки трудно, однако многие смогли это сделать. Но у тех, кто не имел возможности с посторонней помощью разобраться в своих чувствах, мыслях и духовных терзаниях, порой остаются глубокие незаживающие раны. Таким образом, очень важно найти поддержку в новых отношениях с людьми.

У меня была возможность наблюдать за жизнью одной молодой женщины, которая самостоятельно ушла из авторитарной церкви. В конце концов она разобралась во всем, что с ней произошло, но для этого ей потребовалось несколько лет. Она пишет:

Основная часть моего возвращения к жизни заняла четыре года. Прошло два с половиной года постоянных поисков истины, постепенного исцеления, ободрения, чтения Библии и продолжительного общения с Богом, прежде чем мой разум исцелился и обновился в достаточной мере, чтобы я могла признаться самой себе в том, что меня обманули. Интеллектуальное, эмоциональное и духовное влияние, которое оказывала на меня моя группа, не исчезало до тех пор, пока я лично не отреклась и не отделила себя от нее. Мне понадобилось два с половиной года, чтобы подготовиться к этому шагу.

Уйдя, я увидела, как она постепенно становилась для меня Богом и заменяла собой мои взаимоотношения с Ним. Смотреть в глаза правде было так больно! Помню, мне казалось, что Бог смотрит на меня и тоскует по мне, пока я тратила свою любовь на кого-то другого. Я так рада, что Он меня не оставил, но все это время ждал, что я вернусь к Нему, хотя, находясь в той церкви, я была убеждена, что служу Ему всем сердцем.

Период первичной адаптации после ухода из авторитарной церкви может длиться несколько недель и даже месяцев, в зависимости от глубины травмы и объема полученной помощи. Четкой границы между первой и второй волнами переживаний и эмоций нет, но вышедший из авторитарной церкви человек вскоре оказывается перед лицом вторичных проблем, особенно по мере того как он начинает примиряться с реальностью.

Некоторые пострадавшие были очень далеки от реального мира с его конфликтами и преступлениями, а также родственниками, ремонтом машины и поисками работы. По возвращении в «реальный мир» ушедшие из секты неизбежно переживают некоторые эмоции, и самые сильные из них — это подавленность, разочарование и отчуждение. Мир зачастую видится им холодным и равнодушным.

Возвращаясь в мир после перерыва в несколько лет, человек может оказаться в новой для него жизненной ситуации, с совершенно новыми переживаниями и ценностями. Бывший холостяк может выйти женатым и наоборот: бывший семейный человек может к моменту выхода уже развестись. У супружеской пары могут быть дети, причем некоторые из них нередко сильно травмированы жизнью в авторитарной группе. Некоторые родители не имеют

ни малейшего представления о том, как воспитывать детей. Они чувствуют себя виноватыми за то, что их дети были лишены праздников и дней рождения. Они оплакивают потерянные годы и мечтают вернуться к прежней жизни. Один человек поведал мне, что он, размышляя над словами из Иоиль 2:25, молится так: «Господи, верни мне те потерянные годы».

Помимо желания вернуть прошлое и восстановить утраченные отношения, в душе бывшего члена авторитарной церкви нарастают гнев, разочарование и ощущение своей беспомощности. Смутное ощущение злости, которое он испытывал в первые дни после ухода, усиливается и приобретает более конкретные формы. У некоторых возникает сильная жажда мести, и за это они еще более себя винят и осуждают. Осознание того, что тебя использовали и что с этим уже ничего не поделаешь, порождает разочарование и беспомощность, и справиться с этими чувствами очень трудно.

Сомнения в реальности прошлого духовного опыта тоже усиливаются. Пострадавшие начинают винить себя во всем. Как я мог позволить, чтобы это со мной произошло? Как я мог так поступить с родителями? Может быть, я на самом деле отвернулся от Господа? Может быть, я живу во грехе и в этот самый момент богохульствую? Как я мог позволить, чтобы с моими детьми обошлись так жестоко? Что со мной не так? Неужели все было неправдой?

С другой стороны, некоторые бывшие члены авторитарных церквей отстраняются от активной жизни, стремясь поскорее забыть прошлые болезненные переживания и стать как можно менее заметными для окружающих. Они еще не готовы справиться со всеми проблемами, которые на них обрушиваются. Они не предаются сомнениям по поводу прошлого и предпочитают полностью раствориться в таких безопасных и всепоглощающих видах деятельности, как занятия спортом, хождение по магазинам, рукоделие, чтение и игры.

Если во время жизни в авторитарной группе такой человек сумел сохранить независимость в своей работе, карьера становится для него своеобразной точкой опоры, поскольку это единственная часть его жизни, которая не была перевернута с ног на голову. Он вкладывает всю свою энергию в работу, стараясь на какое-то время «раствориться» в ней, чтобы разобраться в многочисленных проблемах переходного периода. Некоторые пытаются начать жизнь с чистого листа и находят себе новую работу, где можно приобрести новых друзей.

В этот период очень большую помощь могут оказать советы профессионального психолога или пастора. Пострадавшие все отчетливее осознают свои потребности. Они уже не пребывают в таком смятении, как в первые дни, и, вполне возможно, им нужен человек, который может не только внимательно слушать. Им необходимо решать сложные проблемы. Им нужно восстанавливать разорванные отношения. Им очень нужна безопасная обстановка, в которой они могли бы дать выход своим чувствам и сомнениям. Психологи, которые считают, что эти люди сами виноваты в своих прежних неудачах, или пытаются указать на возникшие в связи с этим дисфункции организма, могут затормозить процесс реабилитации.

Я обнаружил, что многие люди испытывают жгучий стыд от того, что были так «увлечены» руководителем церкви и все это время так глупо себя вели. Джеймс Вуд, баптистский пастор из штата Массачусетс, беседовал по меньшей мере с двадцатью бывшими членами «Общины Иисуса» и заметил тот же феномен. «Кроме того, они чувствуют стыд, неловкость за те дела, в которые их вовлекли посредством психологических манипуляций». Пастор Вуд также говорит, что бывшим членам авторитарной церкви очень трудно вновь посвятить себя какому-то делу. «Они чувствуют себя преданными. Их верностью злоупотребили, и теперь они не хотят вновь отдаваться чему бы то ни было».

Тактичный и знающий психолог может помочь такому человеку разобраться в одолевающих его чувствах, а также справиться с гневом, разочарованием и депрессией. Психологу очень важно помнить, что решение вступить в авторитарную организацию было принято, скорее всего, из искреннего желания любить Бога и служить Ему.

Тем не менее в этот период человек вполне может усомниться в существовании Бога и на Нем сосредоточить свой гнев. Не нужно мешать ему выплеснуть этот гнев. Кроме того, некоторые могут испытывать противоречивые и смешанные чувства по отношению к церкви, из которой ушли. Одна женщина рассказывала, что на этом этапе адаптации она испытывала целую гамму разнообразных чувств, в том числе «крайнее унижение, вину за то, что бросила

дорогих людей, осуждение, безнадежность, смятение, страх, отсутствие цели в жизни, депрессию и отчаяние, недоверие к другим христианам, одиночество». Ей казалось, что «Бог ее предал».

Рассказ одной женщины, в прошлом принадлежавшей к Христианской общине «Путь в Эммаус», расположенной в штате Колорадо, отражает многие подобные чувства и ничем не выделяется из множества других свидетельств, которые я собрал за годы изучения различных авторитарных групп. «Двое старейшин кричали на меня четыре часа. Мне сказали, что я упрямая и непокорная женщина, что я потеряю свое спасение, если не откажусь от языческих праздников [Рождества и Пасхи] и буду разрешать своему сыну играть в бейсбол». Один пресвитер также сказал ей, что когда он предстанет пред Иисусом Христом в день суда, он расскажет Ему, что она не слишком стремилась попасть в небесное Царство.

Как и многие другие бывшие члены склонных к духовному насилию групп, с которыми я беседовал, эта женщина уходила из секты, неся на себе тяжкий груз вины, и считала, что она сама виновата во всем, что с ней приключилось. «Я сомневалась в том, спасена ли я. Я потеряла всех своих лучших друзей, рядом с которыми прожила пять лет. Я была в буквальном смысле опустошена. В то время я была беременна и смертельно боялась того, что с моим ребенком что-то не так, что Бог проклял меня и моего ребенка».

Эта женщина жила в маленьком городке. В первое время после ухода из церкви ей было тяжело встречаться с членами своей прежней общины. «Я просто не могла смотреть им в глаза. Идя на почту или в магазин, я боялась столкнуться с кем-то из них». Впоследствии, когда ее эмоции утихли, она пыталась заговорить с бывшими единоверцами, но они либо избегали, либо просто игнорировали ее. Причина была в том, что «я нарушила завет. Я отвернулась от Бога. Я была худшей из язычников. В их глазах я погибла, и для меня не было никакой надежды».

Как мы уже видели, такого рода духовное давление широко использовалось в Христианском служении «Маранафа». «Если ты уходишь без одобрения руководства, — рассказывает один бывший член «Маранафы», — на тебя обрушиваются осуждение и обвинения. Мой пастор сказал, что, с его точки зрения, мое решение уйти подсказано сатаной и что он сомневается, смогу ли я и дальше быть уверенным в своем спасении». Такого рода приемы использовали для того, чтобы удержать людей в церкви.

Членам одной уже распавшейся ультрафундаменталистской группы из штата Калифорния в письменном виде сообщили о единственном приемлемом способе уйти из церкви и остаться «в Божьей воле»:

- *В течение трех месяцев самостоятельно молитесь об этом (в этот период советоваться друг с другом могут только мужья и жены).*
- *Обратитесь с этим вопросом к и лидерам церкви, чтобы они могли дать вам совет. Они будут молиться о вашей проблеме еще от одного до трех месяцев. (В течение этого времени вы также не должны говорить о своем желании уйти никому, кроме вашего мужа или вашей жены.)*
- *Когда лидеры обдумают вашу проблему, вы должны послушаться их решения о том, следует ли вам уходить.*

Как заметил в разговоре со мной один бывший член этой организации, «зачем молиться, если окончательное решение в любом случае принимают лидеры церкви».

Бывшие члены склонных к крайностям христианских церквей зачастую сравнивают процесс выхода из них с разрывом супружеских отношений. Человек, прежде принадлежавший к одной такой церкви на юге США, рассказывает: «Всех ушедших заклеили как «возмутившихся против Бога» и лишили возможности общаться с теми, кто остался, с теми, с кем мы пять лет вместе поклонялись, трудились и молились как единая крепкая семья. Это было похоже на развод».

Международную организацию «Великое поручение» (МОВП; Great Commission International) основал в 1970 году «апостол» Джим Маккоттер. Рассказывая об этой церкви, ее бывший член Джерри Макдональд отмечает, что в среде МОВП принято сравнивать структуру

управления организации с супружеством. «Пресвитеры МОВП часто отзываются об ушедших из церкви как об оставивших семью. Они искажают слова Писания о том, что Бог ненавидит развод, и используют их для того, чтобы удержать людей в своих церквях против их воли. Соответственно уходящим говорят, что они отошли от Бога и согрешили. Но в действительности это означает, что пресвитеры незаконно присвоили себе верность и преданность людей, хотя этого достоин только Христос».

Макдональд указывает на то, что ключевым стихом для обоснования идеи «брака» применительно к пресвитерам и руководителям МОВП считается Еф. 5:22—6:9. На 22-м стихе 5-й главы («Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу») организация основывает свою иерархическую структуру управления. «Жены должны повиноваться своим мужьям, точно так же и церковь должна повиноваться пресвитерам. Создается впечатление, что пресвитеры являют собой физическое воплощение власти Христа. Семья — это образ взаимоотношений церкви с пресвитерами, точно так же и супружеские узы, связывающие мужа и жену, — это образ повиновения, которое собрание должно оказывать пресвитерам».

Большое внимание в «Великом поручении» уделяется тому, чтобы «доверять водительству, которое Бог дает нам через других людей» (под «другими людьми» подразумевается руководство церкви). На деле это означает, что человек должен отказаться от своей независимости и во всем подчиняться руководителям. Как рассказывали мне многие бывшие члены МОВП, прихожане церкви фактически оказываются во власти руководства. Неподчинение авторитарным предписаниям организации может быть поводом для отлучения, которое в МОВП и других авторитарных церквях является обычным делом.

Если вы не откажетесь от своей независимости и не будете жить в согласии с церковью, то вас обвинят в том, что вы «сеете раздор в Теле», а если вы и после этого не «придете в согласие», вас отлучат как раскольника, ведь, согласно учению МОВП, между доверием Богу и доверием руководителю организации нет никакой разницы.

Как я уже говорил в предыдущих главах книги, руководство церкви почти всегда требует от своих последователей избегать общения с отлученными. Например, всякий раз, когда кого-то отлучали от сиеглской ветви «Community Chapel» (что происходило регулярно), об этом событии сообщалось в церковном воскресном бюллетене.

Пастор просит членов нашего прихода более не общаться с такими-то людьми [следует список имен]; они были отлучены от церкви. Не обращайтесь к ним за советом и не спрашивайте их мнения о духовных и душевных взаимоотношениях, руководстве церкви и любых других вопросах. Если они позвонят вам, как можно быстрее вежливо закончите разговор. Эти люди не вправе — и никогда не были вправе — давать какие-либо указания или советы по поводу того, как действует в нашей церкви Бог. Ваше сотрудничество в этом вопросе принесет вам пользу, и пастор будет вам очень признателен.

Не нужно иметь психологического образования, чтобы понять, что подобная процедура одновременно является эффективным механизмом контроля над членами церкви. Тем, кто «раскачивает лодку», кто задает неприятные вопросы и каким-либо образом бросает вызов руководству, такой подход не дает возможности поделиться своими обоснованными сомнениями и критическими замечаниями с другими членами церкви. Разногласия подавляются, а руководители могут преподнести все в выгодном для себя «духовном» свете.

Даже понимая, как плохо с ними обошлись в авторитарной церкви, некоторые люди колеблются, не зная, как им поступить: отказаться от своего прошлого или попытаться найти ему оправдание. Тем, кто избирает второй путь, зачастую кажется, что они совершили предательство по отношению к своей прежней «духовной семье». Много раз, беседуя с бывшими членами какой-то церкви, я слышал, как они с теплотой вспоминают о близких отношениях, которые складывались у них с другими людьми, и сетуют на то, как трудно им построить столь же доверительные отношения во «внешнем мире». Некоторым по-прежнему нравится стиль поклонения, которого придерживается покинутая ими церковь.

Еще одна общая особенность, которую я наблюдал у бывших членов авторитарных церквей, — ощущение, что они одни сталкиваются с подобными проблемами. Некоторым даже начинает казаться, что они «немного не в себе». Многие спрашивают себя: «Неужели это случилось только со мной?» Некоторые пострадавшие испытали огромное облегчение, наткнувшись в прессе на публикации, посвященные этой теме, и осознав, что они не одиноки в своих страданиях. Еще большее облегчение приносит знакомство с другим человеком, пережившим такое же духовное насилие: «Значит, есть люди, которые способны меня понять!»

Лучше всего жертвам авторитарных церквей могут помочь те, кто когда-то был на их месте. Один мой собеседник сказал: «Больше всего мне помогли две вещи: частое чтение Библии и общение с людьми, которые пережили то же, что и я». Я знаю несколько неформальных групп поддержки, созданных именно для того, чтобы помочь людям, вышедшим из определенного рода организаций. Пансионат «Wellspring», расположенный в городе Олбани (Огайо), — это уникальный реабилитационный центр, где жертвы духовного насилия могут получить профессиональную помощь. Директор этого центра д-р Пол Р. Мартин — очень знающий человек, психолог и христианин. Некогда он сам был членом МОВП, организации, о которой мы уже упоминали на страницах этой книги.

Некоторым жертвам духовного насилия требуются годы для того, чтобы разобраться в своих переживаниях, научиться принимать самостоятельные решения и полностью сжиться с окружающей культурой, особенно если у них нет никакой поддержки или помощи со стороны. Один человек рассказывает:

Весь первый год после ухода из общины я только и делал, что прятался от всех. Я отпустил бороду и усы, отрастил волосы и устроился на неквалифицированную низкооплачиваемую работу. Я не виделся с родителями, с братом — ни с кем. И я думал, что Бог убьет меня.

На второй год я собрался уехать на Аляску, но мне прямо в руки свалилась хорошая работа, и я взялся за нее. Я начал было присматривать себе церковь неподалеку, но не смог довести поиски до конца. Я перебрался в гараж, принадлежавший моему другу, отремонтировал его и просто жил в нем, не заглядывая в будущее.

Сейчас идет уже третий год со времени моего ухода, и мне кажется, что я наконец могу оглянуться на все пережитое и сказать, что Бог использует этот опыт, чтобы научить меня мудрости и пониманию мира. Я знаю, что Бог не осуждает меня, и могу жить дальше. Теперь я хожу в церковь, я обзавелся новыми друзьями и чувствую, что снова могу жить.

Даже после того как пострадавшие начинают оправляться от нанесенных ран и приспособляться к новой жизни, многих все еще преследуют проблемы, проистекающие из психологической обработки, которой их подвергли в прежней церкви. Например, им бывает трудно общаться на работе с начальством. Многими своими проблемами на этом долгом обратном пути пострадавшие обязаны людям, облеченным духовной властью. Им бывает трудно довериться новым друзьям, коллегам по работе и знакомым, после чего они часто винят себя за излишнюю требовательность к людям. Под влиянием различных обстоятельств они начинают испытывать мучительный страх — страх потерять супруга или ребенка, страх никогда больше не найти любовь. Кроме того, в восстановлении иногда нуждаются и взаимоотношения этих людей с друзьями и родственниками — это касается супругов, которых руководитель церкви настроил друг против друга, родителей, которых грубо оскорбили дети, и друзей, чья помощь и забота были отвергнуты.

Постепенно к человеку начинает возвращаться уверенность в себе, и ему все легче принимать решения, а в его душе пробуждаются духовные потребности и желания. После нескольких месяцев или даже лет, проведенных вне традиционного христианства, бывшие члены авторитарных церквей вновь хотят найти ответ на такие вопросы, как «Что значит любить Бога всем сердцем, всей душой, всем разумением и всей крепостью? Как научиться любить Бога больше собственной жизни? Смогу ли я пройти период ученичества без того,

чтобы мне вновь причинили боль? Смогу ли я иметь все общее с другими людьми, но не оказаться в авторитарной церкви?»

Идеализм и стремление к Богу, которые некогда привели этих людей в авторитарные церкви, теперь сочетаются с чутьем на извращенное понимание духовности и психологические манипуляции, и эти знания получены не из книг. С другой стороны, «святая простота» их старых и потенциальных новых друзей в отношении духовных злоупотреблений в церквях зачастую мешает достичь взаимопонимания с ними. Иными словами, бывшие члены авторитарных церквей нередко видят, что их слушают с опаской, когда они пытаются рассказать кому-то о пережитом. Невысказанные, но отчетливо читаемые мысли типа «видимо, у тебя были какие-то проблемы, раз ты оказался в такой церкви» приводят тех, кто надеется вернуться к нормальной жизни, в глубокое уныние.

Один добрый совет тем, кому посчастливилось не испытать на себе духовное насилие: когда вы встречаете человека, побывавшего в авторитарной церкви, не относитесь к его словам с недоверием и не держитесь стереотипов восприятия подобных историй. Прежде всего эти люди нуждаются в любви и понимании.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Авторитарные церкви — это предостережение нам

Основная мысль настоящей книги заключается в том, что духовное насилие может иметь место и в опирающихся на Библию фундаменталистских, консервативных церквях со здравым учением. Все, что для этого нужно, — пастор, который никому не подотчетен и которому, следовательно, никто не может указать на его ошибки. Об этом свидетельствуют пятнадцать лет жизни Бонни Мэйсон, проведенные в Библейской церкви города Мидвэйла (название изменено) — независимой церкви баптистского толка, возглавляемой горячим и бескомпромиссным пастором-фундаменталистом, который считал себя вне каких бы то ни было подозрений и смерть которого стала для Бонни и ее семьи днем освобождения.

Бонни и Кейт Мэйсон обратились к Богу за день до того, как познакомились с пастором Карлом Пламмером (имена пастора и его жены изменены). Хотя Кейт вырос в христианской семье, он никогда не был верующим человеком, посвятив свою жизнь тому, чтобы стать профессиональным рок-музыкантом. Бонни же наоборот, ничего не знала о христианстве. Однажды они вместе посмотрели христианский фильм, который задел их так сильно, что они решили посвятить свою жизнь Иисусу Христу. На следующий же день по совету друзей они обратились к пастору по имени Карл, который недавно приехал в их город. Он тотчас же пришел в их дом, и чета Мэйсон признала Иисуса своим Господом и Спасителем.

Кейт сразу спросил Карла, должен ли он оставить карьеру музыканта. Хотя Пламмер прямо не сказал, что это занятие неугодно Богу, из его слов Кейт понял, что дальнейшее пребывание в мире рок-музыки так или иначе «отрицательно скажется на его свидетельстве». Он внял этой ненавязчивой рекомендации пастора. На протяжении следующих пятнадцати лет именно такие невысказанные «советы» Карла направляли всю жизнь Мэйсонов.

Бонни тоже безраздельно подчинилась влиянию пастора. Ей казалось, что Карл Пламмер спас ее, и она смотрела на него, как на отца, который может ответить на все ее вопросы о новой жизни. Карл опять отделялся общими словами и произносил с кафедры тщательно продуманные проповеди на общие темы — таким способом, не прибегая к прямым указаниям, он внушил Бонни и остальным мысль о том, что правильны и богоугодны лишь его представления о жизни. Бонни никто не объяснил, что Тело Христово многообразно, что различия во мнениях позволительны и полезны и что служить Господу можно в разных церквях. Благодаря этому «выпавшему звену», как его называет Бонни, она постоянно сомневалась в себе и буквально находилась в рабстве у Карла и его семьи.

По мере того как Бонни и Кейт втягивались в жизнь церкви, пастором которой был Карл, между ними начала расти стена отчуждения. С одной стороны, Карл говорил Бонни, что она должна любить мужа и подчиняться ему. С другой — Бонни полагала, что Кейт, очевидно, не

посвятил себя Богу, ведь он не поступал в точности так, как поступал Карл, хотя должен был жить, во всем его копируя. Расстояние, разделявшее супругов, еще больше увеличилось, когда церковь разделилась и пастор Карл увел с собой всех, кто был ему предан, чтобы основать Библейскую церковь города Мидвэйл. Несмотря на возражения Кейта, Бонни уговорила его присоединиться к этой группе. До того момента Карл Пламмер не задерживался ни в одной церкви более двух лет, после чего уходил по той или иной причине.

С самого начала Карл стал проповедовать о необходимости подчиняться власти. Он сказал своим последователям, что на пасторе лежит ответственность говорить от имени Бога, а потому его слова не подлежат сомнению. Его как пастора очень огорчали грехи народа Божьего, и когда Карл слег с сердечным заболеванием, он объяснил своим последователям, что это они виновны в его болезни, поскольку ему приходится нести за них тяжелую ответственность перед Богом. С течением времени эти обвинения и нравственное давление стали просто непереносимыми.

Первые несколько лет члены Библейской церкви собирались в различных домах и мотелях, но так и не построили собственного здания. Между тем Пламмер и его семья получили в пользование большой дом и два с половиной гектара земли. Именно тогда, через три года после основания церкви, Карл начал упрекать своих прихожанок за то, что они не дружат с его женой Эйлин. Почему они не приходят к ней в гости? Почему они не приглашают ее вместе пройтись по магазинам?

Бонни всецело находилась под влиянием Карла и незамедлительно откликнулась на его обеспокоенность. К тому моменту она уже во всем подражала Эйлин и ее детям. Поскольку Эйлин не носила серьги и не пользовалась косметикой, так же поступала и Бонни. Дети Эйлин носили одежду только одной фирмы и особенным образом причесывали волосы, и Бонни одевала и причесывала своих детей точно так же (хотя они были на несколько лет младше детей Пламмеров). Теперь же у нее появилась возможность совершить еще более богоугодный поступок. Бонни начала возить Эйлин по магазинам (та не умела водить машину). Кроме того, она буквально умоляла Пламмеров позволить ей помочь им прибраться в их доме, когда они ожидали приезда сестры Эйлин. Пламмеры были к ней так добры, они наставляли ее в вере и помогали ей духовно расти. Это было самое меньшее, что она могла для них сделать.

Так началось превращение Бонни в «служанку» Эйлин Пламмер и ее семьи. Однажды оказанная услуга превратилась в ежедневный ритуал. Бонни начала обманывать мужа, который не догадывался о том, как далеко простирается ее привязанность. Каждое утро к половине двенадцатого она шла в дом Пламмеров и возвращалась домой как раз вовремя, чтобы приготовить ужин и встретить Кейта у входной двери. Ее собственные дети постоянно оставались дома одни, потому что их мама в это время заботилась о детях Пламмеров. Кейт ни о чем не знал, а Бонни верила, что таким образом служит Господу. Ей казалось, что она «заслужит» спасение, доказав, что не «любит сына или дочь более, нежели [Иисуса]» (Мф. 10:37). Любить Бога значило быть рабыней семейства Пламмеров.

Тем временем, поскольку дети Мэйсонов росли и денег уже не хватало, Кейт время от времени предлагал Бонни устроиться на работу, чтобы пополнить семейный бюджет. Но Карл всякий раз напоминал ей о том, что она нужна своим детям дома, умалчивая о том, что она работала в его доме и ухаживала за его детьми. Он восхвалял Бонни с кафедры, называя ее примером служителя.

Бонни все больше запутывалась. Она начала ежедневно молить Бога о том, чтобы Эйлин не поручила ей еще какую-нибудь работу. Она не понимала, почему другие женщины, менее занятые домашней работой, не предлагают своей помощи. Оказалось, что две женщины предлагали помощь, но Эйлин отказалась от их услуг со словами: «Бонни все сделает». Когда Бонни была объявлена образцом духовности, остальные прихожанки прониклись к ней завистью и возненавидели ее. Сама же Бонни страдала.

Она считала, что должна рассказывать Карлу Пламмеру обо всех сторонах своей жизни. Опираясь на текст 50-го Псалма, Карл учил, что не открывать свои грехи миру — значит пытаться утаить их от Господа. Соответственно Бонни рассказывала ему обо всех, даже самых

интимных подробностях своей жизни. Она знала, что уже рассказала обо всем Богу, но Карл никогда не говорил ей, что она не нуждается в посреднике.

Когда отец Бонни умер от рака, она чувствовала себя виноватой каждый раз, когда ездила навестить его, хотя он жил всего в восьмидесяти километрах. Ей казалось, что она ставит отца выше Бога, а интересы своей семьи — выше преданности Господу. Пламмер не сделал ничего, чтобы развеять ее сомнения. Она знала, что навещать отца в воскресенье — грех, и попросила пастора съездить его навестить. Карл отказался, сославшись на то, что он не хочет вторгаться на территорию другого пастора. Когда отец Бонни скончался, Пламмеры утешили ее тем, что посоветовали ей вернуться в церковь и отдать все силы служению. Якобы для нее это было лучшим лечением.

Бонни была настолько растеряна, что утратила всякое желание следовать за Карлом Пламмером. Она больше не хотела слушать его проповеди и посещать обязательные собрания, хотя и знала, что ее ждет публичное осуждение за недостаточную преданность. Она начала осознавать, что Пламмер непоследователен в своем учении. Почему он разрешает женщинам делать завивку, но не позволяет красить волосы? Почему он разрешает носить бусы и кольца, но запрещает носить серьги? А чем плохи босоножки? Почему ее дочери не могут носить одни и те же платья, если у них одинаковый размер, и как совместное пользование одеждой может стать причиной зависти? Почему жене помощника пастора позволено носить точно такое же платье, какое купила своей дочери Бонни, но вернула в магазин, потому что Пламмер счел его «неприличным»? Почему Карлу позволено нарушать собственные предписания относительно воспитания детей, когда речь идет о его внуке? Почему детям нельзя посещать другие церкви и почему семьи не могут ездить к родственникам на праздники? Что страшного, если они пропустят одно воскресное собрание?

Бонни начала понимать что то, как Карл понимает и применяет учение, противоречит Священному Писанию. Чрезвычайно большое внимание уделялось таким грехам, как ропот и гордыня, и прихожане находились в нездоровой зависимости от пастора. Карл не был подотчетен пресвитерам, с каждым годом он все яростнее отстаивал правоту своего учения, подчеркивая его уникальность и превосходство над учениями других церквей. «Никто другой так не возвещает всю волю Божию! Карл Пламмер — наш апостол Павел!»

В конце концов незадолго до смерти Карла Пламмера семья Кейт и Бонни Мэйсон покинула Библейскую церковь города Мид-вэйл. Они многое потеряли. Незадолго до знакомства с Пламмером Кейт написал светскую песню. Пастор посоветовал ему избавиться от этой «мирской» песни, и Кейт продал права на нее за 34 доллара. К настоящему моменту эту песню записали уже три группы, и было продано более трех миллионов копий этих записей. К счастью, после пятнадцатилетнего перерыва музыкальная карьера Кейта снова идет вверх.

Бывшие друзья избегали Кейта и Бонни. Те, с кем они дружили пятнадцать лет, отворачивались, встречая их на улице. Бонни говорит, что ей это было все равно. Она рада, что свободна, но она очень беспокоится за детей. Обе ее дочери после поступления в колледж совсем отбились от рук. Они совершают однозначно плохие поступки. Бонни очень жалеет, что у нее не было возможности воспитать дочерей в обычной здоровой христианской семье, где не было бы осуждения и соперничества, порожденных учением Пламмера. Она завидовала тем, кто жил нормальной христианской жизнью. Она хотела бы вернуть потерянные годы.

Бонни не держит зла на Бога, но все еще не может простить христиан, которые причинили ей боль. Семья Пламмеров отрицает, что Карл делал что-то предосудительное, манипулировал людьми или вел себя иным неподобающим образом. Бонни же считает, что именно Пламмеры виноваты в нынешних проблемах ее детей.

Бонни знает, что в ее душе осталось еще много беспорядка и сомнений, в которых ей предстоит разобраться. Она не понимает, почему Бог позволил ей пройти через эти испытания. Она отчаянно надеется на то, что Бог укажет ей, как жить дальше и как оставить прошлое позади. Она говорит, что искренне стремится «к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (Флп. 3:14).

История Бонни, так же, как и другие истории, рассказанные в этой книге, показывает, что христиане должны научиться отличать истину от заблуждения. Когда, в какой момент библейская власть превращается в духовное насилие? Какие признаки указывают на то, что какая-то конкретная церковь скатывается к авторитарности?

Все пасторы, о которых мы говорили выше, несомненно, стремятся к власти. Пытаясь контролировать других людей и манипулировать ими, они показывают нам многие стороны своей личности. Специалисты, изучающие человеческое поведение, считают, что жажда власти — это следствие глубоко спрятанной неуверенности в себе или нужды. У меня сложилось впечатление, что многие авторитарные пасторы выходят из неблагополучной среды и мучаются от неуверенности в себе, несмотря на свой имидж негибких вождей. Это люди, движимые жаждой власти и стремлением быть на виду. Руководители, которые прибегают к духовному насилию, зачастую прячутся за авторитет Бога, чтобы дорваться до власти.

Но, как справедливо заметила Шерил Форбс, слова «власть» и «авторитет» — не синонимы.

Пользоваться властью — значит настаивать на том, чего нам хочется, в силу той единственной причины, что нам этого хочется; это значит принуждать других следовать за нами вопреки их собственным желаниям. Власть искусственна, равнодушна, она делает людей жестокими, в конечном счете она деструктивна. Напротив, авторитет реален, и он обычно подразумевает свободу в четко контролируемых рамках.

Хотя Форбс и не имела в виду авторитарные церкви, тем не менее ее выводы самым непосредственным образом применимы к материалу, который я собрал в настоящей книге. Обратите внимание на следующее проницательное высказывание:

Использование власти всегда связано с принуждением и насилием, потому что цель власти состоит в том, чтобы воспроизвести саму себя. Все, что препятствует этому воспроизведению, должно быть устранено. Напротив, использование авторитета, как правило, не имеет ничего общего с принуждением, насилием и манипулированием. Но в своем ревностном желании служить Богу мы решили, что если кто-то не признает наш авторитет, мы принудим его, используя власть.

Наилучшим примером для подражания в том, что касается использования авторитета и власти, для нас является Иисус. Хотя в Его распоряжении находилась безграничная власть на небесах и на земле, Писание ясно свидетельствует, что Он никогда не злоупотреблял ею. Однажды Он сказал Своим ученикам: **«...вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих»** (Мф. 20:25-28).

В своей книге «Исцеляя израненных» Джон Уайт и Кен Блю обращаются к проблеме духовной тирании, которая возникает, когда руководители злоупотребляют своей властью и стремятся подчинить себе других христиан.

В среде христиан присутствует некоторая напряженность, порождаемая тем, что одни делают акцент на главенстве Церкви, а другие — на главенстве Писания. Обе точки зрения таят в себе свои опасности. Первая утверждает, что жизни отдельных верующих подчинены Церкви. Аналогичным образом те, кто подчеркивает роль Писания, утверждают, что поведение христиан должно контролироваться Писанием. Обе эти идеи присутствуют в Библии. Между ними нет никакого противоречия. Противоречие возникает в головах руководителей, которые пытаются использовать либо Церковь, либо Библию, либо и то и другое, чтобы властвовать над верующими. Церковное руководство и само подчиняется авторитету Писания, но этот авторитет никогда не следует использовать для принуждения: он не делает руководителей правителями.

Слово «правитель» как нельзя лучше подходит для описания людей, присвоивших себе авторитарную власть. Эти люди — духовные тираны, которые получают греховное

наслаждение, требуя от своих прихожан послушания и подчинения. Важно понимать, что любой лидер зависит от своих последователей, а в подлинно христианском смысле это означает сотрудничество с лидером, а не господство и власть со стороны лидера. Таким образом, подлинно христианский руководитель действует на основании авторитета, вверенного ему людьми.

Единоличный духовный властитель, религиозный диктатор пытается принудить прихожан к послушанию; подлинно христианский руководитель завоевывает их доверие.

Руководители церкви должны быть подотчетны как Богу, так и своим прихожанам. Они должны стремиться проявлять в своей жизни качества Господа нашего Иисуса Христа, «Пастыря овец великого». «Руководителям надлежит помогать людям, а не господствовать над ними. Роль руководителей очень важна, но они должны пользоваться своей властью так, как это делал Иисус, и не должны забывать о том, что до тех пор, пока они (как и все мы) не взошли на небеса, они, в отличие от Иисуса, открыты для уловок сатаны».

Как правило, пасторы авторитарных церквей не видят разницы между духовной и светской властью. Джон Уайт и Кен Блю пишут:

Время от времени пасторы, особенно если они молоды и неопытны, говорят: «Вы должны подчиняться мне, потому что Бог поставил меня над вами». Возможно, так оно и есть, но такие слова никогда не сорвутся с уст истинного лидера, потому что авторитет истинного лидера зиждется на духовной силе. Такие слова доказывают, что произнесший их непригоден для своего служения. Они могут сделать нас рабами иного евангелия, вместо того чтобы вести нас к свободе во Христе.

Пастор Фил Агилар из Христианского братства «Set Free» любит повторять: «Либо вы делаете по-моему, либо не делаете никак». Высокомерие этих слов резко контрастирует с добротой и смирением Христа. Пастор Дон Барнетт из «Community Chapel» проявлял такое же, как у пастора Филадельфии; отношение: «У меня есть помазание, а поскольку у меня есть помазание, я знаю, что делаю». Такой образ мыслей явно опасен, но многие члены авторитарных церквей не считают его неправильным. Они смотрят на пастора и говорят: «Как может ошибаться исполненный Духом, помазанный пастор?» Молодой человек, история которого приводится ниже, на своем горьком опыте убедился, что значит оказаться не в той церкви и не в то время.

* * *

По словам Брюса Хогана, он «успешно приходит в себя» после шести страшных лет, проведенных в очень агрессивной церкви «Дом горшечника» (Potter's House), также именуемой «Ла Пуэрта» (La Puerta т. е. «Дверь»), «Церковь победы» (Victory Chapel) и Церковь христианского сообщества (Christian Fellowship Church) и расположенной в городе Прескотте (Аризона). В эту церковь его привели духовные поиски, которыми он занялся после того, как бросил школу. По собственному признанию, Брюс вырос в «традиционной и пережившей не один развод семье». Его отец бросил семью, когда мальчику было три года, и Брюс искал настоящего отца. В конце концов он нашел своего Небесного Отца, но прежде ему пришлось претерпеть немало боли и страданий от рук лидеров авторитарной церкви. «Прежде я не был знаком с христианством и не получил христианского воспитания, а потому не знал, как распознать подделку. Жизнь моей семьи была типична для поколения, символами которого стали развод и MTV, и я, как мне кажется, искал что-то наподобие искусственной семьи, которую мне поднесли бы на блюдечке. Невежество в сочетании с желанием всегда приводит к беде».

Сегодня Брюсу 28 лет, но выглядит он на все сорок. Он впервые столкнулся с «Домом горшечника» сразу после того, как оставил работу артиста в ночном клубе. По примеру своего отца он много лет занимался оккультизмом, но в свой восемнадцатый день рождения нашел Бога, балуясь «расслабляющими химическими веществами», и получил «сверхъестественное спасение». Он убежден, что Бог сотворил настоящее чудо, когда спас его, потому что оккультные знания в семье его отца передавались из поколения в поколение.

Ничего не зная о Библии, Брюс почел за лучшее изменить беспорядочный образ жизни и поступить в колледж. Он успешно сдал вступительные экзамены и только-только начал учиться в Юго-Восточном университете штата Миссури, когда в городе впервые появились члены «Дома горшечника». Энтузиазм этих людей произвел на Брюса большое впечатление, а их слова задели его за живое. В 1984 году Брюс вступил в их ряды.

Брюса как очень здравомыслящего человека с самого начала беспокоило большое внимание, которое эта церковь уделяла вопросам власти, подчинения и духовного руководства. И все-таки он надеялся, что церковь поможет ему обуздать его ужасно непокорный нрав.

Во время учебы в университете Брюс сам зарабатывал себе на жизнь. Помимо работы и учебы, он также включился в деятельность церкви, участвуя в евангелизационных мероприятиях, собраниях пробуждения и обычных богослужениях. В течение нескольких месяцев он хронически недосыпал, его успеваемость снизилась, после чего он попал в больницу с диагнозом «истощение». Лечащий врач сказал, что Брюс должен прекратить столь бурную деятельность, иначе он умрет в течение нескольких недель. Но, поскольку на кон было поставлено его спасение, Брюс продолжал подавлять в себе голос разума, во всем полагаясь на руководство «Дома горшечника». Неделя за неделей он посещал собрания, которые затягивались далеко за полночь, и такая жизнь сделала свое дело — он «попросту перестал думать». «Я отдал свою жизнь в полное распоряжение нечестивым людям» и в конце концов понял, что «поддаться на обман может даже избранный Богом».

Брюс считает, что во времена своего расцвета «Дом горшечника» объединял в себе сотни поместных собраний. Руководство церкви старается вести как можно меньше записей, доступ к информации имеют лишь немногие избранные. Уэйланд Митчелл управлял всей организацией из Прескотта. Поместные собрания не могли выбирать себе лидеров. За то время, что Брюс провел в церкви, в его собрании сменились три пастора — все они были присланы из Прескотта. Брюс говорит, что церковь «Дом горшечника» очень агрессивна и особое внимание уделяет созданию новых церквей. Она поддерживает в своих членах высокий уровень преданности и ограничивает самостоятельность их мышления. Брюса называли «образованным идиотом с высоким IQ». Ему говорили: «У тебя явно есть призвание. Тебе следует заниматься служением и оставаться нашим учеником».

Присущее Брюсу любопытство и аналитический склад ума всегда считались проявлением непокорности. Когда он попытался указать одному из лидеров на то, что его учение расходится с Писанием, на него обрушился поток упреков: «Я пастырь. Ты овца. Мой покров — Бог, и я в ответе лишь перед Ним. Не забывай об этом». Брюс говорит: «Жаль, что здесь нет апостола Павла. Он бы дал кое-кому под зад... Простите. Он привел бы все в соответствие с богословскими принципами».

По мнению Брюса, «Дом горшечника» привлекает альтруистов, которые ничего или почти ничего не знают о Боге и Писании, но находятся в духовном поиске. Эта церковь успешно работает с «теми слоями и сегментами общества, которые никому другому не удастся затронуть». Проблема, по словам Брюса, в том, что людей, вступивших в эту организацию, «убивают», и если они когда-нибудь покинут «Дом горшечника», они едва ли будут служить Господу. Большинство членов этой церкви узнали Бога, уже будучи ее членами, — никакого христианского опыта, помимо жизни в «Доме горшечника», у них нет.

Брюс убежден, что попал в «Дом горшечника» по своей вине. У него нет для себя оправданий. «У меня была Библия. У меня было свидетельство Святого Духа. Я знал, что что-то не так, но думал, что дело просто в моем нежелании подчиняться... Я уволил маленького внутреннего адвоката, который пытался меня спасти».

После шести лет психологического давления и злоупотреблений пасторской властью Брюс и его новая жена покинули «Дом горшечника». Его «спасла» книга Джорджа Оруэлла «Скотный двор», в которой речь идет о тоталитаризме, но которая, по мнению Брюса, также очень точно описывает внутреннюю атмосферу церкви в Прескотте. Он понимает, что такая причина ухода необычна, но эта книга оживила его способность критически и независимо мыслить.

Прихожане «Дома горшечника», «скорые на осуждение и медленные на милосердие», перестали общаться с Хоганами. Брюсу и его жене сказали, что они идут в ад и что они никогда

не будут спасены. Руководство церкви распространяло о них клеветнические слухи. «В подвале своего дома я приношу детей в жертву, я гомосексуалист, и все такое прочее». В конце концов они все бросили и уехали из города.

Брюс не испытывал доверия ни к одной другой церкви, а потому решил: «Ну и черт с ним! Останусь дома и буду читать Библию. «Каждый в свой шатер». Полгода спустя Брюсу открылась истина Писания — прежде всего потому, что он серьезно повредил на работе спину и все это время ничего не мог делать. Теперь, чувствуя себя очень старым, он говорит: «Народ Божий истребляется за недостаток видения. Если бы Господь на шесть месяцев не уложил меня в постель, я бы стал еретиком. Я занимался только тем, что читал Библию».

Брюсу было очень трудно простить своих бывших лидеров, и его можно понять. «Чтобы пережить мучительный процесс выхода из авторитарной церкви, вы должны признаться себе в том, что вас накололи, и от всего сердца простить. Иначе, как сказал наш Господь, вы будете отданы истязателям. Когда я наконец от всего сердца простил их, я начал выздоравливать». Его язык, хотя и не такой язвительный, как год назад, по-прежнему остер. Перефразируя Лютера, он говорит: «Если ад существует, то Прескотт построен прямо над ним».

Как видно из рассказа Брюса, авторитарные церкви зачастую состоят из молодых, духовно незрелых христиан. Такого рода церкви имеют успех лишь потому, что восполняют основные человеческие потребности — потребность быть частью группы, потребность в одобрении, потребность в признании, потребность в семье. Руководители таких церквей нередко берут на себя функции приемных родителей — особенно по отношению к молодым людям и девушкам, выросшим в неблагополучных семьях. Один бывший член маленькой авторитарной общины под названием «Церковь Иисуса Христа навсегда» (Church of Jesus Christ Forever) так отзывается о женщине, которая выполняла в ней роль пастора: «Она действительно заботилась о нас. Мы были молоды, чего-то искали, и она на самом деле взяла нас под свое крыло». Выражая точно такие же чувства, бывшая прихожанка одной церкви с Восточного побережья США так описывает привлекательные стороны авторитарной церкви, к которой она примкнула: «Я никогда не чувствовала, что у меня есть семья, пока не пришла в эту церковь. Никогда раньше я не чувствовала, что меня так любят и так обо мне заботятся. Эта церковь стала первой в моей жизни семьей».

Несмотря на то, что церкви, склонные к духовному насилию, плохо вписываются в рамки традиционного евангельского христианства, их взгляды ближе к библейской ортодоксии, чем к явной ереси. Более того, в их богословии часто присутствуют едва уловимые искажения библейского учения. Оглядываясь на годы, проведенные в «Общине Иисуса» на полуострове Кейп Код, бывший член этой церкви делится своими мыслями, которые мне слишком часто приходится слышать от таких людей:

Вы позволяете себя ослепить и лезете из кожи вон, стараясь поверить, что это делается для вашего же блага... Думаю, что мне и многим другим, возможно, новообращенным христианам сообщали библейские истины, и искажения были не очень велики, но истины были искажены... Так или иначе, вы не догадываетесь об искажениях и принимаете эти учения как исходящие от Бога, поскольку считаете, что они [лидеры церкви] возвещают истину, которую в Библии дал нам Бог... Все, что они говорят, звучит вполне разумно. Но в применении этих учений есть что-то... настолько неуловимый момент, что его трудно объяснить словами... что-то в том, как они применяют эти учения, что переворачивает все с ног на голову.

Таким образом, ключевую роль в определении такой церкви играет то, что потенциально авторитарные церкви порождают в своих членах нездоровую духовную и прочую зависимость, уделяя главное внимание вопросам подчинения и послушания тем, кто обладает властью. Они создают впечатление, что люди не способны выпутаться из жизненного лабиринта без многочисленных четких указаний сверху. Они культивируют то, что Макдональд называет

«выученной беспомощностью». Он пишет: «Примечательно, что многим здравомыслящим христианам даже нравится, когда им говорят, что делать. Прихожане церковей «Великого поручения» обращаются к пресвитерам за разрешением съездить домой и навестить родителей или друзей и спрашивают, когда они должны вернуться; они обращаются к ним за разрешением сходить на вечеринку с неверующими...».

Озабоченность вызывает тот факт, что многие христиане действительно попадают в западню авторитаризма благодаря своей склонности видеть жизнь в черно-белом цвете, которая очень удобна для авторитарных церковей. Если вас в силу особенностей вашего характера привлекают обещания полной безопасности и решения всех проблем, вы беззащитны перед духовными злоупотреблениями. Если вы цените свою духовную независимость, вы должны отвергнуть любое учение, которое подвергает сомнению роль Христа как единственного посредника между Богом и человечеством. Никто из христиан не обязан беспрекословно повиноваться какому-то другому человеку. Право иметь учеников заслуживает только Иисус Христос.

Если вы новообращенный, стойте в свободе, которую дает вам новая жизнь во Христе. У бывших членов Христианского братства «Set Free» есть шутка: «Мы освободились от свободы». Они оказались не в истинной свободе, а в рабстве, и вместо духовного роста обрели духовный инфантилизм и зависимость. Какой бы привлекательной и жизнерадостной ни казалась вам поначалу та или иная церковь, следуйте примеру усердных верийцев, которые, слушая Павла, *«ежедневно разбирали Писания, точно ли это так»* (Деян. 17:11).

Христианин, обладающий навыком различения добра и зла, не Должен забывать и о ловушке законничества. На страницах этой книги мы видели целый ряд примеров того, как жестко регламентированный образ жизни и правила поведения могут задушить духовную свободу и создать благоприятные условия для злоупотребления властью. Одержимость соблюдением христианских правил стимулирует в прихожанах чувство вины и становится в руках авторитарного лидера действенным орудием контроля. «Законничество никогда не укрепляет церковную дисциплину, ибо законничество уводит нас от следования за Христом к иному евангелию, которое говорит, что одного лишь Креста недостаточно».

Еще одна особенность церкви, которая может привести к злоупотреблениям, — склонность к изоляции от окружающего мира, целенаправленные усилия ограничить приток информации извне, иными словами — контроль за информацией. Остерегайтесь церковей, которые последовательно не позволяют служителям из других общин проповедовать на своих собраниях, в которых регулярно осуждают, унижают или высмеивают другие христианские церкви. Руководители авторитарных церковей редко готовы делить свой авторитет с кем-либо еще, будь то посторонний человек или член этой же церкви. Их высоким требованиям никто не способен соответствовать. По словам Мари Коласиньской, «девятью девятью процентов людей, которые называют себя христианами, на самом деле являются врагами Креста».

Основываясь на результатах кропотливых исследований и личных наблюдениях, я считаю, что авторитарные лидеры — индивидуалисты, то есть они не способны успешно и добровольно выполнять свои функции сдерживающих и уравнивающих сил. Они ревниво оберегают свою независимость и не желают быть кому-либо подотчетными. Можно сказать, что они превращают свое служение в духовный «театр одного актера». И да поможет Бог тому человеку, который встанет у них на пути или станет «гнать волну». Да, иногда у них есть совет пресвитеров или нечто подобное, но в большинстве случаев этот орган представляет собой круг верных клонов пастора, которые по определению согласны с любыми его идеями.

Как мы уже убедились, еще одним признаком грядущих проблем является заикленность на дисциплине и регулярные отлучения людей от церкви. Опасайтесь церковей, которые грозят вам погибелью в случае, если вы выйдете из-под ее «покрова» или «нарушите завет». К человеку, которого изгнали из собрания, не испытывают никакого сострадания. Подавляющее большинство бывших членов авторитарных церковей, с которыми я беседовал, считают, что их бывшие лидеры холодно, почти жестоко относятся к тем, кто уходит из общины — неважно, по собственному желанию или по принуждению. Все они, почти без исключения, утверждают, что руководство церкви никак не попыталось примириться с ними и не предпринимало никаких

усилий, чтобы исцелить нанесенные им душевные травмы. Напротив, участь тех, кто ушел из церкви, используют как предостережение потенциальным «сеятелям раздора». Кто-то процитировал слова руководителя небольшой общины из штата Пенсильвания под названием «Церковь нашей первой любви» (Church of Our First Love): «Всякого, кто препятствует моему труду, Бог уберет отсюда».

Бывший участник Бостонского движения рассказывает, что, решив уйти из этой церкви на поиски духовной пищи, он «в полной мере испытал на себе дружеское убеждение, давление, праведный гнев и, в конце концов, некую форму «отчуждения», когда человек продолжает существовать, но для братьев и сестер становится во всех отношениях «мертвым». Уйти из «Бостонской Церкви Христа», пусть даже в другую общину «Церкви Христа», считалось недопустимым; уйти означало проявить слабость, совершить грех, это было все равно, что избрать вечную погибель». Он добавляет: «С тех пор ни один член «Бостонской Церкви Христа» ни разу не попытался поговорить со мной».

Когда начинают разрушаться семейные отношения и руководство церкви призывает прихожан разорвать отношения с оставшимися вне группы родственниками, это несомненный признак того, что церковь скатывается к авторитаризму. «Будьте готовы сменить верность своей обычной семье на верность семье Божьей, — советует Мари Коласиньска из «Братства Тела Христова». — Для Бога эти кровные узы — запачканная одежда». Так что если в ваших упорядоченных семейных отношениях начинаются потрясения, бодритесь! Когда христианина просят принести семейные отношения в жертву верности церкви, из этой церкви пора бежать.

«Духовная семья» в авторитарных церквях нередко заменяет собой семью биологическую, а руководители церкви берут на себя роль родителей. Говорят, что основатель «Великого поручения» Джим Маккоттер присвоил себе «родительскую власть над этими молодыми людьми», когда позволил молодым «старейшинам» оказывать большее воздействие на жизнь молодых верующих, чем это было позволено родителям последних.

В 1991 году два молодых члена Христианского братства «Set Free» (одна из них была невесткой пастора) позвонили своим матерям-христианкам и заявили, что больше никогда не желают их видеть и слышать, потому что те поделились с репортерами и автором настоящей книги своей озабоченностью по поводу деятельности «Set Free». Какое-то время спустя одна из этих матерей и ее муж привезли подарки внукам, с которыми им не разрешали видеться, и сын пастора Фила Агилара обратился в полицию, обвинив родителей своей жены в незаконном вторжении на территорию церкви. Подарки были возвращены упакованными в большую картонную коробку с сопроводительной запиской: «Спасибо, не нужно!»

Когда евангельская церковь вводит у себя систему надзора и призывает своих членов внимательно следить друг за другом, пора искать другую церковь. Бывший участник Бостонского движения описывает ситуацию, типичную для большинства авторитарных церквей:

За христианской жизнью каждого наблюдал кто-то, наделенный теми или иными полномочиями; каждому члену церкви указывали на замеченные за ним промахи, давали советы и следили за их исполнением; каждого побуждали определить истинное состояние своей души, ее грехи и слабости, а затем честно и открыто исповедовать их тем, кто ему служит и кому он подчиняется.

Встревожиться можно и в том случае, когда консервативная христианская церковь начинает проявлять признаки нездорового высокомерия. Эта черта связана с изоляционистскими настроениями, о которых я уже упоминал, и прекрасным тому примером служит Бостонское движение. Бывший участник этого движения рассказывает:

[«Бостонская Церковь Христа»] вызывающе противопоставляет себя всем, кто не имеет к ней непосредственного отношения... Доступ в это сообщество избранных получают через узкие врата крещения, которое одновременно является результатом напряженного «подсчета издержек», приводящего к совершенно сознательному

подчинению всего себя как раскаявшегося грешника господству Иисуса, пожизненному посвящению себя служению нуждам Тела и абсолютному послушанию лидерам движения.

Христианин, читающий эту книгу, увидит в приведенных здесь примерах злоупотреблений пасторской властью и духовной эксплуатации очевидное противоречие с библейским учением. Возможно, вам даже покажется, что все проявления насилия, описываемые на этих страницах, очень далеки от мира обычного рядового прихожанина. Хотелось бы надеяться, что это действительно так.

Увы, я убедился в том, что склонность к авторитарному стилю руководства встречается гораздо чаще, чем думает большинство христиан. Если мы честны сами с собой, нам следует признать, что по крайней мере потенциальная возможность авторитаризма существует и в некоторых из наших общин.

В заключительной главе я вернусь к этой проблеме и к той опасности, которую она представляет, но прежде позвольте мне кратко высказаться по поводу одной настораживающей тенденции, которую я наблюдаю в сегодняшнем евангельском сообществе. Похоже, что в нас живет какая-то потребность плодить евангельских гуру, христианских знаменитостей, суперпасторов мегацерквей и разных прочих «учителей» и «экспертов», которых мы сами возводим на пасторские кафедры. Откуда в людях, в том числе и в евангельских христианах, эта очевидная потребность в авторитетах, нужда в том, чтобы кто-нибудь разделил с нами ответственность за нашу жизнь? Как много лет назад заметил Дейвид Джилл:

Мы хотим героев! Мы хотим быть уверены, что кто-то знает, что творится в этом сумасшедшем мире. Мы хотим отца или мать, на которых мы могли бы опереться. Мы хотим народных героев-революционеров, которые объяснили бы нам, что делать, пока восхищение Церкви еще не произошло. Мы льстим самолюбию этих демагогов и канонизируем каждое высказанное ими мнение. Мы безропотно принимаем любые доводы, которые они приводят в оправдание своих ошибок и отклонений.

Христиане, как и прочие члены общества, живут в культуре, которая быстро меняется и теряет четкие очертания. У многих есть вполне обоснованные страхи, и их притягивают к себе организации и церкви, которые предлагают им четкие и последовательные пути решения жизненных проблем. Тем, кто вырос в неблагополучной семье, чьей жизни недостает упорядоченности, авторитарные церкви кажутся тихой и безопасной гаванью. Иногда приятно, когда другие принимают за тебя решения, говорят тебе, как жить, и указывают, во что верить.

Джеймс Пакер в журнале «Christianity Today» напоминает нам о том, что мир евангельского христианства разъедается «культом личности». Мы, консервативные евангельские христиане, возводим некоторых людей на пьедестал непогрешимости. «По поводу следующего одного за другим вопроса люди рассуждают таким образом: «Так говорит Билли Грэм / Мартин Ллойд-Джонс / Джон Уимбер / Джон Стотт / Чак Суиндолл / Элизабет Эллиот / Роберт Спраул / ... (впишите сюда любого, кого вы считаете для себя авторитетом); я в это верю; вопросов больше нет».

Если мы хотим избежать трагедии авторитаризма в своей семье, в своей церкви, в своей программе христианского обучения, мы должны неустанно воспитывать в людях умение и желание критически мыслить и отличать истину от заблуждения.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРЕМЕНЫ

Авторитарные церкви будут всегда

Мы покались, и нас вновь приняли в общину, но люди боялись иметь с нами дело. Когда мы вернулись, они не знали, что сказать. Они не знали, в чем была проблема, что мы такого натворили и что следует или чего не следует говорить, чтобы самим не впасть в немилость. Они не знали, как к нам относиться, поскольку прежде я был руководящим

братом, а потом «пал». Но сильнее всего меня беспокоило другое: если наше покаяние было принято и нам позволили вернуться, почему никто из работников или руководящих братьев ни разу не зашел посмотреть, как мы живем, или просто на чашку чая? Сочувствия с их стороны почти не ощущалось.

История одиннадцатилетнего пребывания Кайла Ларсона в церкви «Ассамблея» (The Assembly) Джорджа Гефтакиса отражает все стороны психологического, эмоционального и духовного насилия, свойственного многим ультрафундаменталистским церквям. В иерархии «Ассамблей» Кайл и его жена занимали положение «работников» и были подотчетны пастырям. Ради этого они отказались от преподавательской карьеры и напрасно растратили одиннадцать лет своей жизни, пытаясь обрести вечную жизнь в соответствии с видением «брата Джорджа». За все время супружества они никогда не оставались наедине, но всегда жили в окружении не менее чем семнадцати «братьев и сестер» и находились под их духовным руководством.

Церковь «Ассамблея» расположена в городе Фуллертоне (Калифорния). Возглавляющий ее шестидесятичетырехлетний брат Джордж Гефтакис, выпускник Тэлботской богословской школы и бывший баптистский пастор, являет собой пример для подражания, которому следуют его приверженцы во всех концах США. Попав под сильное влияние богословия Плимутских братьев, которые с осуждением относятся к организованному христианству, брат Джордж начал свое служение в среде студентов-хиппи поколения 70-х годов. Ища себе приверженцев в местном колледже и университете («поскольку люди старшего возраста не хотят меняться и закоснели в своих привычках»), брат Джордж начал с выступлений на домашних собраниях молодых раскрепощенных людей, обратившихся в христианство из движения хиппи. Кайл говорит: «Мы были готовы пригласить к себе любого проповедника, который хотел поговорить с группой христиан». Никто из этих молодых людей не был толком знаком с Библией и не имел опыта различения истины и лжи. Все они горели для Бога и хотели, чтобы их жизнь была полностью посвящена Ему. Они были готовы стать миссионерами, если Бог этого пожелает.

Брат Джордж регулярно проповедовал в двух южнокалифорнийских общинах, которые назывались «Домом христианской любви» (House of Christian Love) и «Домом Божьей благодати» (House of the Lord's Grace). Кайл был потрясен: «Он действительно умел проповедовать». Во время новогодних каникул 1971 года брат Джордж пригласил своих новых последователей на семинар. В числе участников были представители двух упомянутых общин и несколько молодых семей, которые повсюду следовали за братом Джорджем, посещая все занятия по изучению Библии, которые он вел. К тому времени Кайл и его друзья были христианами уже около полугода. «Он начал открывать нам Писание и объяснять, что значит участвовать в совместном свидетельстве». К февралю того же года послушать наставления Джорджа уже регулярно собиралась группа из тридцати пяти человек. В надежде, что молодая церковь окажет положительное влияние на неблагополучный район Хиллкрест-парк, городские власти предложили ей в бесплатное пользование центр отдыха.

Кайл вспоминает, что в течение полугода брат Джордж избрал «руководящих братьев», которые вошли в состав руководящего совета. Поначалу Джордж использовал свою власть вполне разумно. Братья и сестры расселились по разным домам в том же районе, и началась строго упорядоченная деятельность церкви. Все это было совершенно не похоже на спокойный и неторопливый образ жизни, к которому привыкли молодые прихожане. Существовавшие прежде христианские коммуны были гораздо менее организованны. «У нас не было правил и предписаний; мы приходили и уходили, когда захочется. Мы просто жили вместе, потому что для нас это было естественным продолжением образа жизни, который мы вели в прошлом».

В новых «братских домах» был установлен жесткий порядок, который предусматривал ночные собрания, общий бюджет и распределение обязанностей. (Такие же «сестринские дома» были организованы несколькими годами позже.) Посещение всех собраний, которые проводились не менее шести раз в неделю, было обязательным. Для всех этих дел приходилось отрывать время от учебы, и многие так и не закончили колледж.

Кайл рассказывает, что «Джордж обладает очень деспотическим нравом, он крайне самоуверен и догматичен. Его представления о мире не вполне согласуются с реальностью, но он очень умен». Хотя он всегда называет себя «братом среди братьев», ни у кого нет ни малейшего сомнения в том, кто стоит во главе «Ассамблеи». По словам Кайла, «вне всяких сомнений было ясно, кто здесь руководитель, кто дает указания, советы и наставления. Это Джордж. Он с самого начала обеспечил себе такое положение. Не думаю, чтобы оно когда-нибудь, хоть на секунду, изменялось».

Брат Джордж утверждает, что на него возложено «пророческое служение». Он много говорит о том, как его последователи должны относиться к нему, помазанному Богом «рабу Господню». Он никогда не называет себя единственным служителем Божьим и не претендует на уникальное помазание, но это ему и не нужно. Все его последователи без слов понимают, что в том служении, к которому все они принадлежат и которому все они хранят верность, брат Джордж — «раб Господень».

Название церкви «Ассамблея» возникло как выражение негативного отношения к организованной церкви. Говорили, что у слова «церковь» есть нехорошая коннотация. «Церковь — это здание, и это слово используется неправильно. Мы — собрание, ассамблея; мы — еkkлeсия; мы не называемся никаким другим именем, кроме имени Христа, — у нас нет названия, мы просто «Ассамблея»». Из-за враждебного отношения «Ассамблеи» к традиционным конфессиям ее время от времени путали с «Поместной церковью» (Local Church) Уитнеса Ли, и, как рассказывает Кайл, у них происходили «очень большие стычки» с членами «Поместной церкви». Обе эти группы с презрением относятся к организованному христианству (обе обязаны этим влиянию Плимутских братьев), но «Ассамблея» не практикует «молитвочтение» и обряды, характерные для «Поместной церкви».

Кайл и его жена стали «работниками». Работники больше других были приближены к брату Джорджу и составляли его «внутренний круг». Требования, предъявляемые к работникам, были изложены в виде списка из двадцати восьми пунктов, в числе которых ключевым считалось признание того, что брат Джордж — это «раб Господень», подчиняться и хранить верность которому должен каждый член общины. Внутренний круг работников руководит всей деятельностью «Ассамблеи», поместные «Ассамблеи» управляются советом руководящих братьев.

Кайл утверждает, что в первые годы «брат Джордж проповедовал в воскресенье утром, брат Джордж проповедовал в воскресенье днем и брат Джордж проповедовал в среду вечером. Брат Джордж выступал на молитвенных собраниях и проповедовал утром в субботу». Тогда он посвящал работников во все свои мысли и идеи — до тех пор, пока братья не «развились». После этого наиболее «зрелым» братьям было позволено «брать слово и проповедовать». Никому постороннему обращаться к собравшимся с проповедью к «Ассамблее» не позволялось. Последователи брата Джорджа сравнивали его с апостолом Павлом и считали, что возложенная на него миссия состоит в том, чтобы создавать новые «Ассамблеи» и проповедовать.

Теперь Кайл понимает, что многие поступки, которые совершил он сам и другие члены церкви, были прямым следствием указаний брата Джорджа на то, как они должны поступать: «Хотя мы практически уже не были детьми, с нами обращались, как с детьми». Тех, кого брат Джордж лишал своей благосклонности, в особенности людей старшего возраста, позволявших себе оспаривать его учение и авторитет, изгоняли из общины и осыпали насмешками: «Нормальные взаимоотношения с братом Джорджем невозможны, если он не чувствует своего превосходства над тобой».

Самые изощренные способы психологического давления брат Джордж приберегал для собраний работников, поскольку считал, что работники должны воспитывать в себе «толстокожесть». Многие словесные и психологические оскорбления он оставлял для бесед с глазу на глаз, но все же позволял себе на закрытых собраниях для работников, куда рядовых членов церкви никогда не приглашали, издеваться над инакомыслящими.

По словам Кайла, рядовые члены не имели представления об этой изнанке церковной жизни. «Они видели энтузиазм, широкий размах благовестия, впечатляющую личную заинтересованность членов церкви и товарищеское отношение со стороны тех, с кем ты

трудишься». Но они не были осведомлены обо всех внутренних подробностях «Работы»: о проблемах руководства, ученичества, принятия решений и проч. В списке требований, предъявляемых к работникам, сказано: «Руководство не придерживается демократических принципов... У нас есть право требовать преданности Работе... Мы включаемся в Работу... и посвящаем себя Работе...»

Считается, что посещать собрания «Ассамблеи» и участвовать в вечере Господней может любой христианин — никого не выгонят, ибо «в Божьей семье и в Божьем замысле есть место для всех». Однако бывшие члены церкви говорят, что на практике этот принцип не осуществляется.

Уход из «Ассамблеи» был мучительным испытанием для Кайла и его жены, потому что уйти значило лишиться «покрова». Уйти значило подвергнуть себя физической опасности со стороны «врага» и позволить ему осквернить твое свидетельство. Прихожанам постоянно говорили, что «в мире нет другого такого места, как эта «Ассамблея» в Фуллертоне». Кайл говорит, что духовное давление могло быть очень сильным. Членов церкви вызывали на совет руководящих братьев и выговаривали им за такие нарушения дисциплины, как желание послушать других христианских проповедников, «дух непокорности», несогласие с руководством, неподчинение лидерам, сомнения в словах брата Джорджа или желание посетить другую церковь. «За столом сидит один человек, а по другую сторону от него — целый отряд. Руководитель говорит тебе, что ты не прав, объясняет, почему ты не прав, говорит, что ты должен покаяться, а потом все остальные по очереди с ним соглашаются. На человека, ставшего объектом критики, обрушивается невероятное психологическое давление. В большинстве случаев все заканчивается слезами и покаянием, и человек либо вновь обретает благосклонность руководства, либо покидает общину». Давление со стороны других членов церкви также является чрезвычайно эффективным орудием воздействия на «сбившихся с пути».

Хотя прихожанам говорят, что разногласия между «благочестивыми людьми» вполне позволительны, на практике никакое вольнодумство не допускается. Брат Джордж утверждает, что он подотчетен руководящим братьям и что он ничего не делает без их одобрения. Но они «всегда соглашаются с ним», потому что «брат Джордж наделен способностью видеть то, чего мы не видим». В результате брат Джордж и горстка его приспешников обладают безраздельной властью над жизнью членов «Ассамблеи». Прихожанам указывают, какой род занятий угоден Богу, могут ли они работать по имеющейся у них специальности, когда и на ком они могут жениться, где им жить, с кем встречаться, как они могут распоряжаться своими деньгами и даже какие продукты они могут или не могут есть.

Когда дело касается семьи и детей, члены «Ассамблеи» оказываются в полной растерянности. Домашним обязанностям и необходимости проводить время с семьей уделяется большое внимание, но церковные мероприятия настолько часты, что детей приходится оставлять без присмотра. По наблюдениям Кайла, очень повезет той семье, которая за целый год сможет провести вместе хотя бы две субботы. Дети с самого момента рождения должны присутствовать на всех собраниях и вести себя тихо «в присутствии Господа». «Если ты уезжаешь с семьей за город или просто хочешь немного отдохнуть, то чувствуешь себя виноватым. Если ты в выходной день едешь навестить родственников, значит ты хочешь не того, чего хочет Бог, и ходишь путями этого мира».

К работникам предъявляются самые жесткие и обременительные требования, которые зачастую включают в себя ведение обширной переписки, участие в евангелизации и посещение собраний. И воскресенье, конечно же, должно быть целиком отдано Господу.

Брат Джордж учит «широкими мазками», по целой главе из Библии за раз. Во время двухчасового собрания он может использовать 300–400 библейских цитат, пытаясь найти во всех этих отрывках одну общую мысль или некую закономерность. Как часто говорит своим последователям брат Джордж, он убежден, что подавляющее их большинство «в конце концов оставит его», но если хотя бы один или двое останутся ему верны, его труды не пропадут даром. В конце концов ему уготованы неизбежные «страшные гонения». Он призывает прихожан все преодолеть и получить свое «наследство».

Брат Джордж полагает, что самая важная часть спасения еще впереди. В соответствии с его богословской теорией, только победители, то есть члены «Ассамблеи», будут править с Христом в тысячелетнем Царстве, которое и будет для них «наследством» за принятие Божьей благодати. В конце тысячелетия и после того, как будет повержен сатана, в вечное Царство попадут все верующие, но первыми будут править те, кто получил «наследство».

Для того чтобы обеспечить себе полную власть над своей паствой, брат Джордж учредил систему доноительства — он вознаграждает тех, кто сообщает ему о каких-либо сомнительных поступках членов общины. Хотя все ее члены категорически отрицали, что такая практика имеет место, доносчики считались «истинно благочестивыми» людьми, поскольку «преданные люди рассказывают обо всем». Соответственно Кайл, как и многие другие, не доверял никому — временами даже собственной жене. Считается, что дружба мешает по-настоящему познавать Бога. Привязанность к человеку может помешать вынести объективное духовное суждение или решение по поводу какого-то участника Работы.

Брат Джордж разработал учение, которое не подлежит критике. Он убеждает прихожан не слушать критику или обвинения в адрес этого учения, поскольку в мыслях человека нередко таится «враг». По словам Кайла, подобная тактика приводит к «незаметному подавлению всякого критического, всякого аналитического мышления». Таким образом, прихожане не слушают ничего, кроме учения брата Джорджа.

Как считают Кайл и его жена, они сумели продержаться в «Ассамблее» так долго потому, что провели шесть из одиннадцати лет вдаль от Фуллертона и непосредственного влияния брата Джорджа. В это время они несли служение «Ассамблеи» в нескольких штатах. Кайл говорит:

Когда мы узнали о том, что нам предстоит вернуться в Фуллертон, мы всерьез задумались, стоит ли вообще уезжать со Среднего Запада, — просто потому, что долго уже не чувствовали над собой никакого контроля. Было гораздо легче звонить туда по междугороднему телефону, чем изо дня в день иметь дело с правилами жизни общины. Когда нам велели переехать в другой город, мы подумали, что так будет немного лучше. Но в конечном итоге всегда есть способ контролировать тебя, где бы ты ни находился. Брату Джорджу лучше всего было отвечать так: «Брат, я сделаю все, что ты от меня хочешь».

Однажды Кайл «впал в грех» и был отлучен от церкви. На самом деле он на некоторое время покинул церковь, потому что был «сыт по горло». Он начал понимать, что происходит незаметный процесс воздействия на людей, включающий в себя жесткое расписание, непрерывное обучение и бесконечные собрания, что за богодухновенную истину выдается предвзятое мнение руководящего брата. Он увидел «ужасные психологические цепи», в которые попадали люди, однако он знал и о том, что большинство покинувших «Ассамблею» людей отходят от Бога. Они отказываются от дальнейшей борьбы, полагая, что Сам Бог возложил на них невыполнимую задачу.

Не сумев привести в порядок свои мысли и разобраться в своих чувствах, Кайл «покаялся» и целый год был вынужден доказывать руководящим братьям искренность своего покаяния. Четыре месяца ему не давали причастия, а искренность его покаяния оценивалась по тому, насколько он был готов выполнять любые указания. Даже когда его покаяние приняли, их с женой все равно избегали, потому что прихожане опасались общаться с «падшим» работником. Кайл и его жена терпели такое отношение к себе полгода, а потом ушли из общины и начали новую жизнь.

* * *

Деспотичный стиль руководства у авторитарных лидеров вырабатывается не сразу. Авторитарные церкви возникают в результате того, что к способам манипулирования людьми, которые мы рассмотрели в этой книге, постепенно начинают прибегать все чаще и чаще. Мои собеседники, которые много лет общались с пасторами, упомянутыми на этих страницах, рассказывали, что в самом начале эти люди были намного мягче и добрее. Постепенно, по мере

того как они осознавали степень своего влияния и размеры своей власти, эти пасторы и их служения начинали меняться. Вольно или невольно они пользовались легковёрностью некоторых прихожан и убеждали их в том, что Господь вручил им, пастырям, право господствовать над паствой.

Люди, которые злоупотребляют властью, постепенно меняются. Злоупотребляя властью, они всецело отдаются злу, обману, самоослеплению, черствости, не позволяя ни себе, ни другим увидеть, что происходит. Чем дольше длится этот процесс, тем труднее покаяться. «Хозяев» в церкви следует обнаруживать и спасать на ранних этапах, иначе их, возможно, уже не спасет никто. На протяжении всей истории Церкви такие люди производили в церквях невероятные опустошения.

Злоупотребление пасторской властью заметить нетрудно — по крайней мере, на поздних его стадиях. Авторитарная религия подменяет истинную свободу во Христе властью человека. Ее несомненными признаками являются безоговорочное послушание и слепая преданность пастырю. Руководители, прибегающие к духовным злоупотреблениям, превышают границы врученной им власти и «господствуют над стадом», зачастую вторгаясь в личную жизнь своих последователей. Вместо того чтобы узнавать для себя Божью волю, прихожане полагаются на то, что говорят им эти церковные «авторитеты». Авторитарные лидеры не стремятся к примирению и восстановлению отношений, им свойственны эгоцентризм и соперничество.

Но как же помочь таким лидерам и спасти их последователей? Для традиционных евангельских церквей это серьезная проблема. Большинство авторитарных церквей, которые я изучил, представляют собой автономные группы. Они не являются частью деноминации, которая могла бы с них спросить и призвать их к ответу. Как мы уже не раз убеждались на страницах этой книги, лидеры таких церквей никому не подотчетны и не допускают никакого вмешательства извне. Разве могут эти независимые группы сами призвать себя к порядку или просто проверить себя на предмет каких-либо отклонений? Мы высоко ценим всеобщую свободу вероисповедания и не любим копать в чужом огороде, а потому проблема авторитарных церквей едва ли будет решена, даже если мы осознаем, что ситуация далека от нормальной.

Ключ к пониманию данного явления кроется в человеческой душе — это желание управлять людьми и властвовать над ними. Это желание всегда было и будет свойственно человеку. Все мы — родители, супруги, учителя, рабочие — сталкивались с искушением властью. Кто-то сказал, что человек всегда готов злоупотребить своей властью, если может делать это безнаказанно. Так стоит ли удивляться тому, что жажда власти иногда вторгается в область религии, в церковную жизнь?

Уважаемый христианский писатель и врач Пол Турниер пишет, что «в нас, особенно в тех, кто движим самыми чистыми побуждениями, живет чрезмерная и пагубная жажда власти, ускользающая даже от самого искреннего и честного самоанализа». Он утверждает, что те, кто по роду своей деятельности помогает другим людям — социальные работники, врачи, психологи и пасторы, должны особенно ясно осознавать искушение властью, искушение манипулировать теми, кто обращается к ним за помощью, и подчинять их своей воле. «Никто из нас не остается равнодушным, когда в нем видят спасителя».

Хотя Турниер не затрагивал конкретную проблему злоупотребления пасторской властью в наши дни, его замечания о возможности неправильного использования духовной власти очень своевременны:

Они смотрят на нас как на знатоков, глашатаев Божьих, толкователей Его воли — сначала только для себя, но очень скоро, прежде чем мы успеваем это понять, и для других людей, особенно если они этого настойчиво от нас требуют. Точно так же мы очень скоро ловим себя на мысли о том, что люди повинуются Господу, когда следуют нашим советам, и что, противясь нам, они в действительности противятся Богу.

Вероятно, нам не удастся помешать жадным до власти людям увязнуть в их собственных авторитарных устремлениях, но мы должны напоминать всем, кто станет нас слушать, в том

числе и лидерам традиционных христианских церквей, что признаки истинного величия — это немощность и зависимость от Бога. Гарольд Басселл пишет:

Антитезой злоупотреблению властью является доброта, которая более всего заметна и очевидна, когда она сопутствует силе. Добрые лидеры, пасторы или учителя, не навязывают неграмотным людям свое понимание и свои познания, не хвалятся своими дарами перед теми, у кого есть какая-то нужда. Они терпеливы. Они ждут тех, кому требуется много времени, чтобы все понять. Они сочувствуют слабым и помогают людям. Доброта лидера, пастора или учителя, — это признак отнюдь не его слабости, но силы, облеченной в сострадание.

Все это резко контрастирует с манерами авторитарных лидеров, которым, как мы видели, зачастую недостает сочувствия и доброты. Власть обладает способностью усыплять совесть, поэтому тем, кто прибегает к духовному или психологическому насилию в отношении других людей (например, деспотичным родителям), не свойственны сожаление и раскаяние. Они отрицают свою вину за то, что делали с людьми, а свои собственные слабости проецируют на других.

Если мы обладаем какой-то властью над людьми и не можем обуздать самих себя, мы невольно начинаем подчинять себе других. Власть, которая создает лидеру непререкаемый авторитет... приводит как самого лидера, так и его последователей на путь, отмеченный разрушительными отношениями, эксплуатацией и принуждением. Облеченная в сочувствие власть, которая умиряет и ограничивает себя, ведет к доброте, заботе и зрелости. Иисус сказал: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10:11). Он является для нас образцом служения и руководства.

Помимо прочего, христианской Церкви необходимо помогать верующим развивать в себе навык различения добра и зла — таким образом мы уменьшим вероятность того, что эти люди пойдут за каким-то еретиком или ложным учением. На мысль о необходимости различения добра и зла меня навел один бывший член «Ассамблеи веры» Хобарта Фримана. Он поведал мне о том, как упор на «евангелие веры» и «хождение в вере» в конце концов заставил его забыть о том, что в центре всего должен быть Иисус Христос:

«Евангелие веры» — это ложное, небиблейское учение. Оно подменяет собой взаимоотношения с Иисусом. Христос отходит на второй план. Нас учили, что если ты веришь в Бога, Бог благословит тебя и ты получишь несомненное доказательство того, что следуешь за Иисусом Христом. Эти люди обычно говорят: «Я всем сердцем верю, что я на истинном пути, потому что Иисус исцелил меня. Иисус дал мне повышение по службе. Иисус дал мне новую машину. Он дал мне все, чего желало мое сердце». Их успехи якобы доказывают глубину их веры, ее безусловное подтверждение. Решающим доказательством твоего спасения становится то, что ты делаешь, а не то, что сделал Иисус для твоего спасения.

Этот молодой человек рассказывает, насколько привлекателен акцент на позитивном мышлении, или «позитивном исповедании», как его называют в «Ассамблее веры». Многих новообращенных христиан, с которыми он познакомился в церкви, привлекал не столько сам Хобарт Фриман, сколько возможность сверхъестественных, необычных переживаний. «Люди ищут себе учителей, которые претендуют на обладание особым откровением и обещают знамения и чудеса. Им нужно нечто большее, чем просто отношения с Иисусом Христом».

Одна женщина, в прошлом принадлежавшая к авторитарной церкви, рассказала мне о том, что она на себе испытала «все увлечения новыми религиозными движениями, которые только появились в Америке за последние десять лет». Ее церковь, первоначально построенная на учении Джона Уимбера о «знамениях и чудесах», перешла от духовного исцеления к

«внутреннему», пробовала силы в визуализации, «служении освобождения», «позитивном исповедании», «отношениях, основанных на завете», «учении о преуспевании», ученичестве и наставничестве и даже в организации общинного образа жизни. Она ушла из церкви в полном смятении, страдая от духовного истощения. «Мне все еще тяжело читать мою старую Библию, ту самую, школьную, которая вся в пометках. Мне приходится читать другой перевод. Я не могу петь прежние гимны, и мне трудно ходить в церковь».

То, что эта женщина рассказывает о цепочке духовных увлечений, с которыми ей довелось столкнуться, заставило меня вспомнить об одной книге, которая не получила широкого признания, но которую, как я считаю, должен внимательно изучить каждый христианин, интересующийся проблемой современных течений в евангельском и харизматическом движении. Книга называется «Чудеса и Слово» и представляет собой сборник статей, тактично и умно критикующих движение «Виноградник», основанное и возглавляемое Джоном Уимбером. (Сегодня в Северной Америке есть более двухсот общин «Виноградник»; кроме того, это движение проводит семинары в Европе, Южной Африке и Австралии.) Основное внимание в этой книге уделяется «знамениям и чудесам», которым движение «Виноградник» придает особое значение, но мне кажется, что изложенные в ней факты могут быть истолкованы шире и помогут вам понять любое новое религиозное движение.

Мне очень часто задают вопросы о движении «Виноградник». Основываясь на многочасовых беседах с бывшими и настоящими членами движения Джона Уимбера, я считаю, что вопросы, поднятые в книге «Чудеса и Слово», вполне оправданны и что это быстро растущее движение имеет наибольший потенциал, для того чтобы обрасти проблемами, которые я рассмотрел выше. Более того, по некоторым сведениям, авторитарные проявления уже присутствуют в церквях «Виноградник». Тем не менее я полностью согласен с одним из авторов книги, который пишет:

Движение «Виноградник» оказывает влияние на многих людей как в Церкви, так и вне ее. Мы не можем отрицать, что своим существованием оно обязано несомненной работе Святого Духа, а потому нам не следует подрывать его репутацию... В то же время мы должны знать, до каких крайностей может дойти подобное движение... Большинство новых движений обретает энергичных сторонников, и многие из них склонны доводить идеи лидеров до крайности. Нам не следует отвергать это движение из-за его злоупотреблений — скорее, мы должны протянуть ему руку и помочь наставлением и советом, когда это нужно и уместно.

Размышляя над проблемой авторитарных церквей и дальнейшего развития потенциально авторитарных групп, можно сказать, что консервативное христианское сообщество с трудом осознает эту нужду в наставлении и совете и не испытывает большого желания на нее откликнуться. Как мы вскоре убедимся, некоторые группы готовы к диалогу с более консервативными церквями. Некоторые из них, напротив, исключительно замкнуты: они отвергают любые инициативы со стороны традиционных церквей и считают остальных христиан не принадлежащими к числу избранных.

Еще одна проблема, стоящая перед христианским сообществом, заключается в необходимости признать тот факт, что по крайней мере некоторые люди перешли в авторитарные группы из традиционных евангельских церквей. Они серьезно и искренне ищут Бога, но по тем или иным причинам разочаровались в консервативном евангельском движении. Многие из них ищут более тесных взаимоотношений, которых зачастую не найти в традиционных церквях. Как отмечает Йикли, «в современную церковь люди приходят чужаками, уходят чужаками, и их жизни никогда не соприкасаются друг с другом».

Другие предпочитают более неформальную, харизматическую манеру поклонения, которую не предлагают многие традиционные евангельские церкви. Кстати, бывшие члены авторитарных церквей, оглядываясь на свою прежнюю жизнь, говорили мне, что больше всего им не хватает именно привычного стиля поклонения. Третьи упоминают о привлекательности атмосферы, которая напоминает семейную. В моем архиве есть письмо от одного человека,

который высказывает такую довольно распространенную мысль: «Одна из хороших сторон группы заключалась в том, что она давала подобным мне людям такое сильное ощущение «семьи» и «причастности», какого я не испытывал ни до ни после».

Что привлекает христиан в нетрадиционных группах? Помимо только что названных причин — большей свободы в поклонении, признания, общения и семейной атмосферы, их влечет волнующее предвкушение новых переживаний, жажда чего-то нового и большего. Это хорошо видно из такого наблюдения над церковью «Виноградник»: «Недовольство отсутствием духовной силы, неудовлетворенность своими отношениями с Христом, жажда новых и более глубоких переживаний в Боге... Упор, который «Виноградник» делает на силу, знамения и чудеса, несомненно, притягивает тех, кто ищет чего-то большего».

Я уже упоминал о том, какую роль играют в деградации многих авторитарных церквей субъективные переживания. И я с полным основанием обеспокоен тем, что определенные христианские круги, в том числе движение «Виноградник», чрезмерно увлекаются изгнанием бесов, заявлениями «пророков» вроде Пола Кейна и Боба Джонса, разговорами о «новой породе» людей («армия Иоиля» — единственная в своем роде армия последних дней, составленная из верующих, наделенных сверхъестественной силой, чтобы творить «знамения и чудеса», очищать Церковь и преодолевать любое сопротивление Евангелию), откровением «явленных сыновей Божьих», небиблейским «богочеловеческим» богословием Бенни Хинна и «данными свыше учениями» всевозможных «пророков последних дней», которыми изобилует харизматическое движение. Размеры книги не позволяют рассмотреть все эти феномены, но читатель должен отнестись к ним с осторожностью.

Как справедливо заметил д-р Пол Дж. Хиберт:

...у большинства движений, существующих внутри Церкви, современный интерес к исцелению, пророчеству и экзорцизму имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Он напоминает нам о необходимости серьезного отношения к тому, что делает Святой Дух для удовлетворения обычных человеческих нужд. Но его опасность состоит в том, что мы начинаем придавать чрезмерное значение второстепенным с точки зрения Писания вещам и изменять Евангелие, приспособлявая его к духу нашего времени. Сатана часто искушает нас тем, в чем мы особенно сильны. Он не предлагает нам явную ересь, а берет то хорошее, что у нас есть, и извращает его, используя наши эгоистические побуждения.

В большинстве своем авторитарные церкви не проповедуют явной ереси, но возглавляющие их люди, похоже, с готовностью выступают от имени Бога, «путая то, что Бог говорит в Писании, со своим личным пониманием Писания». Это создает благоприятную ситуацию для проповеди откровенной ереси и для тех самых духовных злоупотреблений, о которых мы говорили.

Способны ли авторитарные церкви измениться? Не так давно некоторые лидеры объявили о подобных изменениях и признали свои ошибки. Боб Мамфорд, один из руководителей авторитарного движения, официально известного под именем «Служение христианского роста» (Christian Growth Ministries), совершил невероятный поворот на 180 градусов, когда в ноябре 1989 года выступил с публичным покаянием. Будучи одним из пяти основателей «Служения христианского роста» (наряду с Доном Бэшемом, Эрном Бакстером, Дерекком Принсом и Чарлзом Симпсоном), Мамфорд признал, что его учение о подчинении стало причиной ряда злоупотреблений, в том числе «извращенной и небиблейской формы послушания» лидерам. Он «с печалью» покаялся и попросил прощения. Кроме того, он признал, что многие семьи были разрушены, а многие жизни — исковерканы.

В интервью журналу «Christianity Today» Мамфорд отметил, что злоупотребление духовной властью приводило к «травматическим, болезненным, а иногда даже катастрофическим» последствиям. Лидеры, сказал он, действовали в ситуации, когда библейские границы их власти не были четко определены. «Одной из причин моего публичного

покаяния было осознание того, что такое неправильно отношение все еще существует в сотнях независимых церковных групп, которые не подотчетны никому».

Джек Хэйфорд, участие которого во многом повлияло на решение Мамфорда принести публичные извинения, заявил в журнале «Ministries Today», что он был одним из сотен пасторов, которые на протяжении пятнадцати лет «по кусочкам собирали жизни, изломанные экстремистскими учениями, искажающими истину, и деструктивными представлениями об ученичестве, власти и наставничестве».

В ноябре 1989 года объединение церковей «Маранафа», инициатором которого был Боб Вайнер, объявило о том, что созданная в его рамках международная федерация церковей будет распущена. Среди причин развала организации можно упомянуть молодость и неопытность пасторов, а также присущую ей сомнительную практику наставничества (хотя представители «Маранафы» так и не признали эти обвинения). Церкви как таковые в большинстве своем не закрылись — просто они стали еще более автономными.

Одним из самых ободряющих признаков перемен являются события, которые происходят в Ассоциации церковей «Великое Поручение», бывшей Международной организации «Великое Поручение». Основатель организации Джим Маккоттер отошел от дел, а нынешние руководители (в числе которых до сих пор есть многие лидеры организации), выбирая новый путь развития, советовались с евангельскими пасторами, рядовыми прихожанами, бывшими членами церкви и некоторыми известными христианскими организациями. Я дважды встречался с представителями национального руководства Ассоциации и уверен, что они искренне стремятся к исцелению отношений внутри церкви и хотят изменить саму структуру организации.

Руководство «Великого Поручения» попыталось выявить свои «ошибки и недостатки», которые, по их мнению, объясняются неправильным и несбалансированным учением церкви, юношеской незрелостью некоторых лидеров и рядом других причин. Один из высших руководителей Ассоциации в адресованном мне частном письме утверждал: «У нас есть желание открыто и честно признать ошибки, которые имели место в церкви, однако мы не хотим по ошибке или без нужды опорочить то, что Господь делал в нашей организации в прошлом...»

Бывшие члены «Великого Поручения» относятся к этим событиям с осторожным оптимизмом и, по правде говоря, некоторым удивлением. Другие же настроены более цинично и опасаются, что все эти инициативы — лицемерный жест со стороны Ассоциации, которая хочет добиться признания и одобрения консервативного евангельского сообщества, но при этом избежать открытого признания того, какой большой вред был нанесен людям в прошлом. К моменту написания этой книги процесс примирения и возрождения еще не закончен. Многие не торопятся с выводами, предпочитая дождаться его завершения и удостовериться в глубине произошедших перемен. Ассоциация церковей «Великое Поручение» вполне может подать хороший пример другим авторитарным группам.

Серьезные перемены происходят и в некоторых харизматических католических общинах, благодаря усилиям их бывших членов, которые открыто обличают эти церкви за манипулирование людьми и духовные злоупотребления. В общине «Слово Божье» (The Word of God Community) в городе Анн-Арборе (Мичиган) произошел раскол, и ее основатели Ральф Мартин и Стив Кларк разошлись в разные стороны. В марте 1991 года руководители «Слова Божьего» обратились к своим прихожанам с письмом, в котором выразили желание покаяться в «духовной гордыне и самоуверенности, высокомерии, законничестве и неумеренном использовании пасторской власти». Несколько месяцев спустя эти же самые руководители собрали прихожан и объявили им, что отныне никто не должен находиться под чьим-либо контролем, и тем самым по сути отказались от ранее существовавшего в церкви патерналистского отношения к людям. Разногласия между Мартином и Кларком сводятся к вопросу о власти и служении пастора в христианской общине. Сторонники Мартина предпочли меньший контроль со стороны пастора и меньший упор на подчинение, Кларк же полагает, что попечение о духовном и материальном благосостоянии членов церкви возложено на лидеров

церкви, а потому они должны в разумных пределах распространять на прихожан пасторскую власть.

Журнал «National Catholic Reporter» опубликовал свидетельства бывших членов других харизматических католических общин, в которых от женщин требуют абсолютного подчинения мужчинам, а все прихожане должны подражать лидерам церкви — вплоть до того, какие прически и какую обувь им следует носить. Одна из этих церквей приветствовала рождение мальчиков, а к новорожденным девочкам относилась в лучшем случае «терпимо». В другой церкви «неодобрительно» относились к тому, что один прихожанин навещал умирающую мать: «Ему велели покаяться в том, что он провел с ней воскресное утро».

Альберт Оттенвеллер, епископ Римско-католической церкви в городе Стюбенвилле (Огайо), инициировал расследование деятельности «Служителей Христа-Царя» (Servants of Christ the King), харизматического «сообщества завета», принадлежащего к широко распространенной в США и за рубежом ассоциации «Меч Духа» (Sword of the Spirit). Епископ Оттенвеллер подверг «Служителей Христа-Царя» критике за «высокомерие» и «отсутствие сочувствия и любви к нуждающимся». Он утверждал, что руководство этой общины полностью подчиняет себе последователей, вмешиваясь в их семейные отношения и регламентируя их образ жизни. «Членам общины был нанесен огромный психологический ущерб».

Не все церкви, принадлежащие к ассоциации «Меч Духа», отказались от своих явно авторитарных принципов, но лидеры общины «Слово Божье» из Анн-Арбора, похоже, покаяться искренне — это, несомненно, каким-то образом повлияет на будущее ассоциации в целом. В интервью консервативному католическому журналу «Fidelity» старший координатор «Слова Божьего» Ральф Мартин признал, что проблемы в его церкви существовали давно:

Я думаю, что на первом этапе возникновения нашей церкви маленькая группа людей взяла все руководство в свои руки. Я был в этой группе... Я думаю, что [мы] некоторым образом подменили собой Самого Господа. Вместо того чтобы довериться Господу и слушаться Господа... [мы] по сути начали отстаивать свое детище, свое дело таким образом, что это привело нас к злоупотреблению властью и господству над жизнью людей.

Эти примеры покаяния долгожданны и заслуживают всяческих похвал, однако мы не должны забывать о тех, чья жизнь была исковеркана (в некоторых случаях необратимо) за те долгие годы, когда ныне покаявшиеся лидеры еще были глухи к предостережениям и не желали признавать свои недостатки. Это нам, не изведавшим боль и страдания, которые выпали на долю их последователей, легко сказать: «Простите и забудьте».

В этом падшем мире мы ведем непрерывную борьбу, пытаюсь понять, что за голоса говорят с нами, на самом ли деле они от Бога. Истинная проблема заключается в том, чтобы устремить свой взор на Христа, Великого Пастыря, Который знает Своих овец и никогда не оставит нас.

* * *

И было ко мне слово Господне: сын человеческий! изреки пророчество на пастырей Израилевых... так говорит Господь Бог: горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! не стадо ли должны пасти пастыри? <...> Слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими с насилием и жестокостью. И рассеялись они без пастыря... <...> Посему, пастыри, выслушайте слово Господне. <...> ...пастыри Мои не искали овец Моих, и пасли пастыри самих себя, а овец Моих не пасли... вот, Я — на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их, и не дам им более пасти овец... Я Сам отыщу овец Моих и осмотрю их... <...> ...пораненную перевяжу, и больную укреплю... буду пасти их по правде. <...> ...Я спасу овец Моих, и они не будут уже расхищаемы... <...> ...вы — овцы Мои, овцы паствы Моей; вы — человеки, а Я — Бог ваш, говорит Господь Бог. (Из 34-й главы Книги Пророка Иезекииля.)